Гуманитарные исследования Центральной России

Humanities researches of the Central Russia

№ 2 (3), 2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-65656 от 13 мая 2016 г.)

Информация о материалах научного журнала предоставлена в систему РИНЦ по договору № 151-03/2017 от 29.03.2017 г.

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

РЕДАКЦИЯ:
398020, Российская Федерация, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
Телефон: +7 (4742) 32-83-12

Издается с 2016 года.
Периодичность издания – 4 раза в год.

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University"
42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

EDITORIAL OFFICE:
42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Telephone: +7 (4742) 32-83-12

Published since 2016.
Publication frequency: quarterly.

e-mail: gicr-lspu@yandex.ru
http://lspu-lipetsk.ru/giceros

При цитировании ссылка на журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2017

16 +

Научный журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» публикует научные материалы результатов фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру проблем гуманитарного знания.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников по следующим отраслям наук:

07.00.00. Исторические науки и археология
13.00.00 Педагогические науки
22.00.00. Социологические науки

Журнал осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в издательстве и редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики, в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендаций Комитета по этике научных публикаций.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

The scientific journal «Humanities researches of the Central Russia» publishes scientific papers results of basic and applied researches in a wide range of humanitarian problems.

The content and the titles of sections correspond to the scientific branches and to the scientists' specialties groups according to the Nomenclature of specialties for scientists:

07.00.00 Historical sciences
13.00.00 Pedagogical sciences
22.00.00 Sociological sciences

For the complex expert evaluation all manuscripts undergo "double-blind" review. All the reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. The Reviews are stored in the publishing house and publishing office during 5 years.

The Editorial staff sends to the submitted materials' authors the reviews'copies or a substantiated refusal. The Editorial staff of the journal sends the reviews' copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by request.

«Humanities researches of the Central Russia» journal is registered in the Russian Index of Scientific Citations and submits information about the published articles to the Russian Index of Scientific Citations. The opinions expressed by the journals' authors do not necessarily reflect those of the Editorial Staff.

The journal is indexed and archived by the Russian Index of Scientific Citations.

Редакционный совет

Богуславский Михаил Викторович, главный редактор, заведующий Центром истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия).

Бурмыкина Ирина Викторовна, заместитель главного редактора, проректор по научной работе ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры управления, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Шевченко Иван Александрович, **ответственный секретарь,** доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат исторических наук (г. Липецк, Россия).

Бабинцев Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук (г. Белгород, Россия).

Беляков Владимир Владимирович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета МО РФ, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Габор Дьёни, научный сотрудник университета имени Лоранда Этвеша, Центр русистики, кандидат исторических наук (г. Будапешт, Венгрия).

Грот Лидия Павловна, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ», кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Мельникова Раиса Ильинична, ректор Воронежского института экономики и социального управления, профессор, доктор социологических наук (г. Воронеж, Россия).

Скворцова Светлана Алексеевна, профессор кафедры математики и методики ее обучения Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук (г. Одесса, Украина).

Федина Нина Владимировна, и.о. ректора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доцент, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Mikhail V. Boguslavskiy, editor in chief, head of the Centre history of pedagogy and education of the Institute of the education development strategy of RAE, Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of RAE (Moscow, Russia).

Irina V. Burmykina, deputy editor in chief, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of management, provost, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Ivan A. Shevchenko, executive editor, Ph. D. (History), docent, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Valentin P. Babintsev, Dr. Sci (Philosophy), professor, chair of social technologies, Belgorod State University (Belgorod, Russia).

Vladimir V. Belyakov, Dr. Sci (History), leading researcher of the Institute of oriental studies RAS, professor, Military University (Ministry of Defence of the RF) (Moscow, Russia).

Gabor Dëni, Ph. D. (History), researcher, Loránd Eötvös University, Russian Studies center (Budapest, Hungary).

Lydia P. Groth, Ph. D. (History), director of consulting and educational enterprise "NORRKON AB" (Lulea, Sweden).

Viktor N. Zakharov, Dr. Sci (History), professor, deputy director of the Russian History Institute (RAS) (Moscow, Russia).

Raisa I. Melnikova, Dr. Sci (Sociology), Rector of Voronezh Economics and Social Management Institute, professor (Voronezh, Russia).

Svetlana A. Skvortsova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, chair of mathematics and teaching methods, South Ukrainian national pedagogical university named after K.D. Ushynsky (Odessa, Ukraine).

Nina V. Fedina, Ph.D. (Pedagogy), acting rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia).

Редакционная коллегия

Вашкау Нина Эмильевна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Волков Владимир Алексеевич, профессор Московского педагогического государственного университета; профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, доктор социологических наук (г. Белгород, Россия).

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Дюжакова Марина Вячеславовна, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Воронежского государственного педагогического университета, доцент, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Егорова Галина Ивановна, заведующая кафедрой химии и химической технологии Тюменского индустриального университета (филиал в г. Тобольске), профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАЕ (г. Тобольск, Россия).

Елисеев Владимир Константинович, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специального образования, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Емельянова Елена Олеговна, профессор кафедры географии, биологии и химии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Земцов Леонид Иосифович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Катаев Дмитрий Валентинович, доцент кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат социологических наук (г. Липецк, Россия).

Лазарева Мария Васильевна, заведующая кафедрой дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Мангер Татьяна Эдуардовна, заведующая отделением допрофессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессор, доктор педагогических наук (г. Тамбов, Россия).

Панин Сергей Борисович, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета, доктор исторических наук (г. Иркутск, Россия).

Патрушев Владимир Иванович, профессор Одинцовского гуманитарного университета, доктор социологических наук (г. Одинцово, Россия).

Перевезенцев Сергей Вячеславович, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Рослякова Надежда Ивановна, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии факультета педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Краснодар, Россия).

Фомин Вячеслав Васильевич, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Черешнева Лариса Александровна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Шмарион Юрий Васильевич, профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Editorial board

Nina E. Vashkau, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Vladimir A. Volkov, Dr. Sci (History), professor, Moscow State Pedagogical University, Russian Academy of painting, sculpture and architecture (Moscow, Russia).

Nikolai S. Danakin, Dr. Sci (Sociology), professor, chair of sociology and administration, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russia).

Arkadiy N. Dolgikh, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Marina V. Dyuzhakova, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of pedagogy and methodology of preschool and primary education chair, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia).

Galina I. Yegorova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of chemistry and chemical technology chair, Tyumen industrial University (branch in Tobolsk), corresponding member of RANH (Tobolsk, Russia).

Vladimir K. Eliseev, Dr. Sci (Psychology), professor, head of pedagogy, psychology and special education chair, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Elena O. Emel'janova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, Chair of geography, biology and chemistry, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Leonid I. Zemtsov, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Dmitry V. Kataev, Ph. D. (Sociology), docent, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Maria V. Lazareva, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Tatiana E. Munger, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of pre-professional education Department, Tambov State Derzhavin University (Tambov, Russia).

Sergey B. Panin, Dr. Sci (History), professor, chair of social and economic disciplines, Pedagogical Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Vladimir I. Patrushev, Dr. Sci (Sociology), professor, Odintsovo humanities University (Odintsovo, Russia).

Sergey V. Perevesentsev, Dr. Sci (History), professor, chair of the history of socio-political doctrines, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Nadezhda I. Roslyakova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of preschool pedagogy and psychology chair, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

Vyacheslav V. Fomin, Dr. Sci (History), professor, head of chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Larisa A. Chereshneva, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Yuri V. Shmarion, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Содержание

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Богуславский М.В., Неборский Е.В.
Стратегические тенденции развития системы высшего образования в Российской Федерации……..7

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.А. МОСКАЛЕНКО
Шопина Л.П.
Константин Москаленко – миссия Прометея……21

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Федина Н.В., Богуславский М.В., Лазарева М.В., Звезда Л.М., Филиппова Е.В., Тигрова И.В., Тарасенко Т.В., Коротких О.В., Меркулова Т.К., Попова Г.А.
Государственная политика в области дошкольного образования в России в период 1984–2015 гг……32
Елисеев В.К.
Исследование профессионально-личностной инертности кадрового состава дошкольных образовательных учреждений и пути ее преодоления в контексте реализации стандарта дошкольного образования……51

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
Олейниченко А.В.
О происхождении имени Рюрик/Рурик/Рорик……57

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И «БУНТАШНЫЙ» ВЕК
Рощупкин А.Ю.
Елецкие служилые казаки в конце XVI – первой половине XVII вв. на «государевой» службе. (по материалам Ельца и уезда)……76
Мокшин Г.Н.
О новом «Городовом строении» в Землянске в 1678 году……83

В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНА
Первицкий Ю.П.
1916 год: новые явления в жизни российской провинции (на примере Лебедянского уезда Тамбовской губернии)……92

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
Шмарион Ю.В.
Социологический анализ влияния жилищных условий на здоровый образ жизни населения муниципального образования……102

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……112

PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN HIGH SCHOOL
Boguslavskiy M.V., Neborskiy E.V.
Strategic tendencies of the development of higher education in the Russian Federation…..7

TO THE CENTURY OF THE BIRTHDAY K.A. MOSKALENKO
Shopina L.P.
Konstantin Moskalenko – the mission of Prometheus……21

ACTUAL ISSUES OF PRESCHOOL EDUCATION
Fedina N.V., Boguslavsky M.V., Lazareva M.V., Zvezda L.M., Filippova E.V., Tigrova I.V., Tarasenko T.V., Korotkich O.V., Merkulova T.K., Popova G.A.
State policy in the field of preschool education in Russia in the period of 1984-2015……32
Eliseev E.K.
A study of professional and personal inertness of preschool educational establishments and ways of its overcoming in the context of the implementation of the standard of preschool education…51

EUROPEAN MEDIEVAL PERIOD
Oleinichenko A.V.
On the origin of the name Rurik/Rurik/Roric……57

RUSSIAN PROVINCE AND THE "BUNT" EYE
Roschupkin A.Y.
Yelets sluzhily cossacks at the end of XVI – first half XVII centuries on «gosudarevy» service. (on materials of the Yelets and county)……76
Mokshin G.N.
About a new "Town building" in Zemlyansk in 1678……83

BEFORE THE REVOLUTION OF 1917: A VIEW FROM THE REGION
Pervitskiy Y.P.
1916: new phenomena in the life of Russian province (on example of Lebedyan county of Tambov province)……92

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
Shmarion YU.V.
Sociological analysis of the influence of housing conditions on the healthy means of the life of the population of the municipal formation……102

INFORMATION ABOUT AUTHORS……112

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 378

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Богуславский
Заведующий Центром истории педагогики и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», главный редактор журнала «Гуманитарные исследования Центральной России», доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования
hist2001@mail.ru

Е.В. Неборский
Канд. пед. наук, Удмуртский государственный университет,
neborskiy@list.ru

В статье охарактеризованы основные тенденции современной образовательной политики и приоритеты развития системы высшего образования в Российской Федерации. Среди основных тенденций в статье в сравнительно-сопоставительном плане специально рассмотрена система ранжирования университетов, которая выражается в стратификации учреждений высшего образования по вертикальным и горизонтальным уровням. Охарактеризованы позитивный потенциал и риски подобной стратификации.

Ключевые слова: стратегия развития российского образования, модернизация, высшее образование, университеты, глобализация образования, конкурентоспособность.

STRATEGIC TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

M.V. Boguslavskiy
Doctor of pedagogy, corresponded-member of Russian Academy of Education

E.V. Neborskiy
Ph.D (Pedagogy), Udmurt State University

The article outlines the main trends of modern educational policy and priorities for the development of higher education in the Russian Federation. Among the main trends in the article, in comparative terms, the university ranking system is specifically considered, which is expressed in the stratification of institutions of higher education at vertical and horizontal levels. The positive potential and risks of such stratification are characterized.

Keywords: strategy of the development of Russian education, modernization, tertiary education, universities, globalization of education, competitiveness.

В современных условиях в сфере стратегии образовательной политики приоритетным выступает сохранение культурной самоидентичности российского образования в контексте глобализационных процессов, сочетание его традиционных преимуществ с обеспечением конкурентоспособности в мире.

Вместе с тем кризис глобализации кардинально стимулирует значимость национальных проектов в области высшего образования. На заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам под председательством Президента РФ В.В. Путина (13.07.2016) среди важнейших задач было особо подчеркнуто «развитие отечественной цифровой образовательной среды и выход российского высшего образования на глобальный рынок» [21].

Это требование получило дальнейшее развитие и обоснование на заседании президиума Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам, посвященном сфере образования (24.08.2016). В своем выступлении Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев среди четырех приоритетов развития отечественного образования подчеркнул, что «необходимо выстроить на базе ведущих университетов систему создания и продвижения инноваций, которая позволит университетам разрабатывать свои интеллектуальные продукты; следует повысить конкурентоспособность на мировом рынке образовательных услуг и закрепиться на высоких позициях в международных рейтингах» [20].

При реализации этих стратегических задач необходимо рефлексировать, что особенность и сложность современной образовательной ситуации в РФ заключается в одновременном существовании и реализации двух позитивных образовательных стратегий (вестернизаторско-либеральной и традиционно-консервативной), причем построенных на разных идеологических и педагогических основаниях. Очевидно, что базовые ценности, лежащие в основе одновременно реализуемых сейчас стратегий развития российского образования противоположны. Это создает ситуацию повышенных рисков в осуществлении российского образования.

Эта проблема на методологическом, теоретическом и прогностическом уровнях концептуально охарактеризована нами в монографиях [5, 18] и цикле статей 2013–2016 гг. [3, 6, 7, 8, 10, 14, 15, 16, 17].

Парадигма, носящая либерально-вестернизаторский и инновационный характер, сейчас характеризует процессы, происходящие в российском высшем образовании (двухуровневая система высшего образования, компетентностный подход, Закон «Об образовании в РФ», Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования).

Целеценностные основы либерально-вестернизаторской парадигмы как мировоззренческой базы развития отечественного высшего образования формировались на протяжении двадцати лет – в 1990-е годы – и в первое десятилетие XXI века. Несущими основами выступали:

- признание реализации прав и потребностей субъектов образовательного процесса как доминирующей цели образовательного процесса;

- предельная вариативность типов, видов и форм организации образовательных учреждений и образовательного процесса;
- отсутствие у субъектов образовательной деятельности какой-либо ответственности перед государством, выражающейся, в частности, в вопросах трудоустройства;
- почти абсолютная свобода в осуществлении своей деятельности учреждений и организаций высшего образования при минимальной контрольной роли со стороны государства.

С начала XXI в. руководством Министерства образования и науки РФ был взят курс на перенос в отечественную высшую школу западных образцов высшего образования, преимущественно американской модели деятельности университетов. Стратегической целью образовательной политики, которой были подчинены все остальные, являлась максимальная интеграция системы российского высшего образования в глобальную западную систему образования. В этой политике были правомерно отрефлексированы, определены и частично реализованы основные перспективные позитивные векторы развития системы российского высшего профессионального образования в направлении ее интеграции в глобальное образование.

Процессы глобализации высшего образования неизбежно вводят систему российского высшего образования в пространство современных стратегических тенденций его развития. Среди наиболее значимых из них можно выделить следующие:

- виртуализацию, открытость субъектов современного высшего образования, их делокализацию (выход за рамки одного отдельно взятого региона, страны, континента);
- дигитализацию (цифрование) высшего образования – порождение электронного образования нового формата, цифрового образовательного контента, создание комплексной инфраструктуры, обеспечивающей условия для эффективного современного процесса образования на основе погружения образовательного сообщества в виртуальную среду;
- геймификацию (игровизию) процесса образования и личностного становления как наиболее современного и перспективного метода обучения;
- социальную ангажированность современного университета, превращение его в своеобразную «станцию социального обслуживания», быстро и результативно реагирующую на запросы общества;
- формирование феномена, который маркируют как «поп-образование» по аналогии с феноменом «поп-науки», обладающими близкими социальными функциями;
- конструирование моделей кооперации и сетевых подходов в университетском образовании, что позволяет ему развиваться в русле конвергентного развития экономической, политической и культурной сфер жизни общества;
- противопоставление традиционного высшего образования и обучения профессиональным компетенциям в корпоративном образовании;
- существенную трансформацию социальных и профессиональных ролей, в первую очередь руководителей и преподавателей вузов;
- возвращение в сферу университетов научно-исследовательской деятельности, создание в российской уни-

верситетской инфраструктуре технопарков, бизнес-инкубаторов и других, успешно апробированных на западе форм соединения образования, науки, бизнеса и производства;

- стимулирование международной интеграции российских и зарубежных университетов, реализация программ стажировок преподавателей и студентов, стимулирование проведения и участия в международных конференциях и исследовательских программах, привлечение к преподаванию известных зарубежных специалистов, значительный рост публикаций российских ученых и профессорско-преподавательского состава в международных информационных базах.

В данной связи отметим, что в современном российском высшем образовании:

- усиливается тренд на увеличение доли практико-ориентированного образования и развития вузов как центров создания инноваций, в связи с чем планируется реализация «целевого обучения» по трёхсторонним договорам «работодатель-университет-студент»;
- развивается цифровая образовательная среда университетов РФ: создание нормативных условий; реализация сетевых форм образовательных программ; поощрение создания базовых кафедр; согласование федеральных стандартов высшего образования с профессиональными стандартами;
- осуществляется поиск оптимального варианта связки между аспирантурой как 3-го уровня обучения и защитой диссертации (сейчас предусмотрена только подготовка научного доклада).

Обозначенные тенденции развития системы российского высшего образования получили свое обоснование и анализ в цикле наших публикаций, выполненных в 2014-17 гг. [1, 2, 4, 9, 11, 12, 13, 19, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31].

Вместе с тем охарактеризованная образовательная политика в целом пока не дала ожидаемого прорыва. Более того, по последнему индексу ООН «Развитие человеческого потенциала», где оценивается вклад государства, Россия переместилась с 34-го на 71-е место.

В данной связи при признании универсальных критериев и целей глобального развития мировой цивилизации у государственной власти на протяжении 2013–2017 гг. постепенно **формировалась целевая установка на изменение стратегии развития российского образования.** Приоритетной задачей становится построение его на национальной традиционно-консервативной основе как альтернативы в значительной мере идеологически исчерпавшей себя либерально-вестернизаторской модели, которая встречала нарастающую критику и все более усиливающееся сопротивление педагогической общественности.

Среди неоднозначных стратегических тенденций развития современной российской системы высшего образования особо **выделяется система стратификации университетов.**

Проецируя социологическое понятие «стратификация» (от лат. stratum – слой, пласт и facere-делать) на систему высшего образования, можно дать такую трактовку этой дефиниции. Стратификация – это многомерное, иерархически организованное образовательное пространство, состоящее из

иерархически расположенных устойчивых страт, под которыми понимается совокупность образовательных учреждений, объединенных общими статусными признаками. Распределение учреждений высшего образования по стратам происходит в соответствии с их вкладом в достижение целей государственной образовательной политики в зависимости от значимости их образовательной деятельности для государства, общества и личности.

Стратификация в сфере современного российского высшего образования закрепляется и поддерживается различными государственными и социальными институтами, постоянно воспроизводится и модернизируется, что является важным условием совершенствования системы высшего образования.

Вместе с тем необходимо учитывать, что неотъемлемым признаком стратификации системы высшего образования является официально закрепленное неравенство образующих ее учреждений.

Охарактеризуем стратификацию как фактор развития современного пространства высшего образования.

Современный университет представляет собой мультиплексную модель, состоящую из множества функций, комбинация которых может варьироваться в зависимости от локальных нужд региона, той социально-экономической среды, где существует университет, и совокупности внешних условий. Соответственно, форма, содержание, цели, задачи и миссия университетов от региона к региону тоже будут различны. В связи с развитием «экономики знаний» конструирование конкурентных образовательных продуктов возможно только в том случае, если продукт будет носить уникальный характер, обеспечивающий его создателю монопольные преимущества.

Университет не является только центром культуры или только центром науки, или даже «фабрикой по производству интеллектуальной рабочей силы» [32], как это планировалось в Болонском процессе, – он **становится сложным по своему функционалу комплексом.** Большое количество факторов – политических, экономических, социальных, культурных, социально-педагогических, – оказывают на него нарастающее влияние.

Каждый отдельно взятый университет становится непохожим на другой, и в этой его специфичности заключается основной смысл: он **может быть конкурентоспособен именно за счет уникальности.** Поддерживать подобную дифференциацию возможно путем признания различий в услугах, которые оказывают университеты [33].

Система высшего образования традиционно признавала различия между степенью абстракции, теории или исследовательской базы и степенью приложения, конкретности и практического применения. Существует, например, группа «исследовательских» университетов и группа «преподавательских» университетов. Так, например, в США в 1994 году Международным центром Карнеги по развитию образования были выработаны критерии исследовательского университета [29].

В настоящее время в США действуют практичные двухгодичные колледжи, профессиональные колледжи, университетские колледжи, исследовательские университеты. Эти четыре категории вузов можно рассматривать в качестве иллюстрации, отражающей

спектр спроса на трудовом рынке без какой-либо статусной иерархии. Причем студенты имеют возможность переходить из одного типа учебного заведения в другой.

В будущем появится новый тип студентов: они будут оканчивать не конкретный университет, а получать модульное образование по конкретному профилю в различных образовательных организациях. Способствовать этому может развитие информационных технологий, облачных пакетов и онлайн-курсов, постепенная экспансия крупных игроков на рынке образовательных услуг и всевозрастающие потребности работодателей в специалистах (часто по узким вопросам) [23].

В Германии дифференциация университетов, включенная в концепцию нового общественного управления, основана на качестве научно-образовательных услуг, оказываемых университетами.

В этом плане вузы Германии условно делят на 4 типа.

Первый тип – элитные университеты, фокусирующие свою деятельность на научных исследованиях и занимающие ведущие позиции в мировых рейтингах университетов. Вузы, относящиеся к этому типу, интенсивно сотрудничают с научно-исследовательскими институтами, обеспечивают инновационный характер проводимых исследований, являются привлекательным местом работы для выдающихся ученых и местом учебы амбициозных студентов.

Второй тип – университеты, которые имеют ряд направлений научно-образовательной деятельности, известных на национальном уровне. Эти вузы могут привлечь выдающихся ученых и способных студентов только на определенные факультеты, кафедры и направления подготовки.

Третий тип – объединяет наибольшее количество университетов, которые являются региональными «провайдерами», то есть рекрутируют студентов, прежде всего, из своего региона и обеспечивают в процессе своей научно-образовательной деятельности региональные потребности. Региональные университеты выполняют заказы местных предприятий и организаций на подготовку кадров и научные разработки.

Четвертый тип – концентрирует свое внимание, прежде всего, на научно-образовательной деятельности, «далекой» от большой науки и имеющей прикладной характер [22].

Данная матрица наглядно иллюстрирует вариативность классификации зарубежных университетов.

Глобальная **тенденция стратификации образовательного пространства в современной образовательной политике по отношению к системе российского высшего образования имеет доминирующий статус и носит нарастающий характер, приводя в итоге к элитаризации части российских университетов.**

При этом стратификация выступает определенной позитивной альтернативой ранее доминировавшему тренду на концентрацию ресурсов с целью создания крупных и суперкрупных университетов.

Это проявлялось в последовательном сокращении количества субъектов системы высшего образования в результате их слияния, поглощения и перепрофилирования, что особенно негативно сказалось на кластере выс-

шего педагогического образования. Прежним руководством Министерства образования и науки РФ тоже осуществлялась своеобразная стратификация, только носившая не стимулирующий, а репрессивной характер. Например, введение перечня «неэффективных вузов», которые в случае их несоответствия установленным критериям эффективности должны были быть ликвидированными.

Подчеркнем, что современная политика стратификации по отношению к системе высшего образования многоаспектна и разновекторна и включает в себя такие во многом пересекающиеся тренды как:

1. Иерархизация. Наиболее рельефным проявлением стратификационных тенденций является выстраивание иерархической структуры вузов в рамках системы высшего образования с выделением в ней страты привилегированных вузов. Эта страта включает в себя:

- *2 национальных университета* (МГУ и СПбГУ);

- 10 *федеральных университетов,* созданных в каждом субъекте Федерации путём объединения нескольких образовательных учреждений;

- 29 *национальных исследовательских университетов*.

2. ***Элитаризация.*** Продолжается государственная поддержка ведущих университетов, в том числе по программе повышения конкурентоспособности вузов, включающая в себя 21 университет. Затраты на эту программу составили в 2016 г. 11,1 млрд руб. В 2017–2019 гг. планируется на реализацию программы выделять от 10 до 10, 6 млрд руб.ежегодно. В этом же плане можно рассматривать и конкурсы на получение мегагрантов для создания исследовательских лабораторий мирового уровня; получение прорывных научных результатов; подготовку высококлассных специалистов, в том числе молодых ученых. Размер каждого гранта на научные исследования в 2018–2020 гг. составит до 90 млн рублей. Понятно, что их получение более вероятно коллективами из ведущих университетов.

3. ***Рейтинжирование.*** Нарастающее вхождение элитных российских университетов в престижные международные рейтинги в сфере высшего образования и динамичное их продвижение вверх в этих рейтингах.

Согласно Указу Президента РФ В.В. Путина «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (7.05.2012) до 2020 г. реализуется проект «5–100», направленный на повышение конкурентоспособности российских университетов на международной арене. Цель проекта – повысить престижность российского высшего образования и вывести не менее пяти университетов из числа участников проекта (21 вуз) в сотню лучших вузов авторитетных мировых рейтингов: QS World University Rankings (Международный рейтинг лучших университетов мира), Quacquarelli Symonds (Куакарелли и Саймондс), Times Higher Education (Высшее образование журнала “Время”) и Academic Ranking of World Universities (Академический рейтинг университетов мира). Однако в международный рейтинг лучших университетов мира QS World University Rankings пока не попал ни один российский вуз.

В настоящее время разрабатываются критерии создания российской системы рейтингов университетов, что, безусловно, только усилит стратификационные процессы.

4. ***Автономизация.*** До 2020 планируется реализовать программу новой модели государственной научной аттестации, сформировать перечень организаций высшего образования, имеющих право самостоятельно вне ВАКа присуждать учёные степени и выдавать соответствующие дипломы (с 2009 такими правами обладают МГУ и СПбГУ). В настоящее время согласно постановлению Правительства РФ от 11 мая 2017 г. в эту программу включаются 45 вузов и научных учреждений. Определены достаточно жесткие критерии, которым должны соответствовать эти учреждения для получения такого автономного статуса. В перспективе предполагается предоставление таким учреждениям возможности самостоятельно присваивать ученые звания профессора и доцента. При несомненно позитивном влиянии этих мер на повышение ответственности образовательных и научных учреждений за свои решения в данных сферах потенциально такой дискурс несет угрозу единому образовательному пространству РФ, создавая прецедент, когда дипломы, выданные в одном вузе, не будут признаваться в другом.

В рассматриваемом аспекте подчеркнем, что выделение группы из в целом 47 учреждений также, несомненно, усиливает стратификационные тенденции, устанавливая еще один кластер субъектов образовательного пространства.

5. ***Специализация.*** В ближайшей перспективе предусматривается ограничение сферы образовательной деятельности отраслевых вузов и сведение ее исключительно к профильным специальностям. Это исключит получение образования, например, в вузах лесной или горнодобывающей промышленности по универсальным специальностям юристов, экономистов, психологов или даже ИКТ. Потенциально такие ограничения могут коснуться педагогических учреждений высшего образования в плане получения образования по специальностям юристов, экономистов и, соответственно, закрытия этих факультетов или сейчас, как правило, институтов в структуре педагогических университетов. Все это приведет к дифференциации системы высшего образования на универсальные и специализированные образовательные учреждения ВО.

6. ***Регионализация.*** В настоящее время в качестве приоритетной реализуется программа создания в регионах на конкурсной основе системы *опорных вузов* (к 2017 их было 11), представляющих собой научно-образовательные кластеры, которые должны готовить кадры, необходимые для экономики и рынка труда регионов и стать научными и социокультурными центрами в регионах. Для этого в 2017 г. было выбрано ещё 22 новых опорных вуза: 8 университетов получат из федерального бюджета по 100 млн руб. в год и 14 университетов получат по 10 млн руб. и финансовую поддержку регионов. Всего на эту программу в 2017 г. выделено 3 млрд руб. В перспективе количество опорных вузов может достигнуть 150.

В таком же ракурсе следует рассматривать и создание, начиная с 2017 г., в 60 университетах РФ *центров инноваций*. Для этого университеты должны в своей инфраструктуре располагать технопарком, инжиниринговым центром или бизнес-инкубатором, а так же иметь непо-

средственное отношение к региональным кластерам, к особым экономическим зонам.

Анализируя эти меры, представляется, что руководство Министерства образования и науки РФ, понимая социальную несправедливость стратификационной образовательной политики по отношению к большинству региональных вузов, в настоящее время усиливает тренд на создание продуктивных вузов в регионах. Это делается с целью как стимулирования социально-экономического развития регионов, так и для того, чтобы сильные выпускники не поступали только в престижные, преимущественно, столичные вузы, а оставались учиться, а затем и работать в своих регионах.

Выводы

1. Кардинальное нарастание процессов стратификации в российском пространстве высшего профессионального образования **носит объективный характер и обуславливается как общими глобализационными процессами, так и в первую очередь государственной политикой в сфере образования.** Безусловная необходимость выполнения в 2018 г. Министерством образования и науки РФ Указа Президента РФ В.В. Путина «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 12 мая 2012 г. предусматривает, в частности, приоритетную поддержку ведущих университетов, включенных в проект «5–100», и ряд других мер стратификационной направленности. Поэтому общие рассуждения о правомерности стратификационного мейнстрима, на наш взгляд, непродуктивны.

2. Безусловно, мероприятия, осуществляемые в русле политики стратификации, несут в себе **большой позитивный потенциал**. Они стимулируют коллективы университетов к модернизации инфраструктуры, созданию современной технологизации образовательного процесса, введению новых дисциплин. Принципиально значима сама установка на укоренение вузов в регионе, их органичное встраивание в общую деятельность по социально-экономическому развитию регионов, снижение в них социальной нестабильности и деградирующих процессов из-за оттока наиболее креативной части выпускников местных школ в столичные университеты.

3. Вся эта деятельность **способствует преодолению имеющегося инфраструктурного и технологического отставания российских университетов от ведущих университетов мира**, формирования в университетах таких неотъемлемых компонентов современной университетской инфраструктуры как технопарки, инжиниринговые центры и бизнес-инкубаторы. Благодаря этому российские университеты вновь становятся привлекательными для российских абитуриентов из богатых семей, которые ранее традиционно выбирали зарубежные университеты, а так же для иностранных студентов. Это особенно значимо в ракурсе принятого 30 мая 2017 г. постановления Правительства РФ, предусматривающего осуществление проекта «Экспорт российского образования». Ожидается, что к 2025 г. количество иностранных студентов-очников в российских вузах должно вырасти с 220 тыс. в 2017 г. до 710 тыс., а число иностранных слушателей онлайн-курсов должно достигнуть 3,5 млн (сейчас 1,1 млн человек). Для этого, в частности, предусматривается создание международных служб для поддержки ино-

странных студентов сначала в 20 университетах, а с 2021 г. во всех вузах страны.

4. Вместе с тем формирование привилегированной группы из примерно 40 – 50 российских высших учебных заведений, что составляет примерно 5% из действующих в настоящее время в Российской Федерации 896 государственных организаций высшего образования, **создает серьезные риски**. Прежде всего, в условиях возникающего перераспределения бюджетного финансирования в сторону элитных вузов для остальных вузов **возникает риск сокращения финансирования**, что грозит им оказаться в ситуации рецессии или даже деградации, поскольку в современных условиях государственный бюджет скорее ограниченный, чем беспредельный.

Нельзя не обратить внимание и на то, что формирование элитной группы вузов **нарушает принцип социальной справедливости**, что всегда очень болезненно воспринимается в научном и педагогическом сообществе.

Осознавая эти риски, Правительство РФ 16 мая 2017 г. выделило 4, 25 млрд руб. из резервного фонда на развитие университетов. Субсидии должны быть потрачены на реализацию государственной политики в образовательной и культурной сферах, а также на финансирование расходов по содержанию имущества, оплату коммунальных, транспортных и услуг связи.

Другим серьезным риском являются возникающие **разрывы в едином российском образовательном пространстве** в результате осуществления курса на автономизацию части вузов и научных учреждений.

5. В данной связи особенно остро встает вопрос об **установлении продуктивных, объективных и внятных критериев** отнесения вузов в ту или иную группу, предоставления субсидий из федерального бюджета и различных грантов. При характеристике деятельности современных университетов необходимо видоизменять систему такой оценки и государственные стандарты в этой области. Существующая в настоящее время система единых «стандартов», установленных Министерством образования и науки РФ, с одной стороны, обеспечивает возможность проведения процедуры мониторинга и последующей стратификации, но с другой – смещает акцент в деятельности университетов на формальные показатели. Действительно, такие приоритетные сейчас критерии как количество публикаций статей преподавателей в научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science, Scopus и European Reference Index for the Humanities; масштаб привлеченных преподавателями вузов внебюджетных средств на научные исследования; количество квадратных метров помещений на студента и т. д. не имеют отношения к качеству реального образовательного процесса.

6. Рефлексия обозначенных рисков политики стратификации российского образовательного пространства и оперативное на них реагирование создает возможности для **динамичного развития отечественной системы высшего образования** и гармонизации в данной сфере вестернизаторско-либеральной и традиционно-консервативной стратегий осуществления современной образовательной политики.

Список литературы

1. Богуславский М.В., Неборский Е.В., Неборская В.В., Сюткина И.С., Юшкова Л.А. Высшее образование в немецкой и русской традициях. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – 284 с.

2. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Высшее образование в российской традиции: опыт и современность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар. – 2014. – № 9. – С. 229-232.

3. Богуславский М.В. Гармонизация современных стратегий модернизации российского образования // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика.– Оренбург: Оренбургский филиал РАНХиГС, Институт экономики УрО РАН, 2016. – Выпуск 5. – С. 201-206.

4. Богуславский М.В. Инновационные технологии как фактор повышения качества образования // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: Материалы III Международной научно-практической конференции (г. Ижевск, 17-18 ноября 2016 г.). – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 13-16.

5. Богуславский М.В. Историко-педагогическая экспертиза инноваций в образовании: научные основы. – М.: ИСРО РАО, 2015. – 118 с.

6. Богуславский М.В. Консервативная стратегия модернизации российского образования (история и перспективы) // Известия Российской академии образования. – 2014. – № 1 (29). – С. 39-45.

7. Богуславский М.В. Консервативная стратегия модернизации российского образования в начале XXI века // Педагогика XXI века: стандарты и практики: Материалы Международной научно-практической конференции (8 декабря 2016 года): 2 ч.– Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – Ч. 1. – С. 3-10.

8. Богуславский М.В. Концептуальные основы консервативно-традиционной стратегии развития российского образования // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 1(25). – С.17-21.

9. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Концепция развития системы высшего образования в России // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Том 4. – № 5.

10. Богуславский М.В. Модернизация российского образования в контексте современных стратегий его развития // Вестник Брянского государственного университета. Педагогика и психология. – № 1. – С. 125-129.

11. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Образовательный продукт и система оценки качества в условиях стандартизации системы высшего образования // Современные подходы к организации образовательного процесса в условиях стандартизации образования: Сборник научных статей и материалов IV Международной научно-практической конференции, проводимой на базе Архангельского индустриально-педагогического колледжа 17 марта 2017 года: В 2 частях. – Архангельск: КИРА**,** 2017. – Ч.2. – С. 5-9.

12. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Перспективы развития системы высшего образования в России // Интернет-журнал «Науковедение». – 2015. – Том 7. – № 3(28).

13. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Развитие конкурентоспособной системы высшего образования России: анализ проблемных факторов // Проблемы современного образования. Интернет-журнал РАО.– 2017. – № 2. – С. 45-56.

14. Богуславский М.В. Современная модернизация российского образования: историко-педагогический контекст // Наука и школа. – 2014. – № 6. – С.15-26.

15. Богуславский М.В. Современная стратегия модернизации российского образования: историко-педагогический контекст // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6 (91). – С.43-47.

16. Богуславский М.В. Социокультурные основания современной консервативной стратегии развития образования // Учитель в системе современного антропологического знания: Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: «Бюро новостей», 2016. **–** С. 14-20.

17. Богуславский М.В. Кудряшёв А.В., Милованов К.Ю. Стратегии модернизации российского образования XX века: теоретико-методологические подходы к исследованию **//** Проблемы современного образования. Интернет-журнал РАО. – 2013. – № 4. – С. 5-20.

18. Богуславский М.В. Стратегии модернизации российского образования в первой трети XX века. – М.: ИСРО РАО, 2017. – 170 с.

19. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Технологии разработки конкурентных образовательных продуктов университетами России в контексте кризиса глобализации (компаративистский подход) // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: Материалы III Международной научно-практической конференции (г. Ижевск, 17-18 ноября 2016 г.). – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 17-21.

20. Заседание президиума Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам. О приоритетных проектах в сфере образования. 24 августа, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/24274/ (дата обращения: 1.06.2017).

21. Заседание Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам. 13 июля, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52504 (дата обращения: 1.06.2017).

22. Коротаева Т.В., Жирнова К.В. Опыт осуществления управленческой политики высшими учебными заведениями в Соединенных Штатах Америки и Западной в Европе // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – Выпуск 5(24).

23. Курбатова М.В. Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: проблема выбора // Социологические исследования. – 2015. – №2. – С. 122–133.

24. Неборский Е.В. Мультиплексный подход в конструировании и оценке современного университета // Интернет-журнал «Науковедение». – 2015. – Т.7. – №4.

25. Неборский Е.В. От классической к постклассической парадигме высшего образования // Педагогика. – 2015. – №5. – С. 35–41.

26. Неборский Е.В. Развитие университетского образования в контексте глобализационных процессов // Педагогика. – 2017. – № 2. – С. 102-105.

27. Неборский Е.В., Ладыжец Н.С. Университетский барометр: мировые тенденции развития университетов и образовательной среды // Интернет-журнал «Науковедение». – 2015. – №2 (27).

28. Неборский Е.В. Усиление конкуренции и академический инбридинг в сфере высшего образования в контексте глобализации // Наука и образование сегодня. – 2017. – №4(15). – С. 78-81.

29. Эндерс Ю. Кафедральная система в переходный период: назначения, повышения и барьеры на вход в профессию в немецком высшем образовании // Контракты в академическом мире. – М.: ВШЭ, 2011. – 392 с.

30. Boguslavskii M.V., Neborskii Y.V. Development of the university education in the context of globalization (Развитие высшего образования в контексте глобализационных процессов) // International Conference "Education Environment for the Information Age" (EEIA-2016). – Moscow, Russia, June 6-7, 2016. SHS Web of Conferences. Volume 29, 2016.

31. Boguslavskii M.V., Lelchitskii I.D. Modern development strategies of the Russian education in the conditions of the information society // International Conference "Education Environment for the Information Age" (EEIA-2016). Moscow, Russia, June 6-7, 2016. SHSWebofConferences. Volume 29, 2016.

32. Ritzen J.A Chance for European Universities. Or Avoiding the Looming University Crisis in Europe. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – 296 p.

33. Weerts D. State Governments and Research Universities: A Framework for a Renewed Partnership. – New York: Routledge, 2002.

List of references

1. Boguslavskij M.V., Neborskij E.V., Neborskaya V.V., Syutkina I.S., YUshkova L.A. Vysshee obrazovanie v nemeckoj i russkoj tradiciyah. – Izhevsk: Institut komp'yuternyh issledovanij, 2016. – 284 s.
2. Boguslavskij M.V., Neborskij E.V. Vysshee obrazovanie v rossijskoj tradicii: opyt i sovremennost' // Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. – Krasnodar. – 2014. – № 9. – S. 229-232.
3. Boguslavskij M.V. Garmonizaciya sovremennyh strategij modernizacii rossijskogo obrazovaniya // Aktual'nye problemy gosudarstvennogo, regional'nogo i municipal'nogo upravleniya: teoriya, analitika, praktika. – Orenburg: Orenburgskij filial RANHiGS, Institut ehkonomiki UrO RAN, 2016. – Vypusk 5. – S. 201-206.
4. Boguslavskij M.V. Innovacionnye tekhnologii kak faktor povysheniya kachestva obrazovaniya // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: integraciya obrazovatel'nyh prostranstv. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Izhevsk, 17-18 noyabrya 2016 g.). – Izhevsk: Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet», 2016. – S. 13-16.
5. Boguslavskij M.V. Istoriko-pedagogicheskaya ehkspertiza innovacij v obrazovanii: nauchnye osnovy. – M.: ISRO RAO, 2015. – 118 s.
6. Boguslavskij M.V. Konservativnaya strategiya modernizacii rossijskogo obrazovaniya (istoriya i perspektivy) // Izvestiya Rossijskoj akademii obrazovaniya. – 2014. – № 1 (29). – S. 39-45.
7. Boguslavskij M.V. Konservativnaya strategiya modernizacii rossijskogo obrazovaniya v nachale XXI veka // Pedagogika XXI veka: standarty i praktiki: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (8 dekabrya 2016 goda): 2 ch. – Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. P.P. Semenova-Tyan-SHanskogo, 2016. – CH. 1. – S. 3-10.
8. Boguslavskij M.V. Konceptual'nye osnovy konservativno-tradicionnoj strategii razvitiya rossijskogo obrazovaniya // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. – 2016. – № 1(25). – S.17-21.
9. Boguslavskij M.V., Neborskij E.V. Koncepciya razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii // Internet-zhurnal «Mir nauki». – 2016. – Tom 4. – № 5.
10. Boguslavskij M.V. Modernizaciya rossijskogo obrazovaniya v kontekste sovremennyh strategij ego razvitiya // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika i psihologiya. – № 1. – S. 125-129.
11. Boguslavskij M.V., Neborskij E.V. Obrazovatel'nyj produkt i sistema ocenki kachestva v usloviyah standartizacii sistemy vysshego obrazovaniya // Sovremennye podhody k organizacii obrazovatel'nogo processa v usloviyah standartizacii obrazovaniya: Sbornik nauchnyh statej i materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, provodimoj na baze Arhangel'skogo industrial'no-pedagogicheskogo kolledzha 17 marta 2017 goda: V 2 chastyah. – Arhangel'sk: KIRA, 2017. – CH. 2. – S. 5-9.
12. Boguslavskij M.V., Neborskij E.V. Perspektivy razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii // Internet-zhurnal «Naukovedenie». – 2015. – Tom 7. – № 3(28).
13. Boguslavskij M.V., Neborskij E.V. Razvitie konkurentosposobnoj sistemy vysshego obrazovaniya Rossii: analiz problemnyh faktorov // Problemy sovremennogo obrazovaniya. Internet-zhurnal RAO.– 2017. – № 2. – S. 45-56.
14. Boguslavskij M.V. Sovremennaya modernizaciya rossijskogo obrazovaniya: istoriko-pedagogicheskij kontekst // Nauka i shkola. – 2014. – № 6. – S.15-26.
15. Boguslavskij M.V. Sovremennaya strategiya modernizacii rossijskogo obrazovaniya: istoriko-pedagogicheskij kontekst // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2014. – № 6 (91). – S.43-47.
16. Boguslavskij M.V. Sociokul'turnye osnovaniya sovremennoj konservativnoj strategii razvitiya obrazovaniya // Uchitel' v sisteme sovremennogo antropologicheskogo znaniya: Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Stavropol': «Byuro novostej», 2016. – S. 14-20.
17. Boguslavskij M.V. Strategii modernizacii rossijskogo obrazovaniya HKH veka: teoretiko-metodologicheskie podhody k issledovaniyu // Problemy sovremennogo obrazovaniya. Internet-zhurnal RAO. – 2013. – № 4. – C. 5-20.

18. Boguslavskij M.V., Kudryashyov A.V., Milovanov K.YU. Strategii modernizacii rossijskogo obrazovaniya v pervoj treti HKH veka. – M.: ISRO RAO, 2017. – 170 s.
19. Boguslavskij M.V., Neborskij E.V. Tekhnologii razrabotki konkurentnyh obrazovatel'nyh produktov universitetami Rossii v kontekste krizisa globalizacii (komparativistskij podhod) // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: integraciya obrazovatel'nyh prostranstv: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Izhevsk, 17-18 noyabrya 2016 g.). – Izhevsk: Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet», 2016. – S. 17-21.
20. Zasedanie prezidiuma Soveta pri Prezidente po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam. O prioritetnyh proektah v sfere obrazovaniya. 24 avgusta, 2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://government.ru/news/24274/ (data obrashcheniya: 1.06.2017).
21. Zasedanie Soveta pri Prezidente po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam. 13 iyulya, 2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52504 (data obrashcheniya: 1.06.2017).
22. Korotaeva T.V., ZHirnova K.V. Opyt osushchestvleniya upravlencheskoj politiki vysshimi uchebnymi zavedeniyami v Soedinennyh SHtatah Ameriki i Zapadnoj v Evrope // Internet-zhurnal «Naukovedenie». – 2014. – Vypusk 5(24).
23. Kurbatova M.V. Povedenie rabotnikov vuzov v usloviyah reformirovaniya vysshego professional'nogo obrazovaniya: problema vybora // Sociologicheskie issledovaniya. – 2015. – №2. – S. 122–133.
24. Neborskij E.V. Mul'tipleksnyj podhod v konstruirovanii i ocenke sovremennogo universiteta // Internet-zhurnal «Naukovedenie». – 2015. – T.7. – №4.
25. Neborskij E.V. Ot klassicheskoj k postklassicheskoj paradigme vysshego obrazovaniya // Pedagogika. – 2015. – №5. – S. 35–41.
26. Neborskij E.V. Razvitie universitetskogo obrazovaniya v kontekste globalizacionnyh processov // Pedagogika. – 2017. – № 2. – S. 102-105.
27. Neborskij E.V., Ladyzhec N.S. Universitetskij barometr: mirovye tendencii razvitiya universitetov i obrazovatel'noj sredy // Internet-zhurnal «Naukovedenie». – 2015. – №2 (27).
28. Neborskij E.V. Usilenie konkurencii i akademicheskij inbriding v sfere vysshego obrazovaniya v kontekste globalizacii // Nauka i obrazovanie segodnya. – 2017. – №4(15). – S. 78-81.
29. EHnders YU. Kafedral'naya sistema v perekhodnyj period: naznacheniya, povysheniya i bar'ery na vhod v professiyu v nemeckom vysshem obrazovanii // Kontrakty v akademicheskom mire. – M.: VSHEH, 2011. – 392 s.
30. Boguslavskii M.V., Neborskij E.V. Development of the university education in the context of globalization (Razvitie vysshego obrazovaniya v kontekste globalizacionnyh processov) // International Conference "Education Environment for the Information Age" (EEIA-2016). – Moscow, Russia, June 6-7, 2016. SHS Web of Conferences. Volume 29, 2016.
31. Boguslavskii M.V. Modern development strategies of the Russian education in the conditions of the information society // International Conference "Education Environment for the Information Age" (EEIA-2016). Moscow, Russia, June 6-7, 2016. SHSWebofConferences. Volume 29, 2016.
32. Ritzen J.A. Chance for European Universities. Or Avoiding the Looming University Crisis in Europe. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – 296 p.
33. Weerts D. State Governments and Research Universities: A Framework for a Renewed Partnership. – New York: Routledge, 2002.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.А. МОСКАЛЕНКО

УДК 92 Москаленко

КОНСТАНТИН МОСКАЛЕНКО – МИССИЯ ПРОМЕТЕЯ

Л.П. Шопина
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

В статье рассматривается вклад заведующего кафедрой педагогики и психологии доцента Липецкого государственного педагогического университета К.А. Москаленко в развитие отечественной педагогики и характеризуются основные вехи биографии выдающегося ученого.

Ключевые слова: педагогика, инновации, Липецкая педагогическая школа.

KONSTANTIN MOSKALENKO – THE MISSION OF PROMETHEUS

L.P. Shopina
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

The article considers the contribution of K.A. Moskalenko, Ph.D., the head of Pedagogics and Psychology Department of Lipetsk State Pedagogical Institute in the development of Russian pedagogics. The article also highlights the major milestones in the biography of this great scientist.

Key words: pedagogy, innovation, Lipetsk pedagogical school.

Константин Александрович Москаленко – один из интереснейших педагогов второй половины XX века, основоположник феномена «Липецкий педагогический опыт», знаменовавшего начало нового, современного этапа развития отечественной системы образования. Интеллигент, патриот, аналитик, обладавший талантом уникального предвидения педагогики будущего, стратег и тактик, мечтатель и прагматик, он органично объединял в себе все необходимые качества идеала Педагога.

Яркая, незаурядная личность, он коренным образом реконструировал содержание и форму стандартного школьного урока, привнеся в него динамику, темп и интеллектуальную активность. К.А. Москаленко ввел инновации, которые сделали процесс обучения субъектным, личностно значимым и ценностно окрашенным. Его методики, противопоставленные рутинному преподаванию, способствовали рождению творческих личностей, которые умели к любому процессу подходить как к многофункциональной полифонической задаче, имеющей массу граней, смыслов и аспектов. Такой подход воспитывал исследовательское мышление, умение видеть актуальное, живое содержание в любом явлении, порождал аналитические способности вместо традиционных репродуктивных. Работа в группах, ответы с места, интенсивная интеллектуальная деятельность каждого, взаимные проверки учеников превращали класс в подобие творческой лаборатории, где оттачивался аналити-

ческий аппарат, способности к синтезу-анализу информации, механизмы использования приемов индукции и дедукции при расширении предметного поля знаний.

К научно-методическим инновациям Москаленко относят интенсификацию темпов усвоения нового материала, многократное повышение качества обучения за счет включения резервных возможностей интеллекта. Структурные элементы урока К.А. Москаленко включают:

– активное начало занятия: «зачин урока». Начиная урок ярко, талантливо, артистично, учитель менял ценностное отношение детей к предмету и процессу обучения. Менялись мотивация, эмоциональный фон урока. Урок, наполненный счастьем достижения желанного результата, полный игры интеллекта, радостного сотрудничества, проведенный в быстром темпе, отвечал психологическим и физиологическим потребностям растущего организма;

– обучение русскому языку с помощью укрупненных дидактических структурных единиц («пучков правил»). Структурное мышление как элемент мышления научного – безусловно, способствовало активизации работы мозга;

– введение пятидневного обучения в начальной школе за счет интенсификации учебного процесса для успевающих учащихся. Индивидуальная работа с неуспевающими в резервный день – субботу. Это – шаг к современным стратегиям индивидуального обучения. Но – без компьютера, лишь благодаря таланту, воле и энергии педагога-подвижника;

– творческие работы на каждом уроке. Это требование сегодня звучит абсолютно современно. Интуитивно талантливый педагог чувствовал, что без развития одаренности каждого ребенка страна не сможет реализовать стоящие перед ней исторические задачи;

– поурочный балл – великолепный инструмент индивидуализированного обучения. Обучения без расслабления с доброжелательной проверкой в режиме онлайн;

– объединение повторения, объяснения и закрепления в единый процесс;

– обучение детей приемам взаимо- и самоконтроля;

– ежеурочное комментирование;

– чтение вразнобой («птичий базар» и хором, в унисон);

– активное использование настенных таблиц, опорных схем, раздаточного материала;

– запись словаря под диктовку одного ученика и т.д.

Анализ научно-методической деятельности К.А. Москаленко позволяет предположить, что он в совершенстве владел следующими компетенциями:

- *онтологическими:*

– способностью воспринимать педагогический процесс как часть витального бытия ребенка;

– умением уважать в субъекте обучения личность;

- *аксиологическими:*

– пониманием высокой миссии педагога при формировании творческой личности гуманистического типа;

– умением преподавать предмет как систему аксиологических знаний, как ценностно емкий механизм реализации творческого потенциала личности;

- *когнитивными:*

– высокопрофессионально преподавать учащимся знания в объеме, превышающем требования государственного стандарта;

– активизировать познавательную деятельность учащихся, создавать на уроке атмосферу личной заинтересованности в получении знаний;

– находить наилучшие пути подачи материала, разрабатывать новые методики;

– вести диалог с оппонентами на самом высоком уровне педагогического дискурса;

- *проектировочными:*

– возможностями разрабатывать стратегии и тактики нетрадиционной, но психологически оправданной системы интенсификации подачи знаний;

– умениями прогнозировать образовательные и воспитательные результаты;

– определять цели, задачи и находить адекватные формы обучения учащихся;

– выявлять наиболее рациональные приемы и способы обучения;

- *конструктивными:*

– рационально использовать все возможности урока;

– использовать алгоритмизацию учебного процесса, структурировать операции, автоматизировать модульные интеллектуальные процессы;

- *организаторскими:*

– создавать коллектив единомышленников, независимых от пространственно-временных границ;

– структурировать систему знаний до уровня модели, готовой к воспроизводству в условиях любой школы;

– организовывать самостоятельную креативную деятельность учащихся и учителей по поиску информации;

- *коммуникативными:*

– контактность, общительность, умение понимать и слушать, способность к эмпатии;

- *ораторскими:*

– владение технологиями убедительной и аргументированной компоновки и презентации материала с целью его максимально эффективной подачи;

– умение убеждать;

– качества оратора-трибуна;

– культура жеста, владение телом;

– способность вести диалог, управлять полилогом, направлять волну «мозгового штурма»;

– актерская интуиция, владение интонацией, драматургией построения фразы, что делало его речь неповторимой, убедительной и яркой.

К.А. Москаленко – педагог, обладавший чрезвычайно высоким уровнем общекультурного и профессионального развития. Он абсолютно современен: его личность интегративна, педагогическая культура естественна и природосообразна, педагогическое мышление глобально, дидактическая компетентность отвечает самым высоким требованиям. Как носитель знания – он воплощает научную, методическую, технологическую, информационную, гуманистическую, экологическую, проектную культуру, а также культуру коммуникативную, профессионально-педагогическую и вербальную.

Инновации К.А. Москаленко способствовали развитию интеллектуальных, познавательных, аналитических способностей учащихся, их гражданской позиции, умению отстоять свою точку зрения, формированию целостного взгляда на мир, что можно квалифицировать как аксиологическую доминанту деятельности [9].

В столетний юбилей со дня рождения выдающегося ученого хотелось бы уточнить некоторые факты его биографии, чтобы вернее представить обстоятельства его жизни, культурный и социальный контекст времени, в котором ему было суждено сыграть столь важную роль.

Константин Александрович Москаленко родился 3 июня 1917 года на станции Хутор-Михайловский Сумской губернии (северо-восток современной Украины). В генетическом плане население Сум представляло собой интересный конгломерат: в середине XVII века русские служилые люди и украинские переселенцы из-за Днепра построили здесь город-крепость. С 1651 года здесь квартировал Сумской слободский **казацкий** полк. Согласно легенде, Екатерина II, заботясь о демографической ситуации здешнего района, переселила сюда определенное количество молодых девушек из своего окружения. С тех пор сумичанки считаются одними из самых красивых славянских женщин. В довершение генетического абриса следует добавить, что в XIV веке сюда активно переселялись крестьяне с **Речи Посполитой**.

Отец Константина Александровича, Александр Филиппович, родился недалеко от Сум, в селе Чернавка Черниговской губернии в 1889 году в семье железнодорожного рабочего. Обратим внимание, сколь интересно складывался генетический профиль у предков Константина Александровича: старинный город **Чернигов** расположен в месте пересечения границ **Украины**, **России** и **Беларуси**, здесь присутствовали активные вливания **казачьей** культуры, **польской** крови, проявлялись **славянские** и **древнерусские** корни. Считается, что истоки рода Москаленко находятся на Украине, но во всех древнерусских былинах Чернигов именуется старейшим древнерусским городом, одним из самобытных, окруженных легендарными (вспомним былину об Илье Муромце).

Главным аргументом, позволяющим идентифицировать базовую этнонациональную культуру семьи, является его фамилия: *москалями* украинцы традиционно именовали русских.

Отец Константина Александровича недалеко от Сум, в Гомеле, закончил железнодорожный техникум и более 40 лет проработал на транспорте. Известно, что в 1926 году он был смотрителем зданий на ст. Хутор-Михайловский; позже – старшим инженером службы пути юго-восточной железной дороги. За трудовые заслуги был награжден орденом Ленина. В начале войны, в 1941 году, вступил в партию. Последние годы жизни проживал в Воронеже.

Мать, Мария Георгиевна Москаленко, родилась в Оренбурге в 1884 году в семье рабочего. Окончила в Самаре фельдшерско-акушерскую школу и 30 лет (практически – всю жизнь) проработала фельдшером.

Можно сделать вывод, что в пространственном плане Константин Александрович происходил из мест с активным смешением генетического и ментального материала, что позволяет предположить наличие у его предков различных генетических вливаний. В характерологическом плане население северо-восточных окраин древней Руси формировалось в постоянном противодействии внешним врагам, что предполагает наличие умения отстаи-

вать свою позицию, верность идеалам, твердость духа.

В принципе, эти качества в полную меру проявились в личности замечательного советского педагога Константина Александровича Москаленко.

Отец воспитывал Константина и его братьев по-спартански, чтобы во взрослой жизни они не оказались зависимыми и слабыми, серьезно готовил сыновей к преодолению жизненных препятствий. Часто брал с собой на рыбалку, на охоту, причем, как вспоминают родственники, охотничьей собаки в семье не было: ее с успехом заменяли крепкие быстроногие мальчишки. Отец меньше всего хотел видеть их «тепличными растениями».

В семье родителей Москаленко абсолютизировалась трезвость. Мать и отца дети никогда не видели в неподобающем виде, пьющих отец называл «преступниками».

В 1926 году Константин поступает в среднюю школу и в 1935 году заканчивает 10 классов, получив свидетельство о среднем образовании. Далее, как и многие его сверстники, идет работать на завод. Два года – с 1935 по 1937 он – аксидировщик конденсаторного цеха завода «Электросигнал», крупного воронежского предприятия. В 1937-38 году юноша оканчивает 10-месячные учительские курсы по подготовке учителей 5-7 классов при Воронежском педагогическом институте, которые позволяют начать педагогическую деятельность: в 1938-40 годах он работает учителем средней школы с. Евстратовка Россошанского района Воронежской области [1].

Война поломала все планы, разрушила надежды и заставила по-другому взглянуть на мир, свою судьбу и будущее.

Еще в детстве Константин Александрович потерял зрение на правый глаз, поэтому от службы в армии был освобожден. Но в любой работе он был перфекционистом, работал на пределе сил, был столь же безжалостен к себе, как тысячи его сверстников на фронте. В 1941–1942 годах он назначается директором Александровской средней школы. Его талант организатора был замечен, и с февраля по июль 1942-го года его переводят на должность школьного инспектора РОНО (районного отдела народного образования) в Россошанский район Воронежской области. Вскоре коллеги избирают его председателем РК Союза учителей [2].

Таким образом, акмеологическая траектория становления личности Константина Александровича была социально обусловленной, так как формировалась под влиянием социального заказа эпохи. Эффективное разворачивание личностного потенциала происходило в позитивно насыщенной информационной среде (подобно многим аналогичным судьбам патриотов: челюскинцев, стахановцев и т.д.), усиленное энергетикой времени начального периода становления молодого государства, верой в справедливость государственного устройства и личностной причастностью к великим свершениям.

Воронежская область была захвачена немцами. В 1942 году К.А. Москаленко, несмотря от освобождение от службы, добровольцем уходит на фронт. Он – рядовой, с 1942 по 1945 гг. находился в действующей армии в войсках связи. С июля 1943 года Москаленко – старший линейный надсмотрщик 293 ОЛБС Воронежского фронта. В 1943-45 годы воевал в составе Украин-

ского и Центрального фронтов. Участвовал во многих боях.

В письмах матери с фронта высвечивается характер К.А. Москаленко: в них нет трагизма и усталости, но – энергия, сила и бодрость духа. Чувствуется, что он прекрасно справляется со сложностями военной профессии, не тяготится ими и находится в хорошей психической и физической форме.

В Советской армии К.А. Москаленко служил с 15 июля 1942 года по 25 ноября 1945 года. Был уволен в запас на основании Приказа Президиума Верховного совета СССР. За безупречную героическую службу, в том числе за освобождение Польши, Чехословакии Германии, Австрии он был награжден пятью медалями: в 1944 году приказом начальника связи третьей Гвардейской танковой армии за форсирование Днестра – медалью «За боевые заслуги»; в 1945 – указом Президиума Верховного совета СССР – за участие в Великой Отечественной войне – медалью «За победу над Германией».

Один из кульминационных моментов его судьбы: в числе лучших Константин Александрович был удостоен чести участвовать в знаменитом параде Победы 24 июня 1945 года в Москве. Позже он рассказывал, что во время тренировок в кровь сбил ноги, но боялся даже показать это окружающим, чтобы не быть отчисленным из числа избранных. Сразу после парада на Красной площади он сфотографировался на память: русоволосый, с правильными точеными чертами красивого лица, в котором ясно чувствуется высокий дух, концентрированное внимание, собранность, гордый взгляд: тогда он действительно олицетворял лучшие качества советского солдата-победителя, освободителя Европы [1].

Демобилизовавшись, Константин Александрович продолжает начатое до войны обучение в Ульяновском педагогическом институте и заканчивает его в 1947 году. Тогда же он встречает чудесного человека, ставшего преданным другом на всю жизнь, соратником во всех начинаниях, тогда – молодую красавицу, голубоглазую студентку Ольгу Лагоду. В 47-м она стала его женой. Ему – 30, ей – 20. Позади – война, впереди – радостные надежды и безудержная уверенность в счастливом будущем. Надо отметить, что Ольга Ивановна действительно была редким человеком, о таких говорят: «надежный тыл». Очень красивая, нежная, верная, сильная духом, она испытала сильное влияние русской литературы XIX века – отсюда ее высокий гуманизм и жертвенность. Вместе с тем была хорошей хозяйкой и смогла организовать для Костантина Александровича удобный и надежный быт. Впитавшая лучшее, что несло время, она была прекрасной женой, хорошей учительницей и искренне, талантливо и самоотверженно претворяла в жизнь педагогические идеи мужа.

В 1946 году К.А. Москаленко – литсотрудник и диктор ульяновского областного радиокомитета. Грамотный, обладающий хорошей дикцией и приятным тембром голоса, Константин Александрович, вероятно, мог бы сделать хорошую медиа-карьеру. В тот период его привлекала общественно-политическая деятельность. Умение красиво говорить, убеждать, доходчиво доносить информацию, вероятно, интенсивно формировалось именно тогда.

В 1948-49 годах он преподает литературу в Ульяновской УФАШ.

С 1949 года Москаленко – действительный член Общества по распространению политических и научных знаний. Активно занимается лекторской деятельностью.

Позже он обобщал факты своей биографии: «13 лет был на руководящей работе: 1946–1948 годах работал заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Ульяновского обкома ВЛКСМ, в 1947-48 – секретарем Ульяновского горкома ВЛКСМ.

В 1947-1949 годах обучался в университете марксизма-ленинизма. С 1938 года – член ВЛКСМ, с 1946 года – член КПСС.

В 1949–1950 годах Москаленко – инспектор школ Ульяновского облоно, директор Чердаклинской средней школы Ульяновской области. Избран членом Чердаклинского РК ВКП(б) (райкома партии).

В 1950 году он – заведующий консультационным пунктом заочного отделения Воронежского пединститута. Активно работает над кандидатской диссертацией.

Этот период, наполненный активной, счастливой деятельностью, успехами, – период расцвета, пожалуй, самый безоблачный в его жизни. Он мог иметь разное продолжение, вылиться в разные интересы, перейти в разные сферы деятельности. Но устойчиво вернулся в педагогику: путь, на котором он, подобно Прометею, отдал все силы высокой красивой идее, навечно запечатлев свое имя в ряду подвижников, альтруистов и гуманистов.

В 1950 году Москаленко поступает в аспирантуру по кафедре психологии Воронежского пединститута. Именно тогда начинает обретать законченную форму интенсивная интеллектуальная работа, целью которой была полная смена парадигмы обучения детей в школе и начало которой было положено еще в Евстратовке.

В 1954 году диссертация была успешно защищена. За два года до защиты он писал: «30 декабря 1952 года мной была направлена Секретарю Центрального комитета КПСС тов. Михайлову Н.А. рукопись «Против идеализма в работе школ», в которой был дан анализ успеваемости школьников Воронежской области и **описывался новый метод выявления знаний** учащихся (**проверенный практикой многих сотен учителей и лично в процессе работы учителем, директором, инспектором школ**), который значительно повышал эффективность урока. … мне до сих пор не удается опубликовать **выводы моих двадцатилетних наблюдений** за обучением школьников на уроках. Прошу Вашего содействия в опубликовании прилагаемой статьи в журнале «Народное образование» [1].

Можно сделать вывод, что борьба за новый метод началась задолго до приезда Москаленко в Липецк, она вовлекла в свою орбиту множество людей: от простых учителей до работников Министерства. Результат не замедлил сказаться: сразу после убедительной защиты в ноябре 1954 года приказом министра просвещения РСФСР № 2194 от 18 декабря 1954 года К.А. Москаленко назначается заведующим кафедрой педагогики и психологии Липецкого государственного педагогического института. То есть молодому ученому дают возможность на практике внедрять его научно обоснованные идеи, уже получившие достаточно широкое признание.

В новом статусе Москаленко продолжает эксперимент, многократно убеждаясь в правильности своих идей. В классах, которые работают по его методике, стабильно исчезает второгодничество, в геометрической прогрессии повышается мотивированность детей на получение знаний, стабилизируется эмоциональный фон урока, повышается обучаемость. Появляются единомышленники: многие учителя Липецка и области начинают работать под его руководством и по его методике. Успех этой работы стабилен и неизменен. Он регулярно проводит обучение своим методам, выступает в республиканской прессе, ведет активную переписку с учителями страны и зарубежья.

В октябре 1959 года в московском журнале «Народное образование» появилась статья Константина Александровича «Как должен строиться урок». Формально эта публикация и стала началом феномена, получившего название «Липецкий опыт».

В.К. Рвачева описывает этот период жизни К.А. Москаленко: « «Идеи талантливого экспериментатора были подхвачены десятками творчески работавших учителей города и области, стали широко известны педагогической общественности России и других республик Советского Союза. В центральной прессе появились материалы о небывалых учебно-методических новостях из Липецка, о невиданной результативности работы липецких учителей. Вся страна заговорила об этом опыте. Пришла слава. Передовые учителя страны – по командировочным удостоверениям и без оных – непременно стремились попасть на уроки Москаленко и его последователей. Занятия проходили в переполненных классных комнатах, посетители сидели на подоконниках и в коридорах...»

С.А. Шмаков писал: «…Он бросил первый валун в мертвое озеро дидактики, и в стране пошел обвал поисков и открытий в сфере обучения и развития детей».

Валерия Константиновна Рвачева – одна из преданных и верных друзей и последователей талантливого педагога, свидетельствовала: «…Москаленко предложил настоящий фейерверк новых методических приемов и решений, создающих новую мотивацию учения, новую атмосферу работы – радостную, наполненную смыслом и ответственностью» [5].

К 1963 году опыт К.А. Москаленко был не только официально одобрен коллегией Министерства Просвещения РСФСР, но получил широкую поддержку и распространение во всех союзных республиках СССР, а также за границей. И Москаленко, и кафедра в то время получали очень много писем из всех уголков Советского Союза и из зарубежных стран: Китая, Болгарии, Венгрии и др.

В этот же период он получил предложение из Америки о размещении в фондах библиотеки Бруклинского университета его книг и полной библиографии трудов как одного из самых значительных педагогов Советского Союза того периода.

Начало 70-х годов было болезненным: начался медленный, но неуклонный процесс сворачивания эксперимента. Но в это время он все же держится крепко и уверенно. Работа в вузе идет своим чередом: с 1970 по 1975 гг. он преподает студентам общую психологию, возрастную физио-

логию, психологию физического воспитания и спорта, возрастную и педагогическую психологию. Ведет спецсеминары на темы «Психолого-педагогические основы повышения эффективности урока». В 1972-75 годах он работает на пяти факультетах (подумать только, сколько студентов имели счастье общаться со столь яркой личностью и осваивать инновацию «из первых рук»).

25 июня 1980 года в Москве на коллегии Минпроса РСФСР вновь обсуждалось его экспериментальное исследование «Школьная пятидневка с резервным днем». Константин Александрович выступал на коллегии с докладом «Предварительные итоги эксперимента», лично докладывал о достижениях, говорил о проблемах, убеждал, доказывал, агитировал.

Учебно-методическая работа этого периода поражает своими объемами и серьезностью. Все силы и время поглощает руководство на общественных началах проблемной лабораторией «Школьная пятидневка с резервным днем». По-прежнему с полной отдачей он работает в школах: корректирует, консультирует, направляет. В 1979 годах экспериментальные школы № 3, 9, 19 г. Липецка 4 раза подвергались тщательной длительной проверке: два раза (октябрь, апрель) – комиссией Минпроса РСФСР, НИИ школ и Академия педагогических наук СССР, два раза проверку проводили ОБЛОНО и РАЙОНО.

Причем, проверки самого разного уровня продолжались и были очень разными по настрою и целям. Е.К. Москаленко вспоминает, как однажды министерский проверяющий искренне сказал ему: «Ехали в Липецк с установкой закрыть эксперимент, но когда лично увидели его реальные результаты, – против фактов не пойдем. Это сила» [1].

Сам он формулирует свой вклад в историю советской педагогики так: «В 1962-64-х годах мной разработана принципиально новая методика обучения русскому языку – структурное правописание. В начальных классах за один год свободно усваивается программа двух лет обучения. Получено много положительных письменных отзывов об эффективности этой методики от учителей Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Калмыкии, Астраханской, Воронежской, Липецкой и др. областей [1].

В личных бумагах К.А. Москаленко, находящихся в музее педагогики Липецкой области, есть запись: «28.03.1974 года на партийном собрании (института) слушали Москаленко о выполнении устава КПСС. Планы – Докторская (зачеркнуто). Критика – Докторская» [2].

Защитить докторскую диссертацию Константину Александровичу так и не удалось, хотя, по сути, он многократно перевыполнил все необходимые требования.

Дальнейшая судьба ученого складывалась сложно и трагично. Эксперимент стали сворачивать. После многочисленных министерских проверок, которые неизменно вызывали восторженные отклики, из Москвы приходили разгромные отчеты. Москаленко обвинили в изменении государственной программы, необоснованном расширении учебного материала, в создании недопустимых стандартов, в несанкционированном изменении структуры урока. Заслуги ученого были сведены лишь к распространению Липецкого опыта в практике преподавания. По программам Москаленко продолжали работать лишь две липецкие

школы. Лишь недюжинное здоровье и вера в справедливость его дела помогали перенести потрясения.

Константин Александрович очень тяжело переживал по сути крах всего, чему отдал жизнь. Лишь две школы в начале 80-х годов XX века точно и последовательно продолжали работать по его методикам.

Методика Москаленко как необходимое звено вписалась в базовую ступень мощной педагогики XX века, обеспечившей гигантский взлет науки, производства, формирования человеческого капитала. «Привитые», «инфицированные» «по Москаленко» молодые люди легко вписывались в систему высшей школы, они умели и любили учиться, поглощали знания интенсивно, качественно и творчески.

Таков в общих чертах портрет замечательного ученого, общий стаж работы которого равнялся 48 годам (с пребыванием на фронте и учёбой в аспирантуре). Заметим, все же счастливым годам, так как работал он, по свидетельству родных, с необыкновенной отдачей, жил в профессии столь интенсивно, страстно и ярко, что смог «зажечь», перевернуть косное педагогическое сознание у нескольких поколений наиболее сенситивных педагогов. Это судьба Прометея, находящего свое счастье в самопожертвовании и не мыслящего для себя иной, спокойной судьбы. А проблемы? Для Прометея они – естественная среда жизни. Не было бы «пространства беды» – не рождались бы Прометеи. Именно им присуща черта: «Если не я – то кто?», именно благодаря им движется прогресс.

Б. Шальнев пишет: «Это теперь, слава Богу, стало престижно объясняться ему в любви. Мы же были живыми свидетелями, какие муки крестные выпали на его долю. Как всякий талантливый человек, Константин Александрович, наделенный даром предвидения, раньше других почувствовал необходимость упредить деградацию науки, народного образования, которые в начале 60-х годов с нарастающей трагичностью входили в зону разрушительных хрущевских реформ. Спасением могла стать всесторонняя интенсификация взаимных усилий учителя и ученика, активизация форм и методов их взаимодействия исключительно на творческой основе» [8].

Он был уверен, что проживет долгую жизнь: об этом свидетельствовала генетика рода. Но разгромные статьи в центральной прессе, шельмование, присваивание его заслуг подорвали здоровье Константина Александровича. Он ушел из жизни в 1984 году.

Сегодня многое меняется в мире. Идеями Москаленко пользуются в Польше, Болгарии, Чехословакии, Индии, Аргентине и других странах. Они лежат в основе множества инновационных методик, являясь их фундаментальным методологическим основанием. Хотелось, чтобы и имя замечательного ученого, красота и мощь его личности навсегда сохранились в памяти благодарных потомков как образец высокого служения своей стране и ее прекрасному будущему.

Список литературы

1. Архивы семьи К.А. Москаленко.
2. Архив музея Липецкой педагогики (СШ №40).
3. Бербаш Т.И. Инновации К.А. Москаленко в преподавании дисциплин художественно-эстетического цикла» // Шопина Л.П. Липецкая педагогическая школа: имена, идеи, судьбы Липецк, 2012.
4. Видякова З.В. Воспитание современного учителя на традициях отечественной школы // Межвузовский сборник научных трудов. – Липецк: ЛГПУ, 2010. – 128 с.
5. Рвачева В.К. Воспоминания о К.А. Москаленко // Шопина Л.П. Липецкая педагогическая школа: имена, идеи, судьбы Липецк, 2012.
6. Стюфляева З.М. Воспоминания о К.А. Москаленко // Шопина Л.П. Липецкая педагогическая школа: имена, идеи, судьбы Липецк, 2012.
7. Тонких В.Е. У истоков Липецкого опыта. – Елец, 2005. – С. 8-9.
8. Шальнев Б. Сердце на ладони. Лирические уроки // Липецкая школа. / Сост. проф. В.В. Шахов. – Липецк – Рязань, 1995.
9. Шопина Л.П. Липецкая педагогическая школа: имена, идеи, судьбы. – Липецк, 2012.

List of references

1. Arhivy sem'i K.A. Moskalenko.
2. Arhiv muzeya Lipeckoj pedagogiki (SSH №40).
3. Berbash T.I. Innovacii K.A. Moskalenko v prepodavanii disciplin hudozhestvenno-ehsteticheskogo cikla» // SHopina L.P. Lipeckaya pedagogicheskaya shkola: imena, idei, sud'by Lipeck, 2012.
4. Vidyakova Z.V. Vospitanie sovremennogo uchitelya na tradiciyah otechestvennoj shkoly // Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Lipeck: LGPU, 2010. – 128 s.
5. Rvacheva V.K. Vospominaniya o K.A. Moskalenko // SHopina L.P. Lipeckaya pedagogicheskaya shkola: imena, idei, sud'by Lipeck, 2012.
6. Styuflyaeva Z.M. Vospominaniya o K.A. Moskalenko // SHopina L.P. Lipeckaya pedagogicheskaya shkola: imena, idei, sud'by Lipeck, 2012.
7. Tonkih V.E. U istokov Lipeckogo opyta. – Elec, 2005. – S. 8-9.
8. SHal'nev B. Serdce na ladoni. Liricheskie uroki // Lipeckaya shkola. / Sost. prof. V.V. SHahov. – Lipeck – Ryazan', 1995.
9. SHopina L.P. Lipeckaya pedagogicheskaya shkola: imena, idei, sud'by. – Lipeck, 2012.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД 1984–2015 ГГ.

Н.В. Федина
И.о. ректора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, канд. пед. наук, rector@lspu.lipetsk.ru

М.В. Богуславский
Заведующий Центром истории педагогики и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», главный редактор журнала «Гуманитарные исследования Центральной России», доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования hist2001@mail.ru

М.В. Лазарева
Д-р пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, docentmb@mail.ru

Л.М. Звезда
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Е.В. Филиппова
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

И.В. Тигрова
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Т.В. Тарасенко
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

О.В. Коротких
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Т.К. Меркулова
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Г.А. Попова
Канд. пед. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

В статье рассматривается реализация государственной политики в области дошкольного образования в период с 1984 по 2015 годы. Актуальность статьи вызвана необходимостью осмысления тенденций развития дошкольного образования в России в рассматриваемый период. Объект исследования – история дошкольного образования в России. Предмет исследования – определение этапов развития дошкольного образования в период с 1984 по 2015 гг. в связи с реализуемой государственной политикой. Методы исследования: исторический, изучение нормативно-

правовой базы дошкольного образования, экстраполяция, обобщение, систематизация материалов. Научная новизна заключается в исследовании малоизученного периода истории дошкольного образования, в выделении этапов его развития в контексте проводимой государственной политики в сфере образования.

Ключевые слова: этапы развития дошкольного образования, государственная политика, стратегии образования, концепции.

STATE POLICY IN THE FIELD OF PRESCHOOL EDUCATION IN RUSSIA IN THE PERIOD OF 1984-2015

N.V. Fedina
Acting rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

M.V. Boguslavskiy
Director of Department of education and pedagogy history of Institute of Strategy of Education Development of RAE, chief editor of "Humanitarian research in Central Russia", doctor of pedagogy, full professor, corresponded-member of Russian Academy of Education

M.V. Lazareva
Dr. Sci (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

L.M. Zvezda
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

E.V. Filippova
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

I.V. Tigrova
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

T.V. Tarasenko
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

O.V. Korotkich
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

T.K. Merkulova
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

G.A. Popova
Ph.D (Pedagogy), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

The article examines the implementation of the state policy in the field of pre-school education in the period from 1984 to 2015. The relevance of the article is caused by the need to comprehend the trends in the development of preschool education in Russia as a result of ongoing modernization. The object of the research is the history of preschool education in Russia. The subject of the study: the definition of the stages of development of preschool education in the period from 1984 to 2015 in connection with the state policy being implement-

ed. The methods of the research: historical, the study of the legal base of preschool education, extrapolation, generalization, systematization of materials. Scientific novelty consists in the examination of the period of the history of preschool education which has not been fully studied yet, in highlighting the stages of its development of the current state policy in Russia.

Keywords: stages of development of preschool education, state policy, educational strategies, concepts.

Развитие дошкольного образования относится к одному из приоритетных направлений в системе российского образования как на современном этапе его развития, так и в перспективе. Уровень дошкольного детства интерпретируется как один из основных образовательных ресурсов, по своей потенциальной содержательной емкости не уступающий последующим уровням.

Первоначальным звеном в системе российского образования является дошкольное образование. Данное утверждение было отмечено еще в 1918 г. в «Положении о единой трудовой школе». С дошкольного возраста ребенок имеет право на получение образования, которое, согласно Конвенции о правах ребенка (1989), содержит в себе следующие черты:

– возможность нахождения в образовательном учреждении;

– организация условий, необходимых для обучения;

– содержание образования, способствующее подготовке ребенка к осознанной жизнедеятельности;

– взаимоотношения среди участников учебного процесса, предполагающие уважение человеческого достоинства ребенка [5, с. 2-6].

Актуальность нашего исследования обусловлена сочетанием ряда факторов:

– доминирующей идеей о дошкольном образовании как уникальном периоде жизни человека, обладающем самоценностью;

– ролью дошкольного образования, выступающего средством развития личности, подготовки ее к жизни в социуме и профессиональной деятельности;

– ростом рождаемости в стране в результате осуществления демографической политики государства;

– необходимостью обеспечения высокой готовности детей к школьному обучению;

– выравниванием стартовых возможностей дошкольников, что отражено в основных государственных документах образовательной политики.

В послании 2017 г. Федеральному Собранию Президента РФ В.В. Путина определен смысл внутренней государственной политики – сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому усилия государства должны быть направлены на поддержку традиционных для России семейных ценностей, всестороннюю поддержку молодых семей, реализацию демографических программ, улучшение экологического состояния, развитие системы здравоохранения, образования и культуры.

Министр образования РФ О.Ю. Васильева в своих выступлениях подчеркнула, что глава государства задал главный вектор в развитии образовательной системы РФ – дети должны получать обучение и воспитание не только в дошкольных образователь-

ных учреждениях, в школе, семье, но и в музеях, театрах.

Базисной основой государственной политики в области образования являются идеи гуманизации и демократизации. Они нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации (1993), Законе РФ «Об образовании» (1992), Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012). В документах отмечается, что под образованием понимается целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства. Право на получение образования является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав всех граждан Российской Федерации.

В этой связи был принят Закон «Об образовании в РФ» (21.12.2012 г.), в соответствии с которым дошкольное образование впервые стало самостоятельным уровнем общего образования. В нем указывается, что «дошкольное образование направлено на формирование общей культуры, развитие физических, интеллектуальных, нравственных, эстетических и личностных качеств, формирование предпосылок учебной деятельности, сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста» (ст. 64).

Задачи дошкольного образования регламентируются также в рамках Федеральной целевой программы развития образования, рассчитанной на 2011–2015 годы (07.02.2011 г.). В ней ставится задача модернизацим общего и дошкольного образования как института социального развития, отмечается, что дошкольное образование должно стать всеобщим.

Подпрограмма № 2 «Развитие дошкольного, общего и дополнительного образования детей» Государственной программы РФ «Развитие образования на 2013-2020 годы», принятой 15.04.2014 г., раскрывает потенциал для дальнейшего совершенствования содержания дошкольного образования.

Реализация стратегических направлений совершенствования дошкольного образования определена также в Концепции федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы. Обоснованием концепции стала серьезная демографическая ситуация, повышение рождаемости и увеличение численности детей дошкольного и младшего школьного возраста, а также необходимость повышения качественных и доступных образовательных услуг на уровне дошкольного и начального общего образования.

Постоянное обновление нормативно-правовых документов, определяющих стратегические направления развития системы дошкольного образования, опирающиеся на проблемные, а иногда противоречивые научные исследования Л.А. Венгера, В.В. Давыдова, Э.Д. Днепрова, В.А. Петровского, Р.Б. Стеркиной и др. требует анализа основных тенденций государственной политики в области дошкольного образования, поскольку этот аспект истории дошкольного образования является недостаточно изученным к настоящему времени.

Современное состояние дошкольного образования в России является закономерным этапом эволюции под влиянием сменяющихся стратегий государственной образовательной политики. В связи с этим целесообразно обратиться к ее анализу в более ранние периоды, начиная с 80-х гг. XX века.

В начале 80-х годов осознается необходимость реформ, которые, не затрагивая экономического и государственного строя, позволили бы изменить некоторые аспекты общественных отношений. Были необходимы изменения в производительных силах и производственных отношениях, а также в социально-политических и духовно-идеологических сферах жизни. Такие изменения могли произойти только при реформе общеобразовательной и профессиональной школы.

Специальной комиссией Центрального комитета партии были подготовлены «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» (1984 г.) [8].

Осуществление реформы предполагало повышение качества образования и воспитания, усовершенствование учебных планов, программ, учебников, учебных пособий, решение кадровой проблемы, улучшение материально-технической базы учебных заведений, усовершенствование структуры и управления народным образованием.

С 1986 года начинается переход средней общеобразовательной школы на одиннадцатилетний срок обучения. В феврале 1985 года принят Типовой учебный план средней общеобразовательной школы, на его основе разработаны типовые учебные планы для национальных школ с одиннадцатилетним сроком обучения и переходные учебные планы на 1985-1990 г.

Анализ документов показывает неоднозначную оценку предпринятых действий по развитию образования. Как указывает исследователь Л.И. Анайкина, в изложении задачи, поставленной перед школой, нет четкости, допущено дублирование, нарушается логика, содержание документов находится в противоречии с их программными установками, рекомендованными к исполнению [1].

Предложенные преобразования не учитывали реального положения дел в стране (отсутствие материально-технических, учебно-методических, кадровых условий), а потому носили декларативный характер.

Назревшие проблемы способствовали появлению в сентябре 1986 года в «Учительской газете» «Манифеста» педагогов-новаторов, которые были консолидированы на гуманистической основе «педагогики сотрудничества».

В основе «педагогики сотрудничества» были сформулированы ведущие положения парадигмы личностно ориентированной педагогики.

«Манифест» акцентировал внимание не на формировании нормативных знаний учащихся, а на создании условий для осуществления самообучения и самовоспитания детей с учетом раскрытия индивидуальных способностей каждого ребенка на основе максимальной индивидуализации образовательной деятельности. В Декларации педагогики сотрудничества дошкольное воспитание не рассматривается, однако данный документ задает вектор субъект-субъектного взаимодействия. Идеи, изложенные в «Манифесте», составили позднее ценностно-целевую основу психологических концепций дошкольного образования и во многом определили направленность программ дошкольного образования нового поколения.

В марте 1988 года выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании союзно-республиканского Государственного Комитета СССР по

народному образованию, в результате чего происходит слияние дошкольного, школьного, профессионального среднего и вузовского образования.

С января 1989 года начинается новый этап реформирования образования.

В это время дошкольное образование оказалось в центре дискуссий. С одной стороны, все понимали, что в СССР реализуется широко применяемая система дошкольного образования, которая способствует всестороннему воспитанию и формированию детей от младенчества до 7 лет и обладает фундаментальным психологическим, педагогическим и медицинским обоснованием.

С другой стороны, передовые ученые, психологи, педагоги отмечали несоответствие уровня развития дошкольного образования новой общественно-политической ситуации. К самым ярким оппозициям относятся следующие: стандартизированность деятельности учреждений дошкольного образования, ее открытая политизированность; недостаток многообразия программно-методических материалов; отсутствие возможности масштабного использования результатов научных исследований в практике (Т.Н. Богуславская) [2].

Разрешение указанных противоречий легло в основу создания практически одновременно в 1989 году двух «Концепций дошкольного воспитания». Базовая «Концепция дошкольного воспитания» была разработана авторским коллективом под руководством В.В. Давыдова и В.А. Петровского. Альтернативу ей составила «Концепция дошкольного воспитания», подготовленная НИИ дошкольного воспитания АНП СССР.

В обеих концепциях впервые был дан серьезный анализ отрицательных сторон современного состояния дошкольного образования и намечены главные ориентиры его развития.

Авторы первой концепции критикуют отношение государства к системе дошкольного воспитания (значительная экономия на детстве в таких сферах, как профессиональная подготовка и переподготовка педагогических кадров, пособия и технические средства обучения, пропаганда педагогических и медицинских знаний и т.п.). Такое отношение непосредственно отражается на физическом и психическом состоянии ребенка, что влечет невозможность обеспечить полноценную преемственность между различными периодами его жизни. Авторы предлагают обновление детского сада. Ключевыми позициями такого обновления могут выступать: охрана и укрепление физического и психического здоровья детей, гуманизация целей и принципов образовательной работы с детьми, раскрепощение условий жизни детей и работы воспитателей в детском саду, обеспечение преемственности между всеми сферами социального становления ребенка, кардинальное изменение системы подготовки педагогических кадров, условий финансирования дошкольного воспитания, существенная системная перестройка управления.

Основным недостатком системы дошкольного воспитания являлся авторитаризм учебно-воспитательного процесса в детских садах, при котором воспитатель руководил действиями дошкольника по заданной программе. Ребенок в таких условиях обязан был подчиняться педагогу, никого не волновало желание самого дошкольника, все выполнялось по указу. Для того

чтобы устранить вышеперечисленные минусы, была выдвинута новая концепция, которая предполагала демократический, личностно ориентированный подход в образовательной деятельности. Здесь ребенок стоит в центре всех интересов, он является равноправным участником обучения и воспитания. Личностно ориентированный подход способствует формированию индивидуальных качеств ребенка, раскрытию его способностей, становлению его как личности. В педагогическом процессе при такой модели складывается общение между участниками иначе, т.е. воспитатель уважает интересы и желания своих воспитанников, находит общий язык, отношения выстраиваются не в формате «руководитель - подчиненный», а «наставник, помощник, друг – личность ребенка». Такой переход от авторитарной системы к демократической именуется «гуманизацией образования».

Личностно ориентированная модель общения не предполагает отмены систематического обучения и воспитания детей, проведения с ними планомерной педагогической работы. Не отменяет она и того факта, что общественное дошкольное воспитание является первым звеном общей системы народного образования и в качестве такового обеспечивает первый этап становления развитой личности. Фундаментальной предпосылкой и воспитания, и обучения детей является забота общества об их здоровье.

В концепции провозглашается забота не только о физическом, но и психологическом благополучии ребенка. Так как физическая составляющая здоровья детей находится в тесной связи с психической составляющей, с положительными эмоциями, то необходимо использовать не только средства физического воспитания и меры медицинской направленности, но и организовывать жизнь детей в детских садах, опираясь на возрастные и индивидуальные особенности, правильно выстраивать режим дня и вклинивать в него учебно-воспитательный процесс.

Согласно концепции В.В. Давыдова и В.А. Петровского, необходимо внести изменения в оценивание детства как дошкольного периода. Традиционная советская система рассматривала дошкольный возраст как подготовительный этап в системе образования: дошкольное воспитание в большинстве случаев приравнивалось к подготовительной работе детей к школе, к обучению их необходимым знаниям, умениям и навыкам. Из-за этого не уделялось внимания психическим особенностям каждого ребенка, его способностям и возможностям. Новая концепция в свою очередь направляла педагогов на признание самоценности дошкольного детства как уникального этапа в жизни человека. Исходя из положений данной концепции, воспитателю необходимо было не только готовить воспитанника к школе, но, самое главное, – обеспечить такие условия, где он с радостью будет проживать этот уникальный этап. Педагог должен поставить перед собой задачи развития, формирования, воспитания и обучения личности каждого воспитанника.

Если применение учебно-дисциплинарного подхода в воспитании, как правило, сводится к корректировке поведения или предотвращению возможных отклонений от общепринятых правил посредством «внушений», то в личностно ориентированном взаимо-

действии взрослого и ребенка все исходит из кардинально иной трактовки процесса воспитания: воспитывать в данном случае – это приобщать ребенка к миру человеческих ценностей. Уже к концу дошкольного возраста у ребенка должны быть сформированы ценностные основы отношения к действительности.

Ребёнка приобщают именно к общим, непреходящим человеческим ценностям, а не к тому, что может представляться ценным элитарному кругу людей. При этом процессы обучения и воспитания в дошкольном возрасте могут быть разделены только условно.

Еще одна линия реформирования дошкольного образования – это переход от парадигмы усвоения знаний, умений и навыков к ориентации на развитие способностей. Очевидно, что простое усвоение, т. е. запоминание новой информации, не ведет к развитию личности и индивидуальных способностей ребенка. Задачей дошкольного образования является не накопление знаний и навыков, а прежде всего развитие главных новообразований дошкольного возраста – творческой активности, самостоятельности, произвольности, самосознания и др. Все эти способности развиваются не только при обучении на занятиях, но и в специфических детских, дошкольных видах деятельности – разного рода играх, рисовании, конструировании и пр. Показателем эффективности образования в этой связи следует считать не «обученность» детей, не сумму усвоенных ими знаний, а уровень их психического развития. Воспитание, обучение и развитие ребенка определяются условиями его жизни в детском саду и семье. Главной формой организации этой жизни в детском саду является игра и связанные с нею формы активности, занятия, предметно-практическая деятельность.

В отличие от устоявшегося применения игры, которая использовалась лишь как «довесок» к дидактическому процессу приобретения знаний, определенных программными требованиями, она должна быть свободной от навязанной взрослыми «сверху» тематики и регламентации действий. Ребенок должен иметь возможность овладевать все более сложным «языком» игры – общими способами ее осуществления (условным действием, ролевым взаимодействием, творческим построением сюжета), увеличивающими свободу творческой реализации его собственных замыслов.

Еще одно направление изменений в новой концепции – это деидеологизация образования. Как известно, советская система дошкольного воспитания была пронизана коммунистической идеологией, политическими лозунгами и призывами, адресованными маленьким детям. Новая концепция призывала отказаться от преподнесения детям политико-идеологизированных конкретных сведений при ознакомлении с окружающим миром.

В «Концепции дошкольного воспитания», разработанной НИИ дошкольного воспитания АПН СССР, также отражены отрицательные стороны существовавшей системы (недостаточная оснащенность детских садов оборудованием, инвентарем, дидактическими материалами и пособиями, современными ТСО, перегруженность групп, нехватка персонала, подчинение этого периода детства задаче подготовки к школе, авторитарный стиль работы

воспитателей, детский сад – «казенное учреждение»).

По мнению авторов, перестройка системы дошкольного воспитания должна проходить по следующим направлениям:

– формирование в нашем обществе отношения к дошкольному воспитанию как к этапу, определяющему все дальнейшее развитие человека;

– полное и всестороннее материальное обеспечение и изменение финансирования дошкольного воспитания;

– сокращение количества детей в группах, которое является непременным условием решения всех задач дошкольного воспитания (в ясельных группах до 10 человек, в дошкольных – до 15);

– охрана и укрепление как физического, так и психического здоровья детей;

– гуманизация педагогического процесса, предполагающая, прежде всего, ориентацию воспитателя на личность ребенка, коренное изменение характера общения с ним;

– разработка на основе современных научных исследований и широкое внедрение новых форм и методов воспитания и обучения, обеспечивающих индивидуальный подход к детям, их всестороннее развитие;

– обеспечение заинтересованности воспитателя в результатах своего труда;

– радикальное изменение характера подготовки и переподготовки педагогических кадров;

– взаимосвязь между всеми сферами социального становления ребенка и формирование новых отношений между детским садом и семьей, детским садом и школой;

– дальнейшее развитие фундаментальных и прикладных исследований в области педагогики раннего и дошкольного детства и детской психологии;

– демократизация системы управления дошкольным воспитанием.

Главной целью дошкольного воспитания является всестороннее гармоничное развитие ребенка, которое предусматривает охрану и укрепление здоровья, обеспечение полноценного физического развития; всестороннее психическое развитие и формирование личности ребенка в общении, игре, художественной деятельности, а также воспитание у него начал трудолюбия.

В концепции говорится и о таком виде деятельности как учение, учебная деятельность. Авторы предлагают учение ребенка-дошкольника понимать широко. Ребенок учится уже с первых дней своей жизни, он познает окружающий его мир. Для того чтобы полученные впечатления не носили бессистемный характер, необходимо проводить специальные занятия, которые обязательно должны носить развивающий характер. В связи с этим воспитателей следует переориентировать с репродуктивных методов обучения на продуктивные, а именно включать решение проблемных задач и экспериментирование. Важным аспектом в учении является осуществление преемственности между детским садом и начальной школой.

Формирование основ личности в дошкольном детстве связано с воспитанием нравственных качеств, творче-

ских способностей и раскрытием индивидуальности ребенка.

Таким образом, следует отметить, что концепция В.В. Давыдова, А.В. Петровского – социальна и культурологична, а концепция НИИ – предметно-психологична и структурно-организационна. Широкую известность получила первая концепция, в связи с тем, что была написана политиками под общественный заказ. Вторая концепция, включающая конкретные предложения в преобразовании дошкольного воспитания, разрабатывалась членами НИИ дошкольного воспитания АПН СССР и была незаслуженно забыта в связи с тем, что в период с 1988 по 1989 гг. все их работы подвергались тотальной критике.

Целостное рассмотрение процесса развития теории дошкольного образования в 1984-1991 гг. позволяет утверждать, что данный этап во многом носил парадигмальный характер. Общественно-политический, социально-экономический и социально-педагогический контекст, в котором в то время протекало развитие инновационного содержания дошкольного образования, был крайне мировоззренчески сложен и событийно насыщен (Т.Н. Богуславская).

Во второй половине 80-х годов главным феноменом реформирования образования выступала школа. Система дошкольного образования в этот период не была приоритетной.

Вместе с тем во второй половине 80-х годов мы можем выделить две группы документов, касающихся реформирования образования:

1. Документы рамочного содержания, которые определяли новое педагогическое мышление, формулировали общепедагогические принципы, формы, методы или общеэкономические принципы организации систем образования, которые продуцировались, а скорее, переносились на систему дошкольного образования:

«Декларация педагогики сотрудничества», где главная идея – субъект-субъектные отношения. В документе не говорится о дошкольном образовании.

«Общая концепция общеобразовательной школы», которая была создана в июне 1988 года и принята на Всесоюзном съезде учителей. В ней были заложены основные идеи национально-культурного наполнения образовательного процесса. Но главной идеей этого документа стало понятие «вариативность».

«Вариативный базисный учебный план» (1990–1991 гг.). Этим документом задавались принципиальная вариативность и многообразие дошкольных учреждений (сейчас – ДОО «организация»), также юридически и нормативно было заложено видовое разнообразие дошкольных учреждений.

2. Специальные документы, которые непосредственно были направлены на систему дошкольного образования.

К ним относятся два специальных документа, которые предлагали концепцию модернизации дошкольного образования или воспитания:

– Концепция Давыдова-Петровского, Концепция ВНИКа (политический, государственный документ).

– Концепция дошкольного воспитания АПН СССР (инструментальный документ).

Социально-экономические реформы, бурный темп жизни 1980–1990 гг., экономический кризис, переход к рыночной экономике в одно мгновение низвергли то, что еще недавно каза-

лось незыблемым. «Старые» ценности, еще недавно казавшиеся неопровержимыми, заменяются «новыми», чуждыми предшествующей практике, ценностными ориентациями [4, с. 47].

В 1991 г. утверждено «Временное положение о дошкольном учреждении». Единая программа как обязательный документ опять привела к единообразию форм, содержания и методов педагогического процесса без учета индивидуальных особенностей детей (национальных, культурных, языковых).

Государственная политика в области образования согласно принятому в 1992 г. Закону РФ «Об образовании» была основана на гуманистическом характере образования, признании приоритета общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; воспитании гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье. Основным принципом государственной политики в области образования стало единство федерального культурного и образовательного пространства, защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства. Особенностью государственной политики в области дошкольного образования стало установление федеральных образовательных стандартов, представляющих собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования.

Основное внимание в государственной политике в области дошкольного образования уделялось вариативности образовательных программ. В связи с этим в 1995 году было утверждено «Типовое положение о дошкольном образовательном учреждении», в котором отмечалось, что дошкольное учреждение имеет право самостоятельно выбирать программы из комплекса вариативных программ и технологий, рекомендованных органами управления образованием, вносить изменения в них, а также разрабатывать собственные (авторские) программы. Таким образом, в условиях модернизации образования плюрализм (многообразие) программ рассматривался как важнейшее условие соблюдения Закона РФ «Об образовании». Только реализация принципов дифференциации и вариативности содержания образования могла обеспечить развитие индивидуальности ребенка, учесть образовательные запросы каждой семьи, уровень и направленность работы ДОУ, способствовать развитию инициативы и творчества воспитателей.

Вариативность содержания образовательных программ в то время не исключала и общих требований к воспитательно-образовательному процессу: личностно ориентированного взаимодействия взрослых с детьми; развития любознательности как основы познавательной активности у дошкольника; формирования творческого воображения; приобщения детей к общечеловеческим ценностям; взаимодействия с

семьей для обеспечения полноценного развития ребенка.

Обращение к личностно ориентированной педагогике, отход от жестко регламентированных форм воспитания и обучения детей характеризовали общие тенденции перестройки дошкольного образования. Гуманизация современного образования связана, прежде всего, с изменением отношения к воспитанию, в центре которого находится ребенок, становление его субъектности. Система образования в России представляла собой совокупность взаимодействующих преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня направленности; сети реализующих их образовательных учреждений независимо от их организационно-правовых форм, типов и видов; органов управления образованием и подведомственных им учреждений и организаций (Закон РФ «Об образовании», ст. 8).

Государственная политика в области образования имеет свои особенности:

– устанавливаются федеральные государственные образовательные стандарты, представляющие собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, ср. проф. и высшего проф. образования;

– при реализации основных образовательных программ для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья могут быть установлены специальные федеральные государственные образовательные стандарты.

К основным общеобразовательным относятся программы:

1) дошкольного образования;

2) начального общего образования;

3) основного общего образования;

4) среднего (полного) общего образования.

К структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования и условиям ее реализации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, предъявляются федеральные государственные требования, обязательные при реализации такой образовательной программы (п. 6.2 введен Федеральным законом от 01.12.2007 N 309-ФЗ, в ред. Федерального закона от 08.11.2010 N 293-ФЗ); Устав образовательного учреждения ГИА, КИМ (государственная итоговая аттестация).

Для рассмотрения проблемы государственной политики в области дошкольного образования важна Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», утвержденная Президентом Российской Федерации Д.А. Медведев от 4 февраля 2010 г. (Пр-271).

«Наша новая школа» – это программа модернизации российского образования. Суть и смысл этого проекта заключается в создании школы, способной раскрыть личностный потенциал детей, воспитать в них интерес к учёбе и знаниям, стремление к духовному росту и здоровому образу жизни, подготовить ребят к профессиональной деятельности с учётом задач модернизации и инновационного развития страны. По словам главы государ-

ства, это не краткосрочный проект, а стратегическая политика в сфере образования.

Новая школа – это институт, соответствующий целям опережающего развития.

Главные задачи современной школы: раскрытие способностей каждого ученика, воспитание порядочного и патриотичного человека, личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире.

Основные направления развития общего образования:

1. Переход на новые образовательные стандарты.

2. Развитие системы поддержки талантливых детей.

3. Совершенствование учительского корпуса.

4. Изменение школьной инфраструктуры.

5. Сохранение и укрепление здоровья школьников.

6. Расширение самостоятельности школ.

Несмотря на то что в документе речь идет о школе, следует отметить, что все направления, указанные в нем, реализуются и в системе дошкольного образования.

В рамках первого направления был принят и реализуется Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.10. 2013 г. за № 1155.

О реализации второго направления можно судить по целому ряду нормативных документов, в которых говорится о различных формах поддержки одаренных детей. Во всех документах речь идет о школе и системе дополнительного образования. Однако система дошкольного образования следует общей тенденции развития одаренных детей, на уровне образовательных организаций разрабатываются и реализуются программы развития одаренных детей.

Реализация национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» по третьему направлению – совершенствование педагогических кадров в системе дошкольного образования – осуществляется по двум векторам:

– организация повышения квалификации воспитателей;

– проведение профессиональных конкурсов.

Следующее направление – изменение школьной инфраструктуры согласно Плану действий по модернизации общего образования на 2011-2015 годы (утв. Распоряжением Правительства РФ от 7 сентября 2010 г. N 1507-р). Во всех образовательных учреждениях должны быть созданы условия для реализации основных образовательных программ, обеспечивающих выполнение федеральных государственных образовательных стандартов общего образования.

Экстраполируя эти положения на систему дошкольного образования, отметим, что подушевое финансирование ДОУ было введено в 2008 году Письмом Минобрнауки РФ № 03-2782. Согласно указанному документу, за предоставление и организацию бесплатного дошкольного образования отвечают местные власти.

Согласно части 2 статьи 99 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (далее – Федераль-

ный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ) органы государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливают нормативы затрат на оказание государственных и муниципальных услуг в сфере дошкольного образования.

Право граждан на выбор образовательного учреждения, включая детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов, через создание соответствующих условий, в том числе в общеобразовательных учреждениях, закреплено в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», а также Уставе образовательного учреждения.

С целью внедрения современных архитектурных и дизайнерских решений в зданиях детских садов проводятся аналитические исследования для разработки новых функционально-планировочных узлов, пересмотра стандартных типовых решений в пользу новых объемно-планировочных структур в условиях современного развития системы образования (например, разработки Н.В. Ламеховой) [7].

На региональном уровне проводятся мероприятия, направленные на поиск новых решений в строительстве детских садов. Осуществляется:

– ремонт, реконструкция и строительство образовательных учреждений;

– проведение мероприятий, направленных на снижение аварийности зданий образовательных учреждений (мониторинг технического состояния зданий, реализация противопожарных мероприятий);

– обеспечение качественных условий обучения, развитие материально-технической базы ДОО (оснащение учреждений современным учебно-наглядным, спортивным оборудованием и т.д.);

– выполнение требований к санитарно-бытовым условиям и охране здоровья детей.

Пятое направление – сохранение и укрепление здоровья детей – также реализуется и регламентируется следующими документами:

– Законом «Об образовании в Российской Федерации», где указано, что «образовательное учреждение создает условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья обучающихся, воспитанников»;

– «Типовым положением о ДОУ», который задачу охраны жизни и укрепления физического и психического здоровья детей относит к основным задачам дошкольных образовательных учреждений;

– Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22 июля 2010 г. № 91 Об утверждении СанПиН 2.4.1.2660-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы в дошкольных организациях»;

– Федеральным законом № 46-фз от 3 мая 2012 года «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»;

– Федеральным законом № 436-ФЗ 29 декабря 2010 года «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

На уровне образовательных организаций разрабатываются и реализуются программы по сохранению и укреплению здоровья дошкольников, а также проводятся мероприятия, направленные на популяризацию здорового образа жизни.

Министерство образования и науки Российской Федерации в 2009 году

разработало проект Паспорта здоровья школьника. Паспорт здоровья школьника (далее Паспорт) – это комплексный документ, который позволит собирать всю информацию о здоровье ребёнка, о его физическом развитии, психоэмоциональном состоянии. В Паспорт рекомендуется вносить данные о физиологических особенностях ребёнка, перенесённые им заболевания, сведения о семье и личных достижениях. Предполагается, что Паспорт будет заполняться учителями, медицинскими работниками, психологами.

Право вводить или не вводить Паспорт здоровья школьника (дошкольника) остается за образовательным учреждением.

В рамках реализации шестого направления национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» – расширение самостоятельности общеобразовательных учреждений – важным является соблюдение принципа государственно-общественного управления в деятельности образовательных учреждений, в том числе при разработке и реализации основных образовательных программ.

В системе дошкольного образования процесс расширения общественного участия в управлении образованием происходит заметно медленнее, чем в общем образовании. При этом в отдельных субъектах РФ имеется интересный опыт развития государственно-общественного управления в дошкольных учреждениях, нуждающийся в распространении и изучении [6, с. 13].

Законодательные нормы, закрепленные в Законе «Об образовании в Российской Федерации», предоставляют образовательным учреждениям право:

– самостоятельно формировать органы самоуправления;

– определять их компетенцию;

– разграничивать полномочия между советом и руководителем учреждения.

В дошкольном образовательном учреждении может быть либо «традиционный» совет с совещательными функциями, либо Управляющий совет с управленческими полномочиями по усмотрению учреждения и его учредителя.

Важным является реализация положений принятого 8 мая 2010 года Федерального закона №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (далее – Закон №83-ФЗ). Данный Закон является основополагающим документом по правовому регулированию учреждений бюджетной системы, в ходе реализации которого правовой статус учреждений изменяется путем преобразования в один из типов государственных (муниципальных) учреждений: казенные, бюджетные или автономные.

Таким образом, следует отметить две особенности рассматриваемого документа:

1) он носит инфраструктурный характер;

2) в документе школа выделяется как центральный, системообразующий элемент образования в нашей стране.

Деятельность дошкольных образовательных организаций регулируется Федеральными государственными требованиями к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования (далее

ФГТ), которые были утверждены 23 ноября 2009 г. Приказом Министерства образования и науки РФ от № 655 (зарегистрирован Минюстом России 8 февраля 2010 г. № 16299).

Существенным является тот факт, что ФГТ разработаны в соответствии с Законом РФ «Об образовании» (п. 6.2. ст. 9). Данная норма была введена в Закон РФ «Об образовании» в связи с пониманием важности этапа дошкольного образования для дальнейшего полноценного развития и обучения детей. На тот период ФГТ и Типовое положение о дошкольном образовательном учреждении являлись единственными документами, создающими всю нормативно-правовую базу системы дошкольного образования. Основные цели документа:

– «обеспечение государством равенства возможностей для каждого ребёнка в получении качественного дошкольного образования;

– обеспечение государственных гарантий уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ, их структуре и результатам их освоения;

– сохранение единства образовательного пространства Российской Федерации относительно уровня дошкольного образования».

Стандартизация дошкольного образования не предусматривает предъявления жестких требований к детям дошкольного возраста, не рассматривает их в жестких «стандартных» рамках.

В основу ФГТ были заложен целый ряд новых принципов:

– принцип развивающего образования, целью которого является развитие ребенка;

– принцип необходимости и достаточности (соответствие критериям полноты, необходимости и достаточности), позволяющий решать поставленные цели и задачи только на необходимом и достаточном материале, максимально приближаться к разумному «минимуму»;

– принцип интеграции образовательных областей в соответствии с возрастными возможностями и особенностями воспитанников, спецификой и возможностями образовательных областей.

На ступени дошкольного образования к ребенку не могут быть применены требования, аналогичные тем, что присутствуют в стандарте начального образования, поскольку необходимо учитывать самоценность дошкольного периода жизни и специфики психического развития детей-дошкольников. В связи с этим в дошкольном образовании определены только две группы требований, а не три, как в стандарте НОО. Это требования к структуре программы ДО и требования к условиям ее реализации.

При этом педагогам дается ориентир конечной цели их деятельности. В ФГТ указано, что одним из обязательных разделов программы любого ДОУ является раздел «Планируемые результаты освоения детьми основной общеобразовательной программы дошкольного образования». В нем описаны интегративные качества (физическая развитость, любознательность, активность, эмоциональная отзывчивость, общительность и др.), которые ребенок может приобрести в результате освоения данной программы: то есть фактически это – некие компетенции.

В новом документе делается акцент на важности индивидуального подхода к ребенку и игре, где сохраняются самоценность дошкольного детства и сама

природа дошкольника. Факт повышения роли игры как ведущего вида деятельности дошкольника и отведение ей главенствующего места, безусловно, положителен. Для ФГТ характерен также отказ от учебно-дисциплинарной модели образовательного процесса. Ведущими видами детской деятельности являются игровая, коммуникативная, двигательная, познавательно-исследовательская, продуктивная и др. Необходимо отметить, что каждому виду детской деятельности соответствуют определенные формы работы с детьми.

В ФГТ установлено, что объем обязательной части программы должен составлять не менее 80% времени, необходимого для реализации всей программы. Остальные 20% отводятся для части программы, формируемой участниками образовательного процесса.

По мнению некоторых исследователей, ФГТ присущ ряд недостатков: размывание предметного содержания дошкольного образования; игнорирование ценности знаний (представлений в дошкольном возрасте); недооценивание роли педагога, организующего усвоение ребенком культурного опыта, выполнение педагогами несвойственных функций – разработки образовательных программ (Т.С. Комарова, Л.А. Парамонова, М.В. Телегин и др.).

В целом ФГТ представляют собой революционный документ, который принципиально меняет характер образовательной деятельности в организации дошкольного образования. Это связано не только с вышеперечисленными особенностями построения педагогического процесса в соответствии с ФГТ. Революционный характер заключается, на наш взгляд, в том, что в этом документе заложена новая для отечественного дошкольного образования стратегическая модель образования – педоцентристская вместо авторитарной как стержневая модель.

Преемственным по отношению к ФГТ послужил Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования – ФГОС ДО, который вступил в силу 1 января 2014 года, утверждённый Приказом Министерства образования и науки РФ № 1155 от 17.10.2013 года. ФГОС ДО преследует цель – повышение социального статуса дошкольного образования. Основное отличие этого документа от предыдущего – предоставление еще большей степени свободы педагогам дошкольного образования. Это выражено, например, в том, что объем обязательной части основной образовательной программы должен составлять не менее 60% времени (в ФГТ – не менее 80%), необходимого для реализации всей программы, и 40% отводится для части программы, формируемой участниками образовательного процесса. Индивидуальный подход к ребенку как обязательное требование к осуществлению образовательной деятельности в ФГТ в ФГОС ДО дополняется «индивидуальной образовательной траекторией», то есть ориентацией педагога на потребности ребенка, что еще в большей степени усиливает педоцентристскую стратегию дошкольного образования, требует реализации концепции «свободного воспитания». ФГОС ДО обозначил основные целевые ориентиры дошкольного образования, совпадающие с основными направлениями развития: социально-коммуникативное, познавательное, речевое, художественно-эстетическое, физическое (образова-

тельные области), в отличие от десяти образовательных областей, выделенных в ФГТ, отличающихся несоразмерностью, разномасштабностью. Например, «Социализация» – громадная образовательная область, включающая все воздействия на ребенка, и «Чтение художественной литературы», являющееся фактически методом речевого развития. Дошкольная организация становится еще более открытой для связей с другими социальными институтами (музеями, театрами, школами и т.п.), а также еще более открытой для взаимодействия с семьей ребенка.

В ФГОС ДО изменилась структура основной образовательной программы дошкольного образования (ООЛДО). Она включает три основных раздела: целевой, содержательный, организационный. В каждом разделе отражается обязательная часть и часть, формируемая участниками образовательного процесса. Дополнительно введён раздел «Презентация программы». Согласно ФГТ, обязательная часть – пояснительная записка, режим пребывания детей, содержание по областям, результаты освоения образовательной программы, система мониторинга и часть, формируемая участниками образовательного процесса.

Новациями ФГОС ДО по сравнению с ФГТ выступают следующие требования: ведущую роль в образовании играет предметно-пространственная образовательная среда как средство, организация инклюзивного образования; группы в одной организации могут получать образование на основе различных образовательных программ; акцент на развитие, а не на обучение; воспитатель не должен готовить ребенка к школе, это школа должна принимать его таким, какой он есть.

Среди недостатков ФГОС ДО исследователи отмечают декларативность ряда положений, терминологический «хаос» (например, «совместная деятельность взрослых и детей» и «совместно распределенная деятельность», «игровая, познавательная, исследовательская и творческая активность», «целевые ориентиры» и «образовательные области»), спорность трактовки ряда положений, «психологический язык» Стандарта (культурные практики, культурные средства деятельности, культурные способы деятельности и др.), перегруженность требований к основной образовательной программе дошкольного образования (ООПДО) в части различных описаний и др.

Таким образом, в истории дошкольного образования в России в период с 1984 по 2015 гг. можно выделить три этапа, принципиально отличающиеся реализуемой государственной политикой:

1984–1991 гг. – программно-методический;

1991–1999 гг. – концептуальный;

2000–2015 гг. – модернизационный (М.В. Богуславский).

Современная ситуация в отечественном дошкольном образовании характеризуется интенсивными поисками путей обновления его содержания, созданием оригинальных методов и средств воспитания и обучения, применением не только новых форм организации педагогического процесса, но и принципиально новой стратегической модели дошкольного образования, основанной на педоцентризме, предоставляющем большую степень свободы участникам образовательного процесса.

Список литературы

1. Анайкина Л.И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР, 1922 – 1991 гг.: автореф. дис… доктора историч. наук, 2001. – 36 с.
2. Богуславская Т.Н. Формирование теории содержания дошкольного образования в отечественной педагогике второй половины XX века // Педагогика. – 2013. – № 2. – С. 31-38.
3. Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. – 2006. – № 3. – С. 5-21.
4. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебник для вузов. – СПб., 2000. – 304 с.
5. Доронова Т.Н. Право на образование // Дошкольное воспитание. – 2001. – № 10. – С. 2-6.
6. Касаткина Е.И. Лыскова И.В. Государственно-общественное управление дошкольным образовательным учреждением: Методические материалы. – Вологда, 2012. – 136 с.
7. Ламехова Н.В. Функционально-планировочная структура зданий для дошкольного образования // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2011. №3. [Электронный ресурс] URL: http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnoplanirovochnaya-struktura-zdaniy-dlya-doshkolnogo-obrazovaniya (дата обращения: 14.04.2017).
8. О реформе общеобразовательной и профессиональной школы: Сборник документов и материалов. – М., 1984. – 352 с.

List of references

1. Anajkina L.I. Partijno-gosudarstvennaya politika v sfere narodnogo obrazovaniya v RSFSR, 1922 – 1991 gg.: avtoref. dis… doktora istorich. nauk, 2001. – 36 s.
2. Boguslavskaya T.N. Formirovanie teorii soderzhaniya doshkol'nogo obrazovaniya v otechestvennoj pedagogike vtoroj poloviny HKH veka: Pedagogika. – 2013. – № 2. – S. 31-38.
3. Boguslavskij M.V. Reformy rossijskogo obrazovaniya XIX–XX vv. kak global'nyj proekt // Voprosy obrazovaniya. – 2006. – № 3. – S. 5-21.
4. Bordovskaya N.V., Rean A.A. Pedagogika: Uchebnik dlya vuzov. – SPb., 2000. – 304 s.
5. Doronova T.N. Pravo na obrazovanie // Doshkol'noe vospitanie. – 2001. № 10, S. 2-6.
6. Kasatkina E.I. Lyskova I.V. Gosudarstvenno-obshchestvennoe upravlenie doshkol'nym obrazovatel'nym uchrezhdeniem: Metodicheskie materialy. – Vologda, 2012. – 136 s.
7. Lamekhova N.V. Funkcional'no-planirovochnaya struktura zdanij dlya do-shkol'nogo obrazovaniya // Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN. 2011. №3. [EHlektronnyj resurs] URL: http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnoplanirovochnaya-struktura-zdaniy-dlya-doshkolnogo-obrazovaniya (data obrashcheniya: 14.04.2017).
8. O reforme obshcheobrazovatel'noj i professional'noj shkoly. Sbornik dokumentov i materialov. – M., 1984. – 352 s.

УДК 37

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ ИНЕРТНОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТАНДАРТА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.К. Елисеев
Д-р психол. наук, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
elvk56@mail.ru

В статье рассматривается проблема профессионально-личностной инертности в деятельности кадрового состава дошкольных образовательных учреждений Липецкой области. По результатам эмпирического исследования выявлено, что профессионально-личностная инертность работников дошкольных образовательных учреждений затрагивает когнитивную, мотивационную и деятельностную сферы профессионализма.

Ключевые слова: профессионально-личностная инертность, когнитивная, мотивационная, деятельностная сферы профессионализма кадрового состава дошкольных образовательных учреждений.

A STUDY OF PROFESSIONAL AND PERSONAL INERTNESS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS AND WAYS OF ITS OVERCOMING IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE STANDARD OF PRESCHOOL EDUCATION

V.K. Eliseev
Dr. Sci (Psychology), Lipetsk State Pedagogica
P. Semenov-Tyan-Shansky University

The article considers the problem of professional and personal inertness in the activities of the personnel of preschool educational institutions in Lipetsk region. Based on the results of empirical research it has been revealed that personal and professional inertia of workers of preschool educational institutions affects cognitive, motivational and activity of their scope of professionalism.

Keywords: professional and personal inertia, cognitive, motivational, activity spheres of professionalism of personnel of preschool educational institutions.

Раскрытие природы эффективной профессионально-педагогической деятельности обусловлено, прежде всего, чрезвычайной сложностью и многообразием связей между профессиональным и личностным опытом, характеристиками самой личности специалиста и социальной средой осуществления профессиональной деятельности. Профессионализм нередко является итоговым, интегральным проявлением всех этих компонентов. В то же время приходится констатировать, что даже наличие всех этих компонентов еще не

является достаточным условием эффективной профессиональной деятельности, что проявляется через профессиональные деструкции или профессионально-личностную инертность специалиста. Существенное влияние на деятельность специалиста оказывают изменения профессиональной среды, усложнение или модификация профессиональных задач, изменение зон ответственности, что нередко происходит в результате организационных изменений в профессиональной сфере деятельности специалиста. На наш взгляд, актуальным становится изучение изменений, происходящих со специалистом на «переломных» этапах его профессиональной деятельности в связи со структурными изменениями самой профессиональной деятельности.

В процессе освоения конкретной деятельности, столкновения субъекта с новыми задачами, профессиональными ситуациями, нестандартными условиями постоянно возникают противоречия как между требованиями деятельности и уровнем развития отдельных личностных образований, так и профессионально ориентированными структурами сознания. Эти противоречия и являются основной движущей силой развития субъекта профессионально-педагогической деятельности. Таким образом, успех преодоления инертности зависит от степени соответствия профессионально-личностных качеств личности требованиям профессиональной деятельности на каждом этапе профессиональной жизни.

В процессе прохождения тех или иных этапов профессиональной жизни, которые могут выступать в качестве определенных «кризисов», педагог формирует механизм самозащиты – профессиональную устойчивость «оборонительного» характера. Таким образом, профессиональная устойчивость стагнирует и превращается не в позитивное, а в негативное явление, сопровождающее профессиональную деятельность специалиста. Некоторые авторы выделяют данный механизм в качестве определяющего механизма формирования профессиональной инертности. Необходимо понимать продуцирующие механизмы явления, выделяя причинно-следственную связь и особенности преодоления профессиональной инертности [1, с. 217]. Профессиональная инертность – это негативное состояние специалиста относительно восприятия себя в профессии, которое характеризуется стремлением к сохранению образцов прошлого опыта, которое противопоставляется приобщению к новым образцам профессионального опыта; негативным отношением к любой другой профессиональной среде, кроме собственной; предпочтением служебных или личностных отношений профессиональным [2, с. 132]. Ситуации, через которые проходит специалист, делят жизнь на отдельные этапы, внутри которых она течет спокойно, консервативно, распространяясь, скорее, в ширину, чем в глубину. В процессе освоения конкретной деятельности, столкновения субъекта с новыми задачами, профессиональными ситуациями, нестандартными условиями возникают противоречия как между требованиями деятельности и уровнем развития отдельных личностных образований, так и профессионально ориентированными структурами психики. Эти противоречия и являются основной движущей силой развития профессиональ-

ной деятельности субъекта, в том числе при прохождении различных этапов профессиональной жизни. Процесс преодоления инертности личности педагога может рассматриваться как способ становления его субъектности.

Основную проблему нашего исследования составило противоречие между потребностью общества в смене парадигмы дошкольного образования, ее переориентацией на развитие личности ребенка и необходимостью принятия и реализации указанной парадигмы всеми членами образовательного процесса в учреждениях дошкольного образования. В связи с этим особенно остро возникает проблема активности кадрового состава дошкольных учреждений в процессе реализации вводимого образовательного стандарта, которая может быть обозначена как проблема мобильности – инертности.

Применительно к принятию стандарта дошкольного образования профессионально-личностная инертность кадрового состава может проявляться в различных сферах профессионального сознания педагога. В этом случае в когнитивном плане инертность представляет собой неосведомленность и непринятие сведений о содержании вводимого стандарта дошкольного образования. В мотивационном плане инертность – это отсутствие интереса к содержанию стандарта дошкольного образования и мотивации к изменениям в организации образовательного процесса в дошкольных учреждениях, различным моделям образования дошкольников в соответствии с вводимым стандартом дошкольного образования. В деятельностном плане инертность – отсутствие результативности в педагогической деятельности – ориентация на существующие модели образовательного процесса.

В исследовании профессионально-личностной инертности в реализации стандарта дошкольного образования приняли участие руководители, воспитатели, психологи, логопеды 11 дошкольных образовательных учреждений г. Липецка и 20 районных дошкольных образовательных учреждений Липецкой области, всего 125 человек.

Прежде всего, подверглись оценке проявления профессиональной инертности руководители учреждений дошкольного образования, т.к. именно от них во многом зависит реализация стандарта. Кроме того, профессиональная инертность в области реализации стандарта дошкольного образования руководителей косвенно определяет инертность в профессиональной сфере воспитателей, психологов и логопедов дошкольного образовательного учреждения.

В когнитивном плане профессиональная инертность наблюдается у 2% руководителей дошкольных образовательных учреждений, которые продемонстрировали непонимание новизны теоретических основ стандарта и демонстрируют отсутствие осведомленности о его путях реализации.

В мотивационном плане состояние инертности в сфере реализации стандарта дошкольного образования можно отметить у 1/3 руководителей. Это связано, на наш взгляд, с рядом объективных и субъективных причин, среди которых:

- недостаточное количество времени после выхода стандарта для того, чтобы оценить результаты его внедрения;

- недостаточно глубокое и адекватное понимание требований стандарта, в силу чего в практике дошкольного образования возникает много искажений;
- слабое развитие педагогической рефлексии, позволяющей вовремя замечать ошибки, искажения в реализации стандарта, и грамотно корректировать их;
- отсутствие адекватных материально-технических условий требованиям стандарта.

Оценка инертности в сфере организации образовательной деятельности в условиях реализации стандарта дошкольного образования руководителей дошкольных учреждений свидетельствует о том, что многие из них демонстрируют негативное отношение к проектированию и планированию образовательного процесса и различным инновационным моделям образования дошкольников в условиях введения образовательного стандарта. 34% опрошенных руководителей не понимают и не принимают нормативные документы, регулирующие введение стандарта дошкольного образования.

В области проектировочной деятельности образовательного процесса наибольшие сложности руководители дошкольных учреждений испытывают в отношении разработки основной образовательной программы, при проектировании индивидуальной траектории развития личности ребенка, разработке образовательной деятельности разных видов и культурных практик. Для руководителей остается проблемой организация этой работы в дошкольном образовании как целостной системы (работа ведется чаще всего фрагментарно), а также стимулирование воспитателей к самообразованию и саморазвитию, приобретающих особую ценность при составлении основной образовательной программы.

Структура субъективных трудностей воспитателей в реализации стандарта дошкольного образования связана с инертностью в когнитивном, мотивационном и деятельностном планах. В когнитивном плане инертность наблюдается у 2% воспитателей дошкольных образовательных учреждений. В мотивационном плане инертность как отсутствие профессионально-педагогической позиции наблюдается у 21% воспитателей, которые не верят в положительное влияние стандарта дошкольного образования на развитие и воспитание детей, и в то, что он способствует совершенствованию образовательного процесса. В деятельностном плане инертность при реализации стандарта дошкольного образования как отсутствие профессионально-педагогической результативности также наблюдается более чем у 34% воспитателей дошкольных учреждений.

В когнитивном плане инертность также отмечена у 50% психологов дошкольных образовательных учреждений, которые демонстрируют поверхностные знания о направлениях и средствах реализации федерального стандарта дошкольного образования, недостаточно ими осознанных и основанных на традиционных подходах. В мотивационном плане у половины опрашиваемых психологов, так же как и у руководителей ДОУ, не сформирована профессиональная позиция. Психологи не верят в положительное влияние введения стандарта дошкольного образования на развитие и воспитание

детей, и в то, что этот стандарт способствует совершенствованию образовательного процесса в дошкольных образовательных учреждениях. Тем самым у респондентов-психологов формируется поверхностное отношение к профессионально-педагогическому самообразованию. В деятельностном плане инертность наблюдается у 1/2 психологов, которые испытывают сложности в разработке основной образовательной программы, в проектировании индивидуальной траектории развития личности ребёнка, в просвещении родителей, в реализации инклюзивного образования.

Нами также оценивалась профессиональная инертность логопедов в сфере реализации стандарта дошкольного образования. Респонденты-логопеды продемонстрировали осведомленность в области теоретических основ стандарта и принятии ими сведений о путях и средствах его реализации, указывая тем самым на отсутствие каких-либо сложностей в когнитивном плане. В мотивационном плане инертность наблюдается у 50% логопедов, которые не верят в положительное влияние стандарта на развитие и воспитание детей, и в то, что он способствует совершенствованию образовательного процесса. Таким образом, у респондентов-логопедов, так же как у психологов, отмечена поверхностная мотивация к профессионально-педагогическому самообразованию. В деятельностном плане инертность логопедов к реализации стандарта дошкольного образования как отсутствие профессионально-педагогической результативности наблюдается у половины из них (50%). Данные логопеды испытывают сложности в разработке основной образовательной программы, в проектировании индивидуальной траектории развития личности ребенка, в просвещении родителей, в реализации инклюзивного образования.

Профессионально-личностная инертность участников образовательного процесса может преодолеваться под влиянием ряда условий:

- Образовательные технологии, используемые в качестве составной части, должны соответствовать деятельностной части формируемых профессиональных компетенций, иными словами, позволять приобретать новый опыт в работе с навыками и знаниями при их целевом применении. Это увеличивает вероятность развития субъектных качеств, необходимых для эффективной работы в рамках конкретной компетенции. Преобладающими обучающими технологиями могут выступать технологии, способные обеспечивать саморазвитие и самоактуализацию личности, а также обязанные способствовать поиску подходящих способов решения жизненных и профессиональных проблем.
- Доминирующее место в компетентностном подходе занимают субъектные качества личности, которые позволяют профессионалам быть успешными в обществе. Так, продуктом образования выпускника высшего учебного заведения обязаны стать: его субъектный потенциал как гражданина, как человека и как специалиста в связи с соответствующими требованиями, которые включают в себя объекты предметно-профессиональной компетентности, а также саморегуляцию, ответственность, рефлексивную компетенцию и др.
- Субъектно-профессиональный потенциал личности педагога актуализируется в его способностях к практи-

ческой реализации в учебно-воспитательном процессе индивидуальных траекторий и программ личностно-профессионального саморазвития, осуществления необходимой для них коррекции; самосовершенствования; самоанализа профессиональных и жизненных достижений; усиления роли общепрофессиональных и специальных компетенций.

- Содержание субъектно-профессиональной мобильности педагога (в противовес инертности) может по праву соотнесено с «субъектными компетенциями» профессионала и, в конечном счете, – с его профессионализмом, с готовностью эффективно справляться с различными типами профессионально-педагогических задач. Таким образом, мы считаем, что профессиональная компетентность и профессионализм педагога могут рассматриваться как отражение субъектно-профессиональной мобильности личности.

- Тенденции модернизации современного российского образования требуют качественно новых психолого-педагогических подходов к внедрению в процесс подготовки педагогических работников разного уровня теоретических и методических научных разработок для поиска дополнительных потенциальных ресурсов в сферах формирования субъектности и профессионализма, проявляющихся в активном, деятельном и преобразующем отношении к проводимым в образовании реформам и к собственному профессиональному самосовершенствованию.

Список литературы

1. Климов Е.А. Психология профессионала. – М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 400 с.

2. Подвойский В.П. Профессиональная деформация руководителей социально-культурных учреждений. Психолого-педагогический подход. – М.: Педагогика. – 1998. – 131 с.

List of references

1. Klimov E.A. Psihologiya professionala. – M.: Izdatelstvo «Institut prakticheskoj psihologii»; Voronezh: NPO «MODEHK», 1996. – 400 s.

2. Podvojskij V.P. Professionalnaya deformaciya rukovoditelej socialno-kulturnyh uchrezhdenij. Psihologo-pedagogicheskij podhod. – M.: Pedagogika. – 1998. – 131 s.

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

УДК 930.26:947.021

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ РЮРИК/РУРИК/РОРИК

А.В. Олейниченко
Руководитель аналитического отдела компании UMG, г. Киев (Украина)

В статье опровергается устоявшееся в отечественной историографии утверждение о том, что имя Рюрик имеет норманнское происхождение. На основе анализа разнообразных письменных источников, среди которых – европейский эпос эпохи Раннего Средневековья, делается вывод о том, что имя Рорик/Рурик впервые зафиксировано у галло-римской знати на рубеже III–IV вв. Первый носитель галло-римского имени Рорик среди скандинавов был датский конунг середины IX в. Рорик Ютландский. Само же имя так и осталось довольно редким и нехарактерным для скандинавов.

Ключевые слова: Рюрик, Рурик, Рорик, норманны, славяне, готы, «Песнь о Нибелунгах», «Славянские хроники».

ON THE ORIGIN OF THE NAME RURIK/RURIK/RORIC

A.V. Oleinichenko
The head of the analytical department of the company UMG, Kiev (Ukraine)

The article rebuts the assertion established in national historiography that the name Rurik is of the Norman origin. Based on the analysis of various written sources, including the European epic in the Early Middle Ages, it is concluded that the name of Rorik/Rurik was first recorded from the Gallo-Roman nobility at the turn of the III–IV centuries. The first bearer of the Gallo-Roman name Roric among the Scandinavians was a Danish king in the mid-ninth century Rurik of Jutland. The name has remained quite rare and not typical for Scandinavians.

Keywords: Rurik, Rurik, Rorik, the Normans, the Slavs, the Goths, "the song of the Nibelungs", "the Slavic chronicles."

Утверждение о том, что Рюрик – норманское имя, прочно вошло в отечественную историографию и кочует из одной работы в другую без какой-либо развернутой аргументации. Такие утверждения мы встречаем и у Н.М. Карамзина, и у В.О. Ключевского [13, с. 125]. В наше время об этом, как о само собой разумеющемся, пишет Е.А. Мельникова [15, с. 201-216]. Не вдаваясь в анализ источников, норманисты обычно ограничиваются ссылками на датского викинга Рорика Ютландского и на встречающееся в исландских сагах имя «Хререк» (Hraerekr). Так, например, Карамзин пишет: «Имена трех князей варяжских – Рюрика, Синеуса, Трувора – призванных славянами и чудью, суть неоспоримо норманские: так, в летописях

франкских около 850 г. – что достойно замечания – упоминается о трех Рориках: один назван вождем датчан, другой королем (Rex) норманским, третий просто норманном; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна» [12, с. 52-53].

Но, во-первых, не существовало никаких трех датских конунгов с именем Рорик. Речь идет об одном и том же современнике летописного Рюрика, известном предводителе датских викингов Рорике (ум. ок. 873), который сумел утвердиться во Фризии, в Дорестате. Во-вторых, это имя встречается не только у скандинавов. Современниками датского Рорика являются Рорик или Рориг (по-французски Роргон), граф Мэна, и его сын Рорик-Рориг. Оба, и отец, и сын упоминаются у Гинкмара Реймского в продолжении Бертинских анналов. Под 865 г. у него встречается запись о дочери Рорика-Рорига I, и комментаторы дают следующее пояснение: «Жена его, по имени Блихильда, была дочерью Рорика графа Кеноманна, который в 824 г. восстановил монастырь Фоссатенс» [36, p. 467]. А в комментарии к тексту Бертинских анналов под 858 г., где рассказывается о захвате пиратами-викингами сводного брата короля Людовика Гауцлена, уточняется: «Людовик и Гауцлен имели одного и того же отца Рорика, графа Кеноманна, но не одну и ту же мать. Людовик был сыном Ротруды, дочери Карла Великого; Гауцлен был сыном Блихильды; он был аббатом Гланфеиль» [36, p. 451]. Рорик (Рориг) жил еще при дворе императора Карла Великого. Император Людовик I Благочестивый в 819 г. поручил ему графство Ренн. В 824 г. Рорик основал аббатство Сен-Мор-де-Гланфеиль. В 832 г. император Людовик сделал Рорика графом Мэна. Умер Рорик 16 июня 839 или 840 г. Его сын также назывался и Рорик (Roricus), и Рориг (Rorigus), причем оба имени приводит Гинкмар Реймский. Он погиб в столкновении с норманнами в 866 г.

(863) «Король Карл пришел в город Кеноманн (Ценоманн), и оттуда непосредственно пришел к монастырю, который называется Интерамнис; где Соломон, князь британов, со знатью из своего народа вышел навстречу ему, и предал ему себя, и поклялся в верности, и вся высшая знать принесла клятву, и (король) дал ему освобождение его земли от налогов в соответствии с древним обычаем. Ему Карл за верность его дал во владение заслуженную часть земли, которая “Между двух вод” называется, и аббатство св. Альбина. Горфрида, и Рорика, и также Херивея, и других, которые недавно, как и ранее, от него часто отпадали, отпустил и с прощением одарил наградами; и оттуда вернулся в Кеноманн и справил пасху Господню».

(866) «В четвертый день до январских календ некая часть норманнов, проживающих в Лигере, выйдя за добычей в Нейстрию, напала на собравшихся (вышедших навстречу) графов Гозфрида, Геривея, а также Рорига; в этом столкновении Рориг, брат Гозфрида, погиб, и норманны, потеряв очень многих из своих, вернулись, сбежав к кораблям». Немецкие комментаторы поясняют, что «Рориг или Рорик имел отца Рорика, графа Кеноманна, брата Гозфрида, графа Кеноманна, Гозлина аббата (тоже брат. – *А.О.*), сестру Блихильду, которая была

матерью Бернарда, графа Готской марки» [36, p. 459, 470].

В генеалогии фландрских графов имеется перечень сыновей Карла III Простоватого (879–929, король 898–922) от наложницы, один из которых носил имя Рорик: «Король Карл родил… от наложницы Арнульфа, Дрогона, Рорика и Альпаиду» [35, p. 303]. О нем же говорит и Рихер Реймский (около 940–998): после смерти Рудольфа, епископа Лана, кафедра была отдана Рорику/Рорикону: «Ему унаследовал Рорикон, брат короля от конкубины, известный своими познаниями в науках» [21, с. 81]. Епископ Ланский Рорик упоминается в отрывках III, 16 и III, 19 той же «Истории» Рихера Реймского. В Hugonis Chronicon сообщается, что Рорик, епископ Ланский, участвовал в избрании архиепископом Реймса Одельрика Реймского (961/962) после отлучения от церкви Хюго Вермандуа и смерти архиепископа Артольда: «Там же, где захватчик Хюго Реймский был отлучен римским синодом, и Одельрик был рукоположен Видоном Суассонским, Рориком Ланским и…» [38, p. 364].

В анналах Флодоарда есть запись о смерти Рорика Ланского 20 декабря 976 г. «В тот самый год, в 13-й день до январских календ, глава святой Ланской церкви Рорик, который был утомленным разбитый параличом, жизнь оставил, после многих и должных похвал Богу, воздаваемых за свою беспомощность, перед днем святого апостола Фомы (21 декабря – *А.О.*) после утренних славословий Богу» [34, p. 407-408]. Уже сам факт того, что высшая франкская знать носила имя Рорик, полностью опровергает утверждения как о скандинавском происхождении имени Рорик, так и о том, что оно преимущественно было распространено среди скандинавов. К тому же франки не заимствовали имена у пиратов, грабивших северное побережье Франкской империи.

Здесь нужно указать, как западноевропейские хронисты передавали на латыни нелатинские имена, подобные имени Рорик. Чтобы правильно склонять имя, скажем, Roric, необходимо было присоединить одно из латинских окончаний. Здесь возможны были несколько вариантов. 1) Roric-o, по аналогии с Cicero – Цицерон. На русский язык такое имя, в соответствии с устоявшейся традицией передачи латинских имен, переводят как «Рорикон». 2) Roric-us, по аналогии с Marcus (Марк), Titus (Тит). На русский язык такое имя будет передаваться как «Рорик». И, наконец, 3) Roric-ius. По аналогии с Lucius (Луций), Antonius (Антоний) на русский язык такое имя будет передаваться как «Рориций». Но правила передачи латинских и латинизированных имен переводчиками не всегда выдерживаются, и иногда встречаются случаи передачи имен, как они читаются в именительном падеже на латыни. Этот разнобой создает иллюзию, что в западноевропейских памятниках встречаются разные имена, хотя, на самом деле, речь идет об одном и том же имени. Кроме того, хронисты могли записать имя без латинских окончаний, как они слышали его в быту. Так, в Бертинских анналах имя Рорика Ютландского звучит Roric, а в Фульдских анналах – Rorih [29, p. 366]. В анналах же Ведастини автор использует латинизированную форму имени Рорик (Roricus) [30, p. 520]. Также имя Рорика Ютландского передается как Rorik и Ruorich [40, p. 228, 229,235]. Немецкие комментаторы, приводя

имя графа Мэна в указателе Monumenta Germaniae Historica, дают его имя как «Рорик, граф Кеноманна» (Roric, comes Cenomannensis) [40, p. 652].

Таким образом, во всех видах записи Roric/Rorico/Roricus/Roricius/Rorih/ Rorich/Ruorich/Rorik/Rorigus речь идет об одном и том же имени Рорик. К этому нужно добавить, что наблюдалось чередование гласных – o и u в корне этого слова. Такое же явление мы наблюдаем в имени св. Родриго (San Rodrigo, ум. 13 марта 857 г.) в Испании. На латыни имя записывалось и *Rodericus,* и *Rudericus.* Соответственно, как имя Рорик-Roric в латинских текстах могло иметь разные окончания (Roricus/Roricius/Rorico), так же и имя Рурик-Ruric могло фиксироваться как Ruricus/Ruricius/Rurico.

Из вышеизложенного мы видим, что имя Рорик/Рурик встречалось у франкской знати без всякой связи со скандинавами, т.е. происхождение или преимущественное бытование этого имени у скандинавов на основании письменных источников полностью опровергается. Вот почему часть норманистов стремится придать имени Рорик/Рурик общегерманский характер и тем самым утвердить как бы «естественность» его для северогерманских племен. Эту идею развивал, в частности, Г. Шрамм [45, s. 321-333], и сейчас она является наиболее распространенной версией. Согласно ей, имя Рорик/Рурик(Roric/Ruric) в западной латинской традиции является сокращением имени Родерик/Рудерик (Roderic/Ruderic) (совр. нем. Roderich, англ. Roderick). А германским по происхождению оно делается благодаря тому, что имя Roderic объявляется искажением от Hrodric, которое толкуется из древнегерманских языков как «могучий славой» или «богатый славой». В перечне общегерманских имен у Т.В. Топоровой в сжатом виде представлена эта концепция: «*Hroda-rikaz, огот. *Rude-ric*, др.-исл. *Hroð-rekr*, др.-сакс. *Rude-ricus*, д.-в.-н. *Hrod-ric* 'славой могучий'» [26, с. 17]. Это же повторяет и Е.А. Мельникова (Hrærekr (<Hróðrekr) – “могучий славой”), опуская при этом остальные варианты имени у других германских племен, чтобы по-прежнему казалось, будто это преимущественно скандинавское имя [15, с. 201-216].

Прежде всего, нужно отметить, что утверждение «общегерманскости» имени Рорик/Рурик и, соответственно, Родерик/Рудерик никак не доказывает скандинавского происхождения основателя династии Рюриковичей. Если имя Рорик/Рурик было распространено у всех германских племен, это сводит на нет все усилия норманистов. Ведь южнобалтийские славяне находились в очень тесном контакте с германскими племенами, окружавшими их практически со всех сторон. И это сказалось на их именослове. Можно вспомнить короля ободритов Ариберта I (ум. 724), который был женат на Вундане из Польши; короля ободритов Ариберта II (ум. 747), женатого на дочери Ульфреда Английского [49]; князя Седериха или Зедериха, упоминающегося до восстания 983 г. и во времена архиепископа Гамбурга и Бремена Унвана (1013–1029) [1]; князя ободритов Биллуга (ум. 986) (П.И. Шафарик считал, что настоящее его имя Мстивой, а Биллугом он назван при крещении в честь саксонского герцога Билунга) [1, с. 167-170]; Уто Прибигнев (Uto или Udo), сын Мстислава-Мстивоя (при-

близительно 1020–1028 г.). Это имя встречается также в перечне имен в договоре князя Игоря (945) [1, с. 54, 56, 176; 19, стб. 47]; князя ободритов Готшалка, сына Уто (1043–1066) [1, с. 56, 60, 71-72, 84, 97, 176-184, 252-253]; Генриха, сына Готшалка и датской принцессы (по одним данным, правил в Старом Любеке в 1093–1127, по другим – в 1093–1119 гг.) [1, с. 341]; князя Макленбурга Генриха I Бурвина (ум. 1227), сына Прибислава [1, с. 345]. Соответственно, если утверждается, что Рюрик – общегерманское имя, то это никак не противоречит тому, что он был ободритским князем.

Но дело не только в этом. Все построения, начиная от некоего умозрительного источника общегерманских имен и кончая заявлениями о единственно возможной германской этимологии имени, не выдерживают критики. Из всех предположений обоснованной выглядит лишь мысль о близкой связи имен Родерик/Рудерик и Рорик/Рурик. Начнем с того, что некий общегерманский именослов – плод исключительно умозрительных научных реконструкций. Никаких непосредственных фиксаций личных имен у германцев этого, по сути, еще дописьменного периода у нас нет. Все реконструкции общегерманского именослова строятся исключительно на древнегерманских, древнеанглийских и скандинавских литературных памятниках. Реконструируемый на таких памятниках, как «Старшая Эдда», общегерманский именослов создает иллюзию о некой общегерманской среде, где в глубокой древности сформировались имена. Затем германские народы разошлись, унося имена, которые затем трансформировались по определенным языковым закономерностям в различных германских языках. В реальности данная концепция является просто фикцией, лишенной каких-либо доказательств. Все эти памятники имеют довольно позднюю фиксацию и прошли не одну стадию литературной обработки, с переработкой и заимствованием сюжетов, изменением родословий и заменой имен.

«Песнь о Нибелунгах» является литературной обработкой анонимным автором долгое время бытовавших в Германии разрозненных песен о Зигфриде, мести Брюнхильды и гибели бургундского королевства. Он собрал, переработал и увязал их между собой в цельное произведение приблизительно между 1203 и 1205 г. «Младшая Эдда» написана Снорри Стурлусоном (ум. 1241) в 1222–1225 гг. На ее примере видно, как автор перерабатывал сюжеты песен «Старшей Эдды»: «Так, в некоторых случаях изменены имена, по-иному даны родственные отношения в роду Гьюкунгов (Нифлунгов), по-иному изображается убийство Сигурда и т.д.» [2, с. 316]. Сага о Вольсунгах написана в середине XIII в. и является прозаической передачей сюжетов «Старшей Эдды» [25, с. 204]. Сага о Тидреке Бернском возникла около 1250 г., и автор ее был знаком с немецким вариантом «Песни о Нибелунгах» [2, с. 318]. Все остальные скандинавские (исландские) средневековые баллады, куртуазный эпос «Розовый сад», немецкие сказания о роговом Зигфриде являются более поздними произведениями. «Старшая Эдда» была записана во второй половине XIII в. Во многих ее песнях встречаются те же сюжеты, что и в германском эпосе, но в песнях «Старшей Эдды» нет сюжетного единства «Песни о Нибелунгах». Это компиляция ряда произ-

ведений, иногда с повторами и разными версиями. Несмотря на несколько большую архаичность, чем «Песнь о Нибелунгах», большинство песен «Эдды» не старше X–XII вв. [25, с. 206]. Отмечу наиболее яркие следы в тексте, показывающие поздний период создания частей этого памятника.

В «Прорицании Вельвы» встречается явная перекличка со Священным Писанием, кроме того, некоторые строфы совпадают практически дословно с «Вессобруннской молитвой», древневерхненемецким памятником IX в. [24, с. 9, 216]. Во «Второй песне о Гудрун» упоминается князь Ярицлейв, имя которого восходят к имени русского князя Ярослава Мудрого (ум. 1054). Там же встречается и имя Ярицкар, которое также считается заимствованием из русского именослова [24, с. 129, 214]. Упоминается и датский король Вальдар, прототипом которого является Вальдемар I Великий (1157–1182). Другими словами, «Вторая песня о Гудрун» написана не раньше конца XII в., если не в XIII в. вместе с созданием самой «Эдды». В «Песне о Хельги, сыне Хьерварда» назван загадочный остров Туле (Толлей), а во «Второй песне о Хельги Убийце Хундинга» – роща оков (Фьетурмюнд) как сообщение Тацита о священной роще семионов, что говорит о знакомстве скандинавского автора с историческими и литературными произведениями континентальной Европы. В «Третьей песне о Гудрун» речь идет о суде с помощью доставания камней из кипящего котла, который относится к христианской эпохе [18, с. 352; 24, с. 82, 89, 133].

«Песнь валькирий» связана с битвой в страстную пятницу 1014 г. при Клонтарфе в Ирландии, где ирландцы разбили норманнов [24, с. 254]. «Песнь о Хледе» посвящена битве между готами и гуннами, но сюда присоединены и даны во главе с Вальдаром (Вальдемаром I Великим) и англы во главе с Альреком Храбрым (Альфредом Великим). Не ранее конца XII в. создана «Песня о Хюндле» (известна по единственной рукописи XIV в.) – типично скандинавская генеалогия, созданная из скандинавских и западноевропейских источников для некоего Оттара (какого-то малоизвестного норвежского конунга), который хочет выиграть спор за наследство. В Родословной присутствует около 70 имен, частью выдуманных, частью действительно относящихся к западнонорвежским родословиям. Упоминается даже Ермунрек (т.е. Германарих) как родственник Сигурда (Зигфрида) и тем самым Оттар оказывается родственником и ему, и роду Вельсунгов. Интересно, что часть этой песни знает Снорри Стурлусон и приводит ее в «Младшей Эдде» как «Краткое Прорицание вельвы» (строфы 29-44), т.е. он приоткрывает один из источников конструирования родословий Оттара [24, с. 252].

Большинство песен о героях в «Старшей Эдде» являются заимствованиями из германских песен-сказаний о Нибелунгах. Историческая канва последних (гибель королевства бургундов, королева Брюнхильда, смерть Аттилы) не выходит за пределы V в., т.е. эпохи, когда уже не было никакого общегерманского единства. Следовательно, должны были быть пути распространения на север этих сказаний. Большая часть преданий о Сигурде (Зигфриде) и мести Кримхильды взяты из франкских преданий. В. Гольтер в

ряде статей показал франкское происхождение сказаний о Зигфриде, и что оно возникло на Рейне. Эта же идея нашла развитие у А. Хойслера [27, с. 24, 53], что в принципе не вызывает возражений. Такие имена, как Хильперик являются чисто франкскими, и для скандинавов оставались лишь литературными заимствованиями. Далеко не сразу песни о Брунхильде и Зигфриде, а также песни о гибели бургундов проникли в Скандинавию. Хойслер считает, что это произошло до начала IX в. [27, с. 65]. Кун полагал, что проникновение сказаний шло в несколько этапов: одно в конце IX в., другое – в начале XII в. [25, с. 209]. Стеблин-Каменский отмечает, что большинство исследователей придерживаются мнения, что в Скандинавию эти сказания проникают только в эпоху викингов, т.е. после 800 г. [25, с. 207]. Интересно, что у Саксона Грамматика даже задокументирован такой случай. В 1131 г. саксонский певец, посланный пригласить герцога К. Лаварда к королю Магнусу, сыну Нильса, спел песни сказания о Нибелунгах о предательстве Кримхильды и тем самым предупредил об опасности [43, p. 638].

В заимствованных литературных сюжетах имена могли как заменяться на современные скальдам скандинавские, так и просто передаваться с соответствующими языковыми искажениями. Хойслер пишет: «Личным именам было частично придано соответствующее скандинавское звучание: Гунар вместо Гунтера, Хогни вместо Хагена, Гьюки вместо Гибиха; частично же они были заменены созвучными именами: Сигурд вместо Зигфрида, Гутторм вместо Готмара. Имя Гримхильды перешло на мать, а дочь именовалась теперь по аналогии с Гунтером – Гудрун» [27, с. 66]. И у самих германских племен на континенте имена героев эпоса появляются не в седой древности и не сразу у всех. Только «начиная с VIII в., в южнонемецких документах появляются личные имена Кримхильд (Kriemhilt), Хагуно (Haguno), Нипулунк (Nipulunc), Зигфрид (Sigfrid)» [27, с. 90], т.е. тоже явно довольно поздние имена и не общегерманского единства. Часть имен скандинавского эпоса так и остались литературными именами, как, например, приведенное в «Старшей Эдде» искаженное имя Германариха, или имя Хильперик, которое подчеркивает, что сюжет взят из франкских сказаний. То же можно сказать и об именах Ярицлейв и Ярицкар. Понятно, что на таком материале все реконструкции общегерманского ономастикона являются абсолютно произвольными, не говоря уже о том, что в скандинавском эпосе имя Хререк встречается только один раз в позднем произведении «Песне о Хюндле» (XIV в.), являющемся генеалогической компиляцией.

Кроме этого, филология сталкивается и с другими проблемами в привязке имени Рорик/Рурик к германцам, которое, как и многие другие индоевропейские имена, является двуосновным. Несмотря на обилие имен у германских народов со второй основой -ric(rix), она не является германской. Иногда приводят ссылки на некоторые германские имена, где эта основа имеет этимологию «богатый», например, современное немецкое reich (английское rich). Но, как указал известный немецкий филолог Шмидт, немецкое слово «reich» имеет кельтское происхождение («The Germanic words corresponding to German Amt and Reich, reich, whose Celtic origin is proved

by their from which shows Celtic sound developments: Goth. reiks 'ruler', ONrikr 'mighty', ONGrihhy, Goth. Reiki<Germ.*rikja-<Celt.rigio-<IE *region») [44, p. 142]. Л.П. Грот в своей работе привела мнение крупного шведского специалиста Янсена, который также убежден, что германская именная основа восходит к кельтским языкам [6, с. 309].

К.-Ж. Гюйонварх и Ф. Леру пишут, что «царь» – «это raj на санскрите, rex по-латыни, rix по-галльски и ri по-ирландски от основы *reg, что, несомненно, означает, что семантика слова не скрыта от нас и что существует прочная основа для установления лингвистических, религиозных или даже “социологических” параллелей» [8, с. 99]. Топорова также признает, что имена на -riks являются заимствованием из кельтских языков, но делает бездоказательное исключение для имени Roderic, что является просто данью норманистской традиции и увлечению Г. Шраммом. И в письменных источниках мы встречаем наиболее ранние упоминания имен с основой -ric (-rix) именно среди кельтов. Вспомним знаменитого вождя галлов Верцингеторига (или Верцингеторикса), противника Юлия Цезаря. У последнего его имя в латинизированной форме передается как Vercingetorix (в род. пад. – Vercingetorigis). Также встречаются и другие галльские имена: Orgetorix, Dumnorix, Cingetorix.

В Галлии в первые века н.э. латынь начинает вытеснять постепенно кельтские языки. Еще в конце II в. Ириней Лионский писал, что приходится проповедовать на кельтском. Но уже к середине V в. кельтские языки практически повсеместно вытеснены, кроме Арморики, где наблюдается приток кельтского населения с Британских островов. Хотя, по отдельным намекам средневековых авторов, можно предполагать, что кельтские языки еще употреблялись в Галлии, население которой повсеместно говорит на так называемой народной или «вульгарной» латыни, которая к X в. приводит к формированию старофранцузского языка. Несмотря на то что кельтских заимствований в современном французском не так и много (до 7%) по сравнению с германскими языками (более 20%), имена проявляли значительно большую живучесть.

Так, например, при анализе миграции сельского, преимущественно кельтского населения, в города во II–III вв. в связи с ухудшением экономической ситуации в Галлии исследователи отмечают рост числа кельтских имен: «…Доля местного элемента во II–III веках возрастает, по меньшей мере, в городах. Многие люди из деревень переселялись в такие города, как Отен, Реймс, Мец, Аугст, Лангр или Саверн. В I в. н.э. местные имена носили 10% жителей Отена, во II и III веках – 37%. В Аугсте их число возросло с 33 до 53 процентов, в Меце – с 18 до 39 и т.д. Даже в таком космополитическом административном центре, как Лион, число лиц с несредиземноморскими именами повысилось с 0% (I в.) до 6% (II в.) и 10% (конец II – начало III в.)» [5, с. 308]. Г. Биркхан со ссылкой на исследования Жан-Жака Ата приводит следующую стратификацию распространения кельтских имен в Галлии: «…в Зоне I кельтскими являются от 40% до 75% личных имен… К этой “партикуляристской кельтской среде” (milieu celtique particulariste) принадлежал

округ Комменж (к юго-западу от Тулузы) и департамент Нижние Вогезы. Зона II включает “городскую кельтскую среду” (milieu gaulois urbain) с такими городами, как Лангр и Отен. Здесь доля кельтских имен составляет только от 25 до 40%... Последняя, IV зона, охватывает крупные космополитические города (Лион, Нарбонна), где кельтский элемент составляет менее 10%» [5, 309]. Л. Вайсгербер провел анализ 1150 имен треверов и установил, что 16,5% их произведены от кельтских корней. У медиоматриков этот процент составляет 32% [5, с. 313].

Вторгавшиеся в V в. германские племена подвергались мощному культурному влиянию галло-римской и вообще средиземноморской христианской культуры. Как и другие федераты Римской империи, такие как вестготы и бургунды, франки быстро заимствовали образ жизни и язык галло-римского населения Галлии, тем более что пришедшие германцы существенно уступали в численности последнему. В течение V–VIII вв. франкский язык был полностью вытеснен и уступил место народной латыни. Франки не истребляли и не изгоняли из Галлии находившееся там население, в основном романизированных кельтов. Многие высшие административные и церковные должности по-прежнему занимали представители галло-римской знати. Некоторые должности даже были пожизненно закреплены за отдельными галло-римскими семьями. Типичным представителем галло-римской знати был Григорий Турский (VI в.).

Вожди германских племен и племенная знать активно заимствовали имена галло-римской знати, а также имена, освященные христианской традицией. В условиях симбиоза кельтского и германского элементов в Галлии и Испании определить однозначно, германским или кельтским является имя, не всегда представляется возможным. Имена с основой на -ric (rix) могли как оставаться, в основном, именами галло-римской среды, так и заимствоваться германцами. Могли переосмысливаться на германской почве или создаваться новые имена с уже заимствованной основой. Как пример однозначно кельтского имени можно привести имя Калетрик. Хольдер показывает его переход от формы Caleto-rix к форме Calet-ricus. Святой Калетрик (Calétric, Caletricus, Chaletricus или Chalactericus), или Колетрик (Colétric), или в просторечии Кальтри (Caltry) и даже Кале (ум. ок. 573), был епископом Шартра. Значительное количество германских имен восходят к кельтским именам: Ago-rix, Aino-rix, Albio-rix, Alleto-rix, And-rix, Bodo-rix, Danno-rix, Gesato-rix, Catu-rix, Cluto-rix, Joinco-rix, (Ad)genno-rix, Magio-rix, Brogo-rix, Bitu-rix, Sego-rix, Sinto-rix, Tanco-rix, Toutanno-rix, Veco-rix [26, с. 205-214; 37, col. 1184].

Хольдер, в конце XIX в. обратившись к письменным источникам, сделал вывод, что имя Рорик/Рурик является кельтским, вместе с тем указав на тождество имен Roricius и Ruricius [37, col. 1248-1249]. Имя Рорик/Рурик встречается с начала IV в. и присутствует среди имен галло-римской и франкской знати на протяжении почти восьми столетий. У Дмитрия Ростовского под 12 октября приводится «Житие святого Мартина Милостивого, епископа Турского» (ум. ок. 400). Св. Мартин был выходцем из Паннонии, но основная его подвижническая деятельность проходила в римской Галлии. В «Житии» приводит-

ся эпизод о том, как он был избран епископом г. Тура: «И вот, когда епископская кафедра в городе Туре сделалась свободною, народ пожелал иметь своим святителем святого Мартина. Но в то же время все знали глубокое смирение Мартина, которое раньше побуждало его настойчиво отказываться от принятия пресвитерского или даже диаконского сана. Тогда решили прибегнуть к хитрости и силе. Один гражданин, по имени Руриций, пришел к святому в его монастырь и, припавши к его ногам, просил прийти и помолиться за его больную жену. Святой пошел; но тут его окружил многочисленный народ и силою привел в город и хором и провозгласил его епископом».

Житие св. Мартина на латыни было написано Сульпицием Севером. Имя жителя Тура Рурика/Руриция передается Сульпицием как Ruricius [11; 48, col. 165]. Известны также два святых епископа Рурика (Руриция) Лиможских. Рурик I Лиможский (ум. 507) происходил из богатой галло-римский семьи, резиденция которой находилась Гурдоне, в области Кагор, в Аквитании. От Рурика Лиможского осталось богатое литературное наследие. Две книги писем и записей Рурика приведены в Monumenta Germaniae Historica [39, p. 299-350]. Он был в переписке со многими известными людьми. В частности, переписывался с Аполлинарием Сидонием (ум. 486), галло-римским писателем, епископом Клермонта. Он упоминается дважды в житии Юниана (Ruricius) [51, p. 377, 379]. Имя Рурика I Лиможского традиционно передают в форме «Руриций» (Ruricius). Но его письмо к епископу Фаусту имеет заголовок: «Фаусту епископу, Рурик» (RURICUS). Св. Рурик II Лиможский (ум. 550) был сыном Омматия, внуком Рурика I Лиможского. Он «был вторым епископом Лиможским. Он присутствовал на нескольких синодах и умер ок. 550 г.». В житии св. Юниана говорится, что он знатный человек, который носит второе имя Прокл: «Муж знатный Рурик, другое имя которого Прокл…» [6, с. 317; 51, p. 378].

В документах, относящихся к эпохе Меровингов, сохранилась так называемая Stemma Aridii – «Генеалогия аббата Аридия (скорее, Клариссимы. – *А.О.*)». В ней упоминается Рурик, сын Адтека. Он приходился братом прабабушки Аридия Пеладии: «Адтек был отцом (родил) Евстафия, Рурика (Ruricius) и Пеладию» [47, p. 612]. В «Римской истории» Аммиана Марцеллина читается рассказ о событиях, произошедших в африканской провинции Триполис в 368–370 гг. В провинции Триполис был правитель по имени Рурик (Руриций, Ruricius), который был оговорен по ложному известию и казнен в городе Ситифисе [3]. В латинском панегирике, произнесенном ритором Назарием в Риме 1 марта 321 г., при описании боевых действий под Вероной, произошедших в 312 г., упоминается носитель имени Рурик: «Руриций, человек чрезвычайно опытный в военном деле и опора тиранов» [14, с. 321-322].

Речь идет о префекте Максенция с неримским именем Руриций/Рурик, который попытался организовать оборону Вероны и погиб в сражении с войсками Константина Великого в августе 312 г. В другом панегирике он упоминается под именем Помпеян, в связи с чем в традиции закрепился под именем Руриций Помпеян. Хотя этни-

ческая принадлежность Рурция/Рурика африканского и Помпеяна не указывается в источниках, но можно с большой вероятностью предполагать, что это были выходцы из галло-римской среды. Галльское население активно переходило на использование римских имен, и второе имя Помпеян (как у Рурика II второе имя Прокл) как раз отражает этот факт. Таким образом, имя Рорик/Рурик встречается уже с начала IV в., а с учетом того, что Рориций Помпеян погиб не ребенком, то родился он до начала IV в. Следовательно, уже в конце III в. имя Рорик/Рурик должно было существовать.

В списках епископов Галлии встречаются и другие Рорики/Рурики. В каталоге епископов находим: 1) епископ Ле-Пюи-ан-Веле Рурик (Ruricius) (ум. до 451); 2) епископ Ле-Пюи-ан-Веле Рорик (Roricus или Roricius) (между 778 и 840); 3) епископ Бурже Рорик (Roricus) (512–518); 4) епископ Юзеса Рорик (Roricius) (ум. 537/8); 5) епископ Амьена Рорик (Rorico) (1080–1085). Хольдер приводит еще имя пресвитера Рорика/Рурика, которое встречается в документах, относящихся к соборам в Автиссиодуре (современный Осер) в период 573–603 гг. Л.П. Грот указывает на Рорика (Rorico) в документах аббатства св. Петра в Зальцбурге под 822 г., на Rorigius – аббатства Клюни в Верхней Бургундии (946 г.); на Рорика/Рурика – аббатства св. Максенция в Пуатье (939 г.) и монастыря св. Киприани в Пуатье (954–986 гг.). Есть имя Рорик и в Triumphus S. Remacli. Под 1065 г. встречается прокуратор Рорик (procuratorem Roricum) [6, с. 319; 37, col. 1249; 42, p. 487, 522, 603, 645; 50, p. 441].

Что касается имени Родерик, то наиболее раннее свидетельство о нем мы находим у Прокопия Кесарийского (VI в.). Описывая действия армии Тотилы в Италии, историк упоминает готского военачальника Родерика: «Немного времени спустя Тотила отправил войско против Юстина и Флоренции; во главе его он поставил самых воинственных готов – Бледу, Родерика (Ρουδερίχος) и Улиариса» [20, с. 273]. Позже это имя носил вестготский король Родерик, происхождение которого не вполне понятно, так как он был выборным королем (погиб в битве с маврами в 711 г., после чего прекратилось существование вестготского королевства в Испании). В имени Родерик наблюдается чередование гласных -o и -u, как и в имени Рорик/Рурик. В Chronicon Moissiacense имя вестготского короля приводится в форме Рудерик: «Сарацины тогда вторглись в Испанию. Готы поставили над собой королем Рудерика. Король Рудерик с большим войском готов вышел навстречу сарацинам для сражения; но когда завязалось сражение, готы были побеждены сарацинами» [31, p. 290].

Имя Родерик/Рудерик встречается не только у готов, которые долгое время жили на территориях кельтов, но и у островных кельтов. Так, среди валлийских правителей были: Родри ап Идвал (Родри Лысый или Родри Седой; валл. Rhodri ap Idwal) – король Гвинеда (720–750/754), сын Идвала ап Кадваладра, и Ро́дри ап Ме́рвин, называемый также Родри Великий (валл. Rhodri ap Merfyn, Rhodri Mawr; ок. 820–878) – валлийский правитель из династии Гвинеда, властвовавший на большей части территории Уэльса, современник нашего Рюрика (в ирландских «Анналах Ульстера» назван «королем бриттов»): «Родерик (Rothericus) Великий, которого на британском языке называют Ротери Маур,

правил всем Уэльсом, имел трех сыновей, Мервина, Анараута и Каделха» [32, p. 166]. Придворный поэт и ученый Седулий, который в составе ирландского посольства прибыл ко двору Карла Лысого (843–875) и остался там, передает его имя как Рорик (Roricus) [46, p. 210].

Как видим, все три имени – Рорик, Родри и Родерик – оказываются тождественными. Для носителей имени Рорик/Рурик в Галлии не фиксируется отождествление их имени с именем Родерик/Рудерик. Даже у оставившего после себя богатое письменное наследство Рурика I Лиможского в документах не видно, чтобы он сам или его кто-то называл Родериком/Рудериком. Это объясняется тем, что в условиях вытеснения и перехода с кельтских языков на народную латынь значение имен перестало быть понятным для кельтского населения континентальной Европы. Для людей, говоривших на народной латыни, это уже разные имена. Имена Родерик/Рудерик и Рорик/Рурик в Галлии должны были рассматриваться как тождественные приблизительно до конца II – начала III в., когда были еще распространены кельтские языки.

Нет никакой возможности сводить имя Рорик/Рурик к германскому имени Hrodric. Во-первых, самые ранние письменные источники не фиксируют это имя с придыханием. Самый ранний из них, где встречается имя в такой форме, находится в собрании документов Ферстерманна, где в дарственной грамоте 675 г. среди имен свидетелей стоит имя Хродерик (Chrodericus) [33, p. 165]. Еще один источник – Беовульф, рукопись которого датируется X в., само же сложение памятника не старше начала VIII в. В нем упоминаются два брата Хредрик и Хродмунд [4, ст. 1189]. Имя опять же встречается в зоне германо-кельтских контактов в Британии. Во-вторых, первая основа имени Родерик/Рудерик имеет ясную этимологию в кельтских языках и не требует специальных допущений о сокращении еще от одного имени.

Этимология первой именной основы связана с обозначением красного цвета, причем не только в кельтских, но и в большинстве индоевропейских языков. Приведу выдержку из статьи А.В. Дыбо и Ю.В. Норманской «Основные цветообозначения в кельтских языках»: «1.3. Красный: 1.3.1. Пкельт. **Roudo-* ‘красный’; Гойдельские языки: др.-ирл. *ru´ad* ‘красный’; ср.-ирл. *ruadh* ‘красный’; ирл. *ruadh* ‘красный’; шотл. *ruadh* ‘красный’; Бриттские: вал. *rhudd* ‘красный’; корн. *rud* ‘красный’; брет. *ruz* ‘красный’; || ИЕ **roudh-o´s* ‘красный’, от корня **roudh-/ *rudh-*,… Параллели в других ИЕ языках: Германские языки: восточные: гот. *rauþs* 'красный'; северные: др.-норв. *Rauðr* 'красный', швед. *röd* 'красный', дат. *röd* 'красный', норв. *rod* 'красный', исл. *rauþur* 'красный'; западные: др.-англ. *read* 'красный', др.-фриз. *rad* 'красный', др.-н.-нем. *rōd* 'красный', др.-в.-нем. *rōt* 'красный', ср.-англ. *red* 'красный', ср.-в.-нем. *rot* 'красный', англ. *red* 'красный', фриз. *rea* 'красный', нем. *rot* 'красный'. Балтийские языки: лит. *raudas* 'красный' (4 а.п.). Славянские языки: ст.-сл. *rudъ* 'красный'. Латынь: *rufus*; умбр. *rofu* 'красный, рыжий' (**roudh-*) [10].

Т.А. Михайлова в статье, посвященной понятию «красного» в ирландском языке, также указывает на распространение этой основы в других индоевро-

пейских языках: «Одной из наиболее частотных основ, обозначающих красные тона, является основа *ruad(h)* (совр. *rua*), восходящая к и-е. **rued-/ *roudr*, которая имеет рефлексы во многих современных и древних языках (ср. др-инд. *rudhiras* 'красный', лат. *rufus* 'тж.\ готск. *raubs* 'тж.', литовск. *raudas* 'тж.', англ. *red*, нем. *rot* и т.д., а также русск. *рыжий, русый, руда* и пр.)». При этом исследователь констатирует и выпадение согласной *-d(h)* в определенных ситуациях в ирландском языке: «Так, в трактате “Книга прав” (X в.) дважды встречается и прилагательное *ruu: corcair / ruu / sndth dearg* …. “пурпурная и алая и красная пряжа”…».

Указывает Михайлова и на сферу применения, и оттенки красного, которые обозначает это прилагательное: «В фольклорных текстах прилагательное ruadh (rua) встречается достаточно широко, но сфера его употребления оказывается довольно узкой: оно маркирует цвет волос инфернального существа: *Ce leis a rabh se ag caint ach le cailin rua* … “С кем он говорил, как не с рыжей девушкой” или *an tseanbhean rua* … “маленькая рыжая старушка”… С другой стороны, прилагательное *ruad* может относиться и к цвету крови. В “Похищении быка из Куальнге” в знаменитой сцене предсказания исхода военного похода пророчица Федельм в ответ на вопрос королевы Медб, “каким ты видишь мое войско?”, отвечает: *Atchiu forderg forro, atchiu ruad* … “Я вижу ярко-красное на нем, я вижу”, имея в виду в обоих случаях цвет крови… мы не можем сейчас сказать с уверенностью, какой именно оттенок красного тона обозначался и-е. reudh-. С одной стороны, его рефлексы в индоевропейских языках могут обозначать светло-красные тона с оранжевым оттенком (ср. русск. рыжий, русый, редрый (о скоте), др-исл. Raucta 'яичный желток' и др.); с другой стороны, эта же основа встречается и в обозначениях крови (др-исл. *rauđa* 'кровь убитого животного', русск. диал. *Руда* 'кровь' и пр.) и, наконец, она же встречается в названиях металлов, в первую очередь – меди (ср. лат. *raudus* 'кусок меди', русск. *руда* и пр.). В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе именно это значение считают исходным».

Соответственно, и в Ирландии мы без труда найдем соответствующее кельтское имя (др.-ирл. Ruaidrí): Руайдри мак Фаэлайн – король Лейнстера (776–785); Руайдри уа Кананнайн – правитель Кенел Конайлл (до 950); Руайдри на Сайде Буйде – король Коннахта (1087–1092); Руайдри Уа Конхобайр – последний верховный король Ирландии (1168–1198); Руайдри О’Конхобайр – лорд Коннахта (1309–1310); Руайдри мак Тайрделбах О’Конхобайр – лорд Коннахта (1368–1384); Руайдри О’Флайтбеартайг – ирландский историк (1629–1716/1718). Таким образом, в кельтском именослове имя Рорик/Рурик имеет понятную этимологию: «красный (или рыжий) властитель/правитель/король», а с учетом того, что это цветовое обозначение особо часто использовалось для цвета волос, то и «рыжеволосый король» (на данную этимологию указывает и Л.П. Грот). Кроме того, Михайлова приводит и другое переносное значение этого прилагательного: «В древнеирландских поэмах прилагательное *ruad* имеет не только собственно цветовое значение. В поэтическом языке оно может иметь значение “могучий”… которое отчасти сохраняется и в более поздние периоды».

“Цветовая” этимология имени Рорик/Рурик вполне возможна у кельтов и подтверждается использованием других названий цветов в кельтских именах. Готское Alve-rigus, др.-анг. AElf-ric, д.-в.-н. Alba-rich соответствует галл. Albio-rix – “белый король” или “король мира”» [6, с. 347; 16, с. 124-125; 26, с. 206].

Что же касается скандинавов, то первым зафиксированным исторически носителем имени Рорик/Рурик был Рорик Ютландский (середина IX в.). Интересно, что он известен только под этим именем, которое сообщают западноевропейские хронисты (из них никто его не называет Хререком). Но Рорик Ютландский был, скорее всего, крещен, и в крещении получил это имя. Есть данные, что он вместе со своим братом Гериольдом был крещен в Ингельгейме в 826 г. при Людовике Благочестивом, как указывал В.А. Мошин. Да и вряд ли он мог получить в лен Дорестат, будучи язычником (Гинкмар Реймский требовал наложить на него епитимью). Какое носил он скандинавское имя, неизвестно. Откуда же тогда берется отождествление имен Рорик/Рурик и Хререка? Отождествление это связано с легендарным, во многом вымышленным персонажем датской истории Хререком Метателем колец, дедом такого же легендарного принца Гамлета.

«Раскрутку» легендарного конунга начал Саксон Грамматик (ум. после 1208) в своем знаменитом героико-патриотическом конструировании древней датской истории «Gesta Danorum». Он как христианин, хорошо знакомый с именословом католических святых и франкскими хрониками, использует латинскую форму имени Roricus. До этого уже скандинавское имя Хререк (Hraerekr) как искажение имени Хредрик (Hreðric) проникло в датские и норвежские источники из древнеанглийского эпоса «Беовульф». Так, в «Саге о Скьольдунгах» (записанной между 1180–1200 гг.), которая сегодня утрачена, но довольно подробно восстанавливается на основании поздних выписок, два брата из «Беовульфа» Хререк (Хредрик) и Хродмунд представлены как датские короли из династии Скьольдунгов. Представлен в «Саге о Скьольдунгах» и отец этих братьев Хродгар, только отделенный от них двумя другими правителями, Хрольвом Краки и Хьервардом, взятыми из других источников.

Саксон Грамматик также отделяет своего Хререка Метателя колец от Хроара (Хродгара) несколькими поколениями и делает его сыном Хотера (Hotherus), но при этом, как и в «Беовульфе», Хроар (Хродгар) является сыном Хальфдана. «Беовульф» же натолкнул скандинавских сказителей и на прозвище Хререка «Метатель колец». В «Беовульфе» сам Скильд назван «кольцедробителем». Хродгар в своем дворце Хеорот дарит всем пирующим золотые кольца. Саксон Грамматик превратил своего Хререка Метателя колец в прославленного конунга, который покорил вендов, куршей, Швецию. Но интересно, что живший чуть позже Саксона Снорри Стурлусон ничего не знает о таком «великом» правителе датчан. Никакой исторической достоверности в рассказе Саксона Грамматика нет, как не было никогда и царя Траннона, придуманного Саксоном, и захвата города Палтиски (по убеждениям норманистов – Полоцка) конунгом Фродо. Большин-

ство специалистов сходятся в том, что сведения, изложенные Саксоном в первых 9 книгах, носят легендарный характер и во многом являются литературным вымыслом. Датский историк Д. Тамм называет «Gesta Danorum» «миром увлекательных рассказов», взятых из гуннской истории или из истории Англии [4; 6, с. 362; 17, с. 29].

Другие источники представляют биографию Метателя колец совершенно иначе. Во «Фрагменте саги о некоторых древних датских и шведских конунгах» он – мелкий конунг-домосед, сидящий в своем мизерном уделе и не любящий никуда выезжать. Он значительно уступает в славе своему брату Хельги. Его легко обводит вокруг пальца такой легендарный персонаж, как Ивар Широкие Объятья, заставляя убить Хельги, а затем заманивая и убивая его самого. Дочь Ивара Ауд Богатая первый раз выходит замуж за Хрерика Метателя Колец, во второй – за конунга Гардарики (Руси) Радбарта. Историческая ценность этой версии биографии Хререка Метателя колец такая же, как и ценность рассказов про Радбарта для русской истории. Попытки Т.Н. Джаксон определить время жизни Ивара периодом 650 по 700 гг. и, соответственно, сделать Хререка Метателя колец историческим персонажем датской истории VII в., не имеют под собой никаких оснований. С таким же успехом можно отнести Хререка Метателя колец к дохристианскому периоду, как это делают датские «Риенские анналы». Там Хререк является 23-м правителем данов, Амблет (Гамлет) – 26-м, а Фроти Фритгот – современник Христа – только 35-м: «Фроти по прозвищу Фритгот. В его время родился Иисус Христос» [9, с. 90-91; 41, p. 394].

В других исландских источниках Хререк Метатель колец используется преимущественно для придания веса родословиям. Так, он встречается в «Книге о занятии земли» (XI в.), написанной скальдом Ари Торгильссоном (1068–1148) и «Саге о Ньяле» (конец XIII в.), где к нему возводится генеалогия Вальгарда Годи (Серого), причем генеалогия за два столетия удлинилась на несколько имен. Как известно, Исландия начала заселяться активно при Харальде Прекрасноволосом, в основном, не очень знатными бондами из Норвегии. Ряд ученых отмечает чрезмерную родовитость исландских генеалогий. На примере генеалогии Вальгарда видно, как была создана «солидность» родословной. Какой-то безвестный Торальв Носатый с Залива оказался сыном Хререка Метателя колец. При этом у Ари Торгильссона Хререк оказывается еще и сыном Харальда Боезуба в то время, как у автора «Саги о Ньяле» все наоборот. Также встречается Хререк и в Langfeðgatal (XIII в.). Но это также только перечень имен [28].

Лишь к началу X в. наблюдается проникновение имени Хредрик (Hreðric) > Хререк (Hraerekr) в норвежский и, соответственно, исландский именослов, да и то без особого успеха и без всякой связи с именем Roric/Ruric. Ко временам Харальда Прекрасноволосого (ум. ок. 940) относится упоминание нескольких Хререков. Снорри Стурлусон называет Хререка сыном Харальда Прекрасноволосого, но больше о нем ничего не известно. В «Книге о занятии земли» упоминается некий Кетиль Лосось, который сжег во время борьбы Харальда Прекрасноволосого за объединение Норвегии дом Харека и Хререка. В более позднее время встре-

чается норвежский ярл Хререк, сын Дага, ослепленный Олавом Святым. Но ни имя Хререк, ни европейский вариант Рорик/Рурик не прижились особо у скандинавов. Еще С.А. Гедеонов, с ссылкой на нормaниста А.А. Куника, отмечал, что «“в древне-шведских памятниках, говорит г. Куник… Рерики… встречаются, кажется, не часто; я знаю только одного Стефана Ериксона и одного Анунда Ериксона, двух редакторов сюдерманландского уложения”. Для шведского конунга имя Hraerekr также странно и необычно, как для русского князя имена Казимира или Прибислава». Тот же факт констатирует Л.П. Грот. Имя Рорик не имело распространение в датском обществе до XIII в. Э. Линд подчеркивал, что имя Рерик относится к редким именам в норвежско-исландском именослове. В Швеции встречается имя Рорик/Рурик на четырех рунических надписях. Все они не старше XI в. и явно связаны с распространением христианства в Скандинавии, причем в написании имени тяготеют к латыни [6, с. 363-368; 7, с. 192; 22, с. 184, 212-214, 220-227; 23, с. 52].

Таким образом, мы видим, что имя Рорик/Рурик впервые зафиксировано у галло-римской знати на рубеже III–IV вв. Одна из его форм (скорее всего, исходная) Родерик/Рудерик встречается впервые у готов в VI в. в зоне контактов с кельтами и затем фиксируется на протяжении многих столетий как среди германского, так и кельтского населения. У кельтского островного населения констатируется отождествление имен Родри, Родерик и Рорик. Встречается это имя и в Ирландии. В Галлии с переходом с кельтских языков на народную латынь имена Родерик и Рорик становятся разными именами. Этимология этого двухосновного имени в кельтских языках означала «красный/рыжий король», возможно, в переносном значении – «могучий король». В германизированной форме Hrodric/Chrodric оно наблюдается в документах, начиная с 675 г., а в начале VIII в. в форме Хредрик (Hreðric) попадает в «Беовульф». Первым носителем галло-римского имени Рорик среди скандинавов был датский конунг середины IX в. Рорик Ютландский. Имя Хререк (Hraerekr), по всей видимости, есть искаженное заимствование имени Хредрик (Hreðric) под влиянием контактов норманнов с Британией и Ирландией. На рубеже XII–XIII вв. Саксон Грамматик провел отождествление имени Хререк с галло-римским именем Рорик/Рурик, но это отождествление не было общераспространенным. Само это имя так и осталось довольно редким и нехарактерным для скандинавов.

Список литературы

1. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор-составитель И.А. Настенко. – М.: СПСЛ, Русская панорама, 2011. – 584 с.

2. Адмони В.Г. Песнь о Нибелунгах – ее истоки и ее художественная структура // Песнь о Нибелунгах. – Л.: Наука, 1972. – С. 305-336.

3. Аммиан Марцеллин. Римская история. – СПб,: Алетейя, 2000. – 563 с.

4. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – 770 с.

5. Биркхан Г. Кельты. История и культура. – М.: Аграф, 2007. – 509 с.

6. Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь: Сборник статей и монографий / Сост. и ред. В.В. Фомин. Вып. 5. – М.: Русская панорама, 2015. Вып. 5. – 504 с.
7. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1876. – 420 с.
8. Гюйонварх К.-Ж. Леру Ф. Кельтская цивилизация. – СПб.: Культурная инициатива, 2001. – 271 с.
9. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – 779 с.
10. Дыбо А.В., Норманская Ю.В. Основные цветообозначения в кельтских языках [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iling-ran.ru/Normanskaya/normanskaya/04.pdf (дата обращения: 27.05.2017).
11. Житие святого Мартина Милостивого, епископа Турского [Электронный ресурс]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dimitr_rostov/oktjabr/txt51.html (дата обращения: 27.05.2017).
12. Карамзин Н.М. История государства российского. – СПб.: Типография Н. Греча, 1818. – Т. 1.
13. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. – М.: АСТ, Харвест, 2002. – Т. 1. – 592 с.
14. Латинские панегирики. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 672 с.
15. Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 476 с.
16. Михайлова Т.А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 118-129.
17. Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии: Сборник статей и монографий / Сост. и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2010. – Вып. 2. 624 с.
18. О происхождении германцев и местоположении германцев // Тацит. Сочинения: в 2 т.– СПб.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 337-355.
19. Полное собрание русских летописей. – Л.: Академия наук СССР, 1926. – Т. 1. – 379 с.
20. Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 519 с.
21. Рихер Реймский. История. – М.: РОССПЭН, 1997. – 338 с.
22. Сага об Олаве Святом // Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.: Наука, 1980. – С. 167-377.
23. Сага о Харальде Прекрасноволосом // Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.: Наука, 1980. – С. 42-66.
24. Старшая Эдда. – СПб.: Наука, 2006. – 264 с.
25. Стеблин-Каменский М.И. «Старшая Эдда» // Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. – 264 с.
26. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 253 с.
27. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. – М.: Иностранная литература, 1960. – 447 с.
28. Alfraedi Islenzk. Islandsk Encyklopaedisk litteratur. III. Landalysingar M. FL. K., 1917–1918.
29. Annales Bertiniani // MGH SS. 1.
30. Annales Vedastini // MGH SS. 1.
31. Chronicon Moissiacense // MGH SS.
32. Desscriptio Kambriae // Giraldi Cambrensis. Itinerarium Kambriae, et Descriptio Kambriae. L., 1868.
33. Diplomata. Chartae, epistolae, leges. T. 2 (628–751). 1849.
34. Flodoardi annales // MGH SS. 3.
35. Genealogiae Comitum Flandriae. I. Witgeri Genealogia Arnulfi comitis // MGH SS. 9.
36. Hincmari Remensis Annales // MGH SS. 1.
37. Holder A. Altkeltischer Sprachschatz. T. 2 (I-T). L., 1904.
38. Hugonis Chronicon. Lib. I // MGH SS. 8.
39. MGH. Auctores antiquissimi. 8.
40. MGH SS. 2.
41. MGH SS. 16.
42. Pius bonifactus gams, Series Episcoporum Ecclesiae Catholicae. G., 1957.

43. Saxonis Grammatici. Historia Danica. XIII. H., 1839.
44. Schmidt K.H. The Celts and the Ethnogenesis of the Germanic People. Historische Sprachforschung // Historical Linguistics 104. Bd., 1. H. 1991,
45. Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizitat von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. S., 1980.
46. Sedulius Scotus. Item de quodam altari (47) // MGH PLAC. 3.
47. StemmaAridii // MGH. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquiorum aliquot (I).
48. Sulpicii Severi, De vita Beati Martini, Liber Unus // MLT 20.
49. Thomas Friedrich. Avitae Russorum atque meclenburgensium principum propinquitatis seu consangvinitatis monstrata ac demonstrata vestigia. 1717.
50. Triumphus S. Remacli de Malmundariensi coenobio // MGH SS. 11.
51. Vita Iuniani confessoris Commodoliacensis // MGH. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquiorum aliquot (I).

List of references

1. Adam Bremenskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskij. Slavyanskie hroniki / Pere-vod s lat. I.V. D'yakonova, L.V. Razumovskoj, redaktor-sostavitel' I.A. Nastenko. – M.: SPSL, Russkaya panorama, 2011. – 584 s.
2. Admoni V.G. Pesn' o Nibelungah – ee istoki i ee hudozhestvennaya struktura // Pesn' o Nibelungah. – L.: Nauka, 1972. – S. 305-336.
3. Ammian Marcellin. Rimskaya istoriya. – SPb,: Aletejya, 2000. – 563 s.
4. Beovul'f // Beovul'f. Starshaya EHdda. Pesn' o Nibelungah. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 770 s.
5. Birkhan G. Kel'ty. Istoriya i kul'tura. – M.: Agraf, 2007. – 509 s.
6. Grot L.P. Imena letopisnyh knyazej i korni drevnerusskogo instituta knyazheskoj vlasti // Varyagi i Rus': Sbornik statej i monografij / Sost. i red. V.V. Fomin. Vyp. 5. – M.: Russkaya panorama, 2015. Vyp. 5. – 504 s.
7. Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. – SPb.: Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk, 1876. – 420 s.
8. Gyujonvarh K.-ZH. Leru F. Kel'tskaya civilizaciya. – SPb.: Kul'turnaya iniciativa, 2001. – 271 s.
9. Dzhakson T.N. Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope. – M.: Russkij fond sodej-stviya obrazovaniyu i nauke, 2012. – 779 s.
10. Dybo A.V., Normanskaya YU.V. Osnovnye cvetooboznacheniya v kel'tskih yazykah [EHlektron-nyj resurs]. – URL: http://www.iling-ran.ru/Normanskaya/normanskaya/04.pdf (data obrashcheniya: 27.05.2017).
11. ZHitie svyatogo Martina Milostivogo, episkopa Turskogo [EHlektronnyj resurs].
URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dimitr_rostov/oktjabr/txt51.html (data obrashcheniya: 27.05.2017).
12. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva rossijskogo. – SPb.: Tipografiya N. Grecha, 1818. – T. 1.
13. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. – M.: AST, Harvest, 2002. – T. 1. – 592 s.
14. Latinskie panegiriki. – M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2011. – 672 s.
15. Mel'nikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya. Izbrannye trudy. – M.: Russkij fond so-dejstviya obrazovaniyu i nauke, 2011. – 476 s.
16. Mihajlova T.A. «Krasnyj» v irlandskom yazyke: ponyatie i sposoby ego vyrazheniya // Vo-prosy yazykoznaniya. – 1994. – № 6. – S. 118-129.
17. Moshin V.A. Varyago-russkij vopros // Varyago-russkij vopros v istoriografii: Sbornik statej i monografij / Sost. i red. V.V. Fomin. – M.: Russkaya panorama, 2010. – Vyp. 2. 624 s.
18. O proiskhozhdenii germancev i mestopolozhenii germancev // Tacit. Sochineniya: v 2 t.– SPb.: Nauka, 1993. – T. 1. – S. 337-355.
19. Polnoe sobranie russkih letopisej. – L.: Akademiya nauk SSSR, 1926. – T. 1. – 379 s.
20. Prokopij iz Kesarii. Vojna s gotami. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. – 519 s.
21. Riher Rejmskij. Istoriya. – M.: ROSSPEHN, 1997. – 338 s.
22. Saga ob Olave Svyatom // Snorri Sturluson. Krug Zemnoj. – M.: Nauka, 1980. – S. 167-377.

23. Saga o Haral'de Prekrasnovolosom // Snorri Sturluson. Krug Zemnoj. – M.: Nauka, 1980. – S. 42-66.
24. Starshaya EHdda. – SPb.: Nauka, 2006. – 264 s.
25. Steblin-Kamenskij M.I. «Starshaya EHdda» // Starshaya EHdda. SPb.: Nauka, 2005. – 264 s.
26. Toporova T.V. Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskie dvuchlennye imena sobstven-nye. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1996. – 253 s.
27. Hojsler A. Germanskij geroicheskij ehpos i skazanie o Nibelungah. – M.: Inostrannaya literatura, 1960. – 447 s.
28. Alfraedi Islenzk. Islandsk Encyklopaedisk litteratur. III. Landalysingar M. FL. K., 1917–1918.
29. Annales Bertiniani // MGH SS. 1.
30. Annales Vedastini // MGH SS. 1.
31. Chronicon Moissiacense // MGH SS.
32. Desscriptio Kambriae // Giraldi Cambrensis. Itinerarium Kambriae, et Descriptio Kambriae. L., 1868.
33. Diplomata. Chartae, epistolae, leges. T. 2 (628–751). 1849.
34. Flodoardi annales // MGH SS. 3.
35. Genealogiae Comitum Flandriae. I. Witgeri Genealogia Arnulfi comitis // MGH SS. 9.
36. Hincmari Remensis Annales // MGH SS. 1.
37. Holder A. Altkeltischer Sprachschatz. T. 2 (I-T). L., 1904.
38. Hugonis Chronicon. Lib. I // MGH SS. 8.
39. MGH. Auctores antiquissimi. 8.
40. MGH SS. 2.
41. MGH SS. 16.
42. Pius bonifactus gams, Series Episcoporum Ecclesiae Catholicae. G., 1957.
43. Saxonis Grammatici. Historia Danica. XIII. H., 1839.
44. Schmidt K.H. The Celts and the Ethnogenesis of the Germanic People. Historische Sprachforschung // Historical Linguistics 104. Bd., 1. H. 1991.
45. Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizitat von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. S., 1980.
46. Sedulius Scotus. Item de quodam altari (47) // MGH PLAC. 3.
47. StemmaAridii // MGH. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquiorum aliquot (I).
48. Sulpicii Severi, De vita Beati Martini, Liber Unus // MLT 20.
49. Thomas Friedrich. Avitae Russorum atque meclenburgensium principum propinquitatis seu consangvinitatis monstrata ac demonstrata vestigia. 1717.
50. Triumphus S. Remacli de Malmundariensi coenobio // MGH SS. 11.
51. Vita Iuniani confessoris Commodoliacensis // MGH. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquiorum aliquot (I).

Список сокращений

MGH SS – Monumenta Germaniae Historica (Scriptores).

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И «БУНШТАТНЫЙ» ВЕК

УДК 908

ЕЛЕЦКИЕ СЛУЖИЛЫЕ КАЗАКИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. НА «ГОСУДАРЕВОЙ» СЛУЖБЕ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЛЬЦА И УЕЗДА)

А.Ю. Рощупкин
Аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

В статье рассматриваются ключевые аспекты жизни служилых казаков Ельца и уезда конца XVI – первой половины XVII в., связанные с их военной службой в рамках политики по включению южных окраин в состав Московского государства и их охране. Описываются основные «государевы» службы, выполняемые елецкими казаками в обозначенный период с учетом особенностей региона.

Ключевые слова: южные рубежи, служилый казак, пограничная крепость, «государева» служба.

YELETS SLUZHILY COSSACKS AT THE END OF XVI – FIRST HALF XVII CENTURIES ON «GOSUDAREVY» SERVICE. (ON MATERIALS OF THE YELETS AND COUNTY)

A.Y. Roschupkin
Graduate student, Bunin Yelets State University

The article examines the key aspects of life of the Yelets serving Cossacks at the end of the XVI district - the first half of the XVII century, related to their military service in the framework of the integration of the policy of the southern suburbs of the Moscow State and their protection. It describes basic «gosudarevy» services to which Eletskii Cossacks were enlisted in the period mentioned, taking into account the characteristics of the region.

Key words: southern borders, sluzhily Cossacks**,** frontier fortress, «gosudarevy» service.

Продвижение Московского государства в южном направлении степного и лесостепного пространства «Поля» в конце XVI–XVII вв. сопровождалось возведением новых крепостей, становившихся впоследствии городами, вокруг которых формировались уезды. Строительство оборонительных сооружений и исследование окрестностей осуществлялось первыми поселенцами – служилыми людьми. Служилое население пограничных городов состояло из детей боярских, полковых казаков, стрельцов, пушкарей, затинщиков и воротников, священнослужителей. В некоторых городах существовали обособленные слободы перешедших на московскую службу донских казаков [11, с. 12]. Из всех служилых групп наиболее сложную по составу и организации представляли служилые казаки. Основой, составляющей жизнь служилого казака

на южных рубежах, было несение «государевой» службы, протекавшее на фоне агрессивной политики соседних государств, Крымского ханства и Речи Посполитой. В этом отношении показательным является рассмотрение некоторых эпизодов из истории строительства и развития Ельца и уезда конца XVI – первой половины XVII в., которые позволяют воссоздать перечень «государевых» служб елецких служилых казаков.

В 1592 г. начались работы по возведению елецкой крепости, продолжавшиеся в течение нескольких лет. Основой для формирования сотен елецких казаков стали пришедшие крестьяне из соседних уездов: Алексинского, Болховского, Епифанского, Каширского, Крапивенского, Новосильского, Орловского, Пронского и Соловского [4, с. 5, 6]. На «новоприборных» казаков и стрельцов на новом месте в связи с бегством «посошных» людей легли обязанности по возведению острога и укреплений [4, с. 34, 62, 96]. Строительным работам сопутствовали постоянные перебои с хлебным и денежным жалованием, периодические проходы татарской конницы, бегство служилых людей в соседние города, а также многочисленные тяжбы с детьми боярскими [4, с. 32, 37, 51-53, 75, 76, 79, 80, 99, 100, 105, 127, 183, 184, 107-111, 153]. Несмотря на возникшие проблемы, вокруг города формировалась сторожевая и станичная службы, к которым помимо детей боярских привлекались елецкие казаки.

Выставленные в «Поле» сторожа были необходимым звеном не только в организации безопасности жителей крепости, но и в создании единой системы предупреждения центральных районов. 29 июля 1592 года в Москву была прислана роспись елецким сторожам от елецкого воеводы князя А. Звенигородского и головы И. Мясного. В ней сообщалось о назначении 9 сторож, размещенных вниз и вверх по Быстрой Сосне, и за Сосною в степь верст на сорок от города [1, с. 62, 63]. Они расставлялись по возможным маршрутам передвижения татарских отрядов. К сторожевым разъездам привлекались, как правило, дети боярские и служилые казаки, которые ездили с 1 апреля вплоть до поздней осени, пока не выпадал снег. При необходимости сторожа по указанию воеводы могли посылаться и в зимний период [1, с. 2-5]. В случае обнаружения признаков татарской опасности сторожа скакали с этим известием от своего поста до следующего наблюдательного пункта или ближайшего города к воеводе, откуда информацию передавали в Тулу.

Параллельно формировалась станичная служба. Служилые казаки вместе с детьми боярскими выезжали из Ельца и, проехав определенный участок, возвращались в город. Всего в Ельце были назначены 10 конных станичных отрядов, в которые входили по 8 детей боярских с головами и по 2 елецких казака, которые знали территорию «Поля». Елецкие станичные отряды патрулировали свой участок совместно с епифанскими и рязанскими служилыми людьми, которым для удобства службы было разрешено строить себе в Ельце дворы или селиться в домах местных служилых казаков. Для пресечения возможных конфликтов между ельчанами и приезжими станичниками последним было указано «не чинить тесноты и стоять у казаков смирно» [4, с. 186].

Елецкие служилые казаки вместе с детьми боярскими привлекались госу-

дарством как к участию в обороне южных рубежей от прохода крымских татар, так и против появившегося вначале XVII в. самозванца Лжедмитрия I. В начале 1595 г. в Ливны против хана Казы-Гирея в помощь ливенским станичникам были посланы выборные дворяне и дети боярске из соседних городов. Для охвата большего пространства были задействованы силы елецких детей боярских и служилых казаков, которых возглавил голова Юрий Кобяков [15, с. 88]. В конце 1604 г. в войско, посланное против Лжедмитрия I, были направлены из Ельца в большой полк с головой Семеном Ивашкиным и двумя сотниками 200 елецких конных казаков с пищалями, а также 100 стрельцов во главе с сотником. В полк правой руки выслали под началом Аксена Ходырева и двух сотников 200 елецких конных казаков с пищалями [21, с. 383, 384, 395]. Впоследствии, приняв сторону Лжедмитрия I, ельчане на несколько лет стали в оппозицию по отношению к официальной власти в Москве. Однако после перемещения самозванческой авантюры с южных рубежей в центр, Елец стал отходить от идеи поддержки новых Лжедмитриев.

После выборов в 1613 г. М.Ф. Романова елецкие служилые люди присягнули на верность юному царю. Свою лояльность к выборной власти елецкие служилые люди подтвердили в сражении под Русским Рогом вблизи Воронежа, где в противостоянии между войском И.Н. Одоевского и И.М. Заруцкого ельчане выступали на стороне правительственных войск [23, с. 73]. Впоследствии елецкие служилые казаки и дети боярские, наряду с представителями других городов, активно привлекались правительством для борьбы против остатков литовских отрядов [3, с. 35, 36]. В середине июня 1615 г. в район Брянска под командование Пожарского прибыли 200 елецких детей боярских, а также с головой Азеем Сапутиным 300 конных казаков с «вогненным боем» [9, с. 47, 48]. В 1617 г. в районе Болхова 350 детей боярских и 250 конных казаков вошли в войско, возглавляемое воеводами В. Трубниным и Д. Скуратовым [9, с. 248]. В октябре 1617 г. 200 елецких казаков вместе с Д.И. Пожарским участвовали в сражениях под Калугой, а в начале 1618 г. в Мценск из Ельца были призваны 300 детей боярских и 100 казаков [9, с. 419, 421, 471, 472].

В это же время начинается активное восстановление сторожевой службы. Елецкая крепость вместе с Ливнами, Новосилью и Орлом вошла в число городов ответственных за оповещение и предупреждение о передвижениях татарских и черкасских отрядов [9, с. 42-44]. Для сторожевой служба выбирали ельчан из «лутчих» и «добрых» по 4 человека: 2 сына боярских и 2 казака, которые несли конный патруль «о дву конь» [9, с. 1072, 1073]. В большинстве случаев служилым людям елецкой крепости приходилось самим вступать в борьбу с небольшими татарскими отрядами. В 1626 г. состоялась столкновение между ельчанами и татарами в Брусловском стане под Рысиным лесом [19. Л. 11-13]. В 1627 г. елецкие беломестные казаки перекрыли от прохода татар Дрысин брод на реке Красивой Мече [12, с. 156]. С 1628 по 1630 гг. ельчане готовились к очередным вторжениям, но татарские отряды появлялись в Ливенском, Новосильском и Путивльском уездах, а также под Валуйками, Сапожком и Вороне-

жем, обходя стороной Елецкий уезд [12, с. 158].

Несмотря на периодические нападения в пограничных районах татарских отрядов, русское правительство предпринимало меры по поддержанию дружеских отношений с Крымским ханством. Для этого между крымскими и русским послами велись постоянные переговоры, которые подкреплялись проверенной временем системой откупов, так называемых «поминок». Так, в 1617 г. для посольской службы из Ельца были задействованы 200 детей боярских [8, с. 404]. В 1618 г. 310 елецких казаков, которые остались «за Колужскою службою», были посланы в Воронеж для встречи «турских посланников» [8, с. 484]. Зимой 1627 г. в Валуйках должна была состояться «посольская размена». В ней предстояло участвовать служилым людям из заоцких и «польских» городов, городов Рязанского и Тульского уездов. По поручению правительства в Елец прибыл окольничий Лев Иванович Долматов-Карпов. Ему предстояло отправиться на Валуйки вместе с елецкими казаками и детьми боярскими «до прихода крымских мурз» для подготовки их встречи [7, с. 461]. В ноябре 1633 г. Елец был выбран местом посольской размены. В феврале 1634 г. последовало новое указание об отмене готовившейся размены, а завербованных ливенцев и ельчан было велено отправить к Валуйкам [7, с. 553].

Беспрепятственный проход татарских отрядов в 1632-1633 гг., нестабильные отношения с донскими казаками, перемещения черкасских отрядов – все это стимулировало правительство к принятию решения о строительстве и организации новых оборонительных укреплений на южных рубежах, вошедших в состав Белгородской черты. Елецкие служилые люди приняли непосредственное участие в возведении и заселении новых городов. В 1635 г. из Ельца на строительство Козлова были направлены дети боярские, казаки и стрельцы [9, с. 914]. Они вместе со служилыми людьми из городов: Переяславля-Рязанского, Михайлова, Пронска, Ряжска, Данкова, Сапожка, Шацка, Лебедяни и Воронежа – вошли в состав 660 строителей первой на Белгородской черте крепости. В 1637 г. в устье р. Усерда началось возведение новой крепости, получившей название по реке – Усерд. В ее строительстве принимали участие служилые люди более чем из 30 городов. Из Ельца на Усерд с воеводой И. Бутурлиным было послано 69 полковых казаков, 44 стрельца, 19 беломестных казаков и 8 донских казаков [2, с. 19]. После татарских набегов 1644-1645 гг. ельчане были привлечены в 1646 г. к заселению Карпова и Болховца [6, с. 122]. В 1647 г. в Коротояк было определено «на вечное житье» 50 елецких детей боярских [6, с. 128]. На следующий 1648 г. из Ельца в новый город Царев-Алексеев было переселено 334 человека. Из числа елецких детей боярских были отправлены к новому месту службы 50 человек, из среды служилых казаков: 131 полковой казак, 65 беломестных и «задонских» казаков, а также 84 стрельца и 4 дворника [18. Л. 19-57 об.]. Кроме участия в возведении городов Белгородской черты, на плечи ельчан легла обязанность по строительству в Елецком уезде новых острогов. В 1633 г. по указу из царской администрации на Талецком броде был сооружен Талецкий острог, а через несколько лет в 1636 г. на границе Ли-

венского и Елецкого уездов при впадении реки Чернавы в Быструю Сосну был построен Чернавский острог [10, с. 100, 101].

Не менее важными элементами службы елецких казаков, чем сторожевая и станичная, были привлечение в полки и для посольских размен, участие в строительстве и заселении новых городов и острогов, использование казаков вместе с другими служилыми людьми для обработки десятинной пашни [14, с. 241], изготовления «для донских посылок» стругов и их сопровождения в донские земли [5, с. 798]; патрулирования вместе со стрельцами города и острога [16, с. 28], а также восстановление разрушавшихся с годами укреплений.

Укрепления, как правило, строились исходя из особенностей ландшафта, вдоль рек на естественных высотах природного происхождения. От надежности укреплений зависела не только безопасность служилых людей, но и сохранность важных городских сооружений и слобод [11, с. 11]. С годами елецкие укрепления ветшали, но восстановительные работы сменявшими друг друга воеводами не проводились, поскольку они были очень затратные и требовали привлечения трудовых ресурсов служилого города. Тем не менее, в истории елецкой крепости проводились работы по реконструкции городских стен и укреплений, к которым привлекались все служилые люди. Данные работы были связаны с необходимостью восстановления укреплений после трагических событий лета 1618 г., когда Елец был частично разрушен отрядами гетмана П. Сагайдачного [13, с. 398, 399], а также пожара 1648 г., когда выгорело не менее 230 сажень елецких укреплений [10, с. 112].

Характерной особенностью восстановительных работ было решение воеводы Г.Л. Валуева, а затем через 30 лет воеводы А.В. Бутурлина о переносе крепости на новое место – Аргамачью гору. Однако первому воеводе не удалось осуществить задуманный план в связи с большими людскими потерями елецкого гарнизона после сражения с П. Сагайдачным, а второму в силу тяжести работ и информации о готовящемся вторжении войска гетмана Богдана Хмельницкого и крымских татар [22, с. 120-124]. Тем не менее, Г.Л. Валуеву удалось решить важные вопросы, связанные с вооружением служилых людей, обеспечением крепости водой, с организацией литья вестового колокола [17. Л. 117-203], а А.В. Бутурлину в кратчайшие сроки «устроить город со всеми крепостями» [20. Л. 201-206].

Таким образом, в обязанности елецких служилых казаков входил обширный список «государевых» служб: сторожевая, станичная, полковая, участие в «посольских разменах» и сопровождение крымских послов, строительство и заселение новых городов на Белгородской черте, строительство стругов, обработка десятинной пашни, патрулирование городских стен и поддержание их с целостности и сохранности. Весь спектр перечисленных служб был направлен на усиление и закрепление позиций Московского государства в южном направлении. Важную роль в этом процессе играли служилые люди, которым, несмотря на тяготы службы и хозяйственно-бытовые вопросы, удалось освоить новые территории и сохранить их в составе растущего государства.

Список литературы

1. Акты Московского государства. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 гг. / Под ред. Н.А. Попова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. – 767 с.
2. Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. – Харьков, 1890. – 458 с.
3. Балыкина М.И. Нижегородский служилый «город» как часть военно-служилой системы государства в XVI–XVII вв. // История: факты и символы. – 2016. – №2 (7). – С. 31-41.
4. Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592-1594 гг. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – 274 с.
5. Донские дела. Кн. I. Русская историческая библиотека. – СПб., 1898. – Т. XXIII. – 1006 с.
6. Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968. – 291 с.
7. Записные книги Московского стола (1626–1627, 1633–1634 гг.). Русская историческая библиотека. – СПб., 1884. – Т. IX. – С. 385-576.
8. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II отделением собственной е.и.в. канцелярии. – СПб., 1853. – Т. I. – 1381 с.
9. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II отделением собственной е.и.в. канцелярии. – СПб., 1855. – Т. II. – 1399 с.
10. Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. – Тула: Гриф и К, 2011. – 208 с.
11. Ляпин Д.А. От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: факты и символы. – 2016. – №2 (7). – С. 9-16.
12. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. Отв. ред. член-корр. АН СССР С.В. Бахрушин. – М.–Л.: Изд-во института истории АН СССР, 1948. – 570 с.
13. Новый летописец // Хроники Смутного времени. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 263-411.
14. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. – СПб., 1910. – 624 с.
15. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1989. – Т. III. – Ч. III. – 152 с.
16. Ракитин А.С. Стрелецкий гарнизон г. Данкова в XVII – начале XVIII в.: аспекты повседневности служилой корпорации // История: факты и символы. – 2016. – №2 (7). – С. 25-31.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп.10. Д. 7.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Д.20.
19. РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.27.
20. РГАДА. Ф.210. Оп.12. Д. 317. Л.201-206.
21. Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. – М.: Наука, 2004. – 512 с.
22. Рощупкин А.Ю. Елецкая крепость на южных рубежах Московского государства в конце XVI – первой половине XVII в. (Строительство, восстановление, реконструкция) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – №6 (44). – С. 120-124.
23. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. – М.: Мысль, 1990. – 270 с.

List of references

1. Akty Moskovskogo gosudarstva. Tom I. Razryadnyj prikaz. Moskovskij stol. 1571–1634 gg. / Pod red. N.A. Popova. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1890. – 767 s.
2. Bagalej D.I. Materialy dlya istorii kolonizacii i byta Har'kovskoj i otchasti Kurskoj i Voronezhskoj gubernij. – Har'kov, 1890. – 458 s.
3. Balykina M.I. Nizhegorodskij sluzhilyj «gorod» kak chast' voenno-sluzhiloj sistemy gos-udarstva v XVI–XVII vv. // Istoriya: fakty i simvoly. – 2016. – №2 (7). – S. 31-41.

4. Glaz'ev V.N., Novosel'cev A.V., Tropin N.A. Rossijskaya krepost' na yuzhnyh rubezhah. Doku-menty o stroitel'stve El'ca i zaselenii okrestnostej v 1592-1594 gg. – Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2001. – 274 s.
5. Donskie dela. Kn. I. Russkaya istoricheskaya biblioteka. – SPb., 1898. – T. XXIII. – 1006 s.
6. Zagorovskij V.P. Belgorodskaya cherta. – Voronezh: Izd-vo VGU, 1968. – 291 c.
7. Zapisnye knigi Moskovskogo stola (1626–1627, 1633–1634 gg.). Russkaya istoricheskaya biblioteka. – SPb., 1884. – T. IX. – S. 385-576.
8. Knigi razryadnye, po oficial'nym onyh spiskam izdannye s vysochajshego soizvoleniya II otdeleniem sobstvennoj e.i.v. kancelyarii. – SPb., 1853. – T. I. – 1381 s.
9. Knigi razryadnye, po oficial'nym onyh spiskam izdannye s vysochajshego soizvoleniya II otdeleniem sobstvennoj e.i.v. kancelyarii. – SPb., 1855. – T. II. – 1399 s.
10. Lyapin D.A. Istoriya Eleckogo uezda v konce XVI-XVII vv. – Tula: Grif i K, 2011. – 208 s.
11. Lyapin D.A. Ot krepostej k gorodam: povsednevno-bytovye i povedencheskie modeli nase-leniya yuzhnorusskoj kreposti konca XVI v. // Istoriya: fakty i simvoly. – 2016. – №2 (7). – S. 9-16.
12. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. Otv. red. chlen-korr. AN SSSR S.V. Bahrushin. – M.–L.: Izd-vo instituta istorii AN SSSR, 1948. – 570 s.
13. Novyj letopisec // Hroniki Smutnogo vremeni. – M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. S. 263-411.
14. Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI-XVII vv. – SPb., 1910. – 624 s.
15. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. – M.: Institut istorii AN SSSR, Nauka, 1989. – T. III. – CH. III. – 152 s.
16. Rakitin A.S. Strelеckij garnizon g. Dankova v XVII – nachale XVIII v.: aspekty povsednevno-sti sluzhiloj korporacii // Istoriya: fakty i simvoly. – 2016. – №2 (7). – S. 25-31.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 210. Op.10. D. 7.
18. RGADA. F. 210. Op. 6-d. D.20.
19. RGADA. F.210. Op.9. D.27.
20. RGADA. F.210. Op.12. D. 317. L.201-206.
21. Rospis' russkogo vojska, poslannogo protiv samozvanca v 1604 g. // Stanislavskij A.L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vv. – M.: Nauka, 2004. – 512 s.
22. Roshchupkin A.YU. Eleckaya krepost' na yuzhnyh rubezhah Moskovskogo gosudarstva v konce XVI – pervoj polovine XVII v. (Stroitel'stvo, vosstanovlenie, rekonstrukciya) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2016. – №6 (44). – S. 120-124.
23. Stanislavskij A.L. Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII veka. Kazachestvo na perelome isto-rii. – M.: Mysl', 1990. – 270 s.

УДК 74(470.324(036)

О НОВОМ «ГОРОДОВОМ СТРОЕНИИ» В ЗЕМЛЯНСКЕ В 1678 ГОДУ

Г.Н. Мокшин
Д-р. ист. наук, Воронежский государственный университет, mok410@mail.ru

Статья посвящена истории возведения в 1678 г. в городе Землянске новой деревянной крепости; на основе впервые вводимых в научный оборот архивных данных устанавливаются ее конструктивные особенности, размеры стен и башен, наличие защитных сооружений вне крепости; предпринимается попытка графической реконструкции старой (1661) и новой (1678) Землянской крепости.

Ключевые слова: Землянск, крепость, «городовое строение», графическая реконструкция.

ABOUT A NEW “TOWN BUILDING” IN ZEMLYANSK IN 1678

G.N. Mokshin
Doctor of History, Voronezh State University, mok410@mail.ru

The article is devoted to the history of the construction of a new wooden fortress in 1678 in the town of Zemlyansk; based on the first time introduced into scientific circulation of the archive data set of its design features, the size of the walls and towers, the presence of protective structures outside the fortress; attempts of graphic reconstruction of the old (1661) and new (1678) Zemlyanskaya fortress is also undertaken.

Keywords: Zemlyansk, a fortress, "the town building" graphic reconstruction.

Город Землянск был основан в 1661 г. как военная крепость для защиты южных рубежей российского государства. Располагался он примерно в 45 верстах к северо-западу от Воронежа. Строительство новой крепости за Белгородской чертой, хотя и в непосредственной близости от нее, стало следствием переселения сюда около 1000 семей черкас, бежавших из приднепровской Украины, охваченной войной с Речью Посполитой. В дальнейшем эти черкасы несли сторожевую службу в составе Острогожского полка.

В 1678 г. при воеводе Гавриле Корсакове обветшавшая крепость была перестроена. Новая крепость простояла около 110 лет (до конца 1780-х гг., когда ее останки продали «на дрова»). Однако в исторической литературе вопрос о второй Землянской крепости, ее размерах и конструктивных особенностях еще ни разу не поднимался. Все внимание исследователей было сосредоточено на крепости, построенной под руководством первого землянского воеводы Гавриила Островского, хотя ее история насчитывает всего 16 лет. Причина этого «недоразумения» в отсутствии достоверных сведений о том, что в 1678 г. в Землянске была построена именно *новая* крепость.

Интерес к истории Землянской крепости пробуждается еще в середине XVIII в. В начале 1760-х гг. Академия

наук и Шляхетский кадетский корпус направили в воеводские канцелярии уездных городов так называемые «хозяйственные анкеты» с целью сбора сведений об экономическом положении страны. Среди вопросов анкеты был и такой: «В котором году и от кого и для чего построен (город. – *Г. М.*)?». В ответах землянского воеводы сообщалось, что Землянск построен в 1678 г. и когда-то был значительной замысловато устроенной крепостью, но в настоящее время «строение сгнило все без остатка», ров засыпался, вал обвалился, а стены доживают свой век [2, с. 231, 250].

В 1785 г. С.И. Линицкий – составитель сведений о Землянске для «Топографического описания Воронежского наместничества» уточнил, что «город спервоначалия заселен черкасами и великороссианами, а укрепление в нем имеющееся построено по найму тех людей от набегов крымских татар» [7, с. 48].

В 1800 г. первый воронежский историк-краевед Е.А. Болховитинов опубликовал историческое описание всех городов Воронежской губернии, включая Землянск [1, с. 133-134]. По мнению Болховитинова, город Землянск был основан в 1663 г. (по первому упоминанию о нем в церковной книге, хранящейся в местной соборной церкви). «Когда Землянск назначен был городом, то в 1678 году построена была в нем деревянная крепость с башнями и тайниками, и окопана глубоким валом. Вал сей виден и доныне, но крепость была многократно перестраиваема, но, наконец, по ветхости продана».

Версия Болховитинова о том, что Землянская крепость была построена только через 15 лет после возникновения города, продержалась до 70-х гг. XX века, пока ее не опроверг проф. ВГУ В.П. Загоровский. Он первым обратился к изучению архивных документов по истории Землянска, хранящихся в РГАДА. В 1973 г. Загоровский сообщает об обнаруженной им точной дате основания города-крепости – 1661 г. (а не 1678 г., как значилось в описаниях Землянска второй половины XVIII в.) [5, с. 134]. В дальнейшем исследователь дает подробное описание Землянской крепости, извлеченное из Сметной книги г. Землянска 1667 г. В нем указывалось, что крепость имела форму «рубленого города», стены были сделаны из соединенных друг с другом дубовых бревенчатых срубов, частично засыпанных землей. Над стенами нависали «обламы»[1], которые крепились на «столбах из выпускных клеток». Крепостные башни носили названия: Московская проезжая, Спасская, Середняя, Землянская наугольная, Середняя, Наугольная, Землянская проезжая, Наугольная. Спасская башня была самой высокой (с двумя междуэтажными перекрытиями) и использовалась для наблюдения за дальними подступами к городу. В плане она имела форму правильного восьмиугольника (остальные семь башен были сделаны «в четыре стены»). Расстояния между башнями составляли соответственно: 23, 40, 30, 29, 32, 27, 20 и 50 саж. (всего 251). С учетом башен Загоровский насчитал около 300 саж. или 600 м). В городе имелся подземный ход (тайник) длиной 30 саж. Он вел к колодцу с питьевой водой недалеко от речки Землянки. Внутри крепости был выкопан глу-

[1] Облам – выступ сруба в верхней части деревянной крепостной стены с бойницами фронтального боя и с продольным узким отверстием в полу для ближнего боя.

бокий колодец, в нем всегда находилась вода. От городской стены к реке установлены надолбы (дубовые бревна, вкопанные вертикально в землю) [4, с. 40-41].

В 1976 г. Загоровский издал сборник документов по истории Воронежского края, где была представлена выдержка из воеводского донесения 1666 г. с еще одним описанием устройства Землянской крепости. Оно несколько отличается от приведенного выше, поэтому процитируем его полностью. «Город Землянской дубовой, стоячей, а в нем 8 башен, 2 ворота... Наряду в городе 6 пищалей железных... У Московских ворот изба кароульная. У Тайницких ворот, у середней башни, изба караульная ж, а ис той башни выведен тайник к речки Землянки. В городе колодезь... Против города и Спаской большой башни учинен торг» [15, с. 141]. После публикаций Загоровского изучение истории Землянской крепости опять приостановилось. Лишь в 2012 г. накопленные исследователями материалы об устройстве крепости, ее вооружении, личном составе и т.д. были обобщены в «Летописи города Землянска», составленной автором данной статьи. Оказалось, что за полвека сторожевой службы землянцы садились в осаду всего один раз – в 1670 г. в связи с угрозой захвата крепости сторонниками Степана Разина, а на рубеже XVII–XVIII вв., когда границы России отодвинулись далеко на юг, Землянск окончательно потерял военное значение [6, с. 37, 58].

При освещении истории Землянска второй половины XVII века автор впервые использовал описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, опубликованные в начале XX в. Так удалось установить, что в 1678 г. при воеводе Г.Н. Корсакове Землянская крепость действительно была перестроена, а строельные книги, чертеж и деревянный образец «нового городового строения» отправлены в Москву [8, с. 143].

Строительство продолжалось примерно полгода – с весны до конца лета 1678 г. Судя по донесениям воеводы, в «городовом строении» участвовало все местное население (включая священников окрестных сел), которое было обязано возить в Землянск лес. Однако установить, что и как было перестроено, тогда не удалось. В нашем распоряжении имелась лишь опись города 1678 г., составленная Корсаковым. В ней говорилось, что «в нынешнем во 186 году» около города «построены надолбы вновь в два ряда», а количество башен и протяженность стен оставались прежними [9, с. 268-269], из чего можно было предположить, что речь шла не о капитальной их перестройке, а о банальном ремонте. Мы тогда не учли, что 186 год начинался 1 сентября 1677 г., т.е. упомянутая опись была составлена до возведения второй Землянской крепости.

Первым шагом к прояснению облика «нового городового строения» стал подробный план г. Землянска, датируемый январем 1785 г. (Рис. 1) [13, д. 19]. Он был снят местным землемером А. Христофоровым в связи с подготовкой первого регулярного плана застройки города.

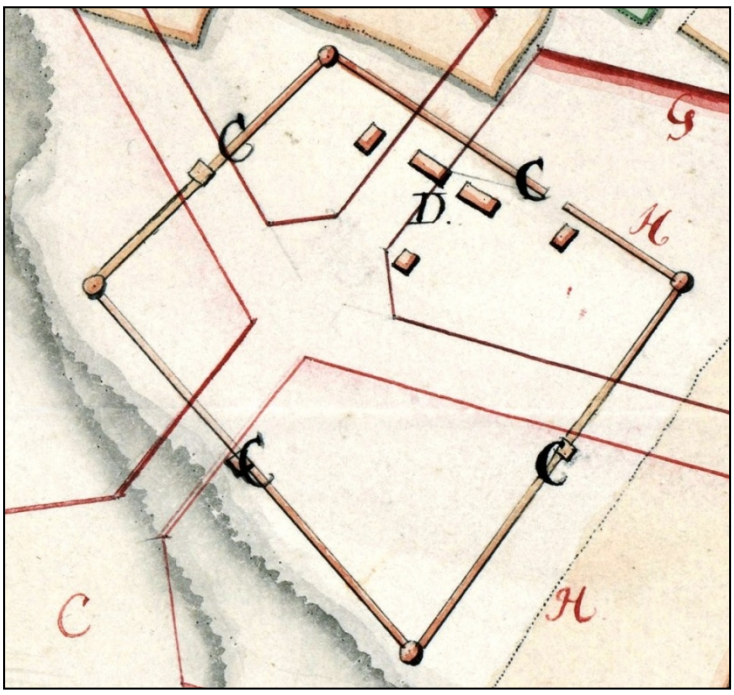

Рис. 1. План уездного города Землянска 1785 г.

Изображенная на плане крепость представляет собой неправильный четырехугольник, стороны которого значительно превышают 251 саж. Интересно также, что на плане показано только семь крепостных башен. На северной стене, за которой находилась торговая площадь, на месте проездной башни зияет провал. Это, кстати, соответствует описанию крепости первой половины 1770-х гг. [14, с. 80]. План 1785 г. в дальнейшем послужил основой графической реконструкции второй Землянской крепости, поскольку после 1678 г. она уже не меняла своей конфигурации.

Главным источником для изучения крепостных сооружений города, как известно, является его строельная книга. По Землянску их было две: 1662 г. и 1678 г. И обе они, к сожалению, не сохранились. Однако в начале 2016 г. нам удалось обнаружить в РГАДА «Дело по челобитью землянцев Григория Корчагина с товарищи[2] о пожаловании их государевым жалованием за привоз в Москву землянских строельных книг…», в котором имеется краткое описание новых крепостных укреплений Землянска.

«А по тем книгам город Землянеск построен во 186 году вновь в рубленой в дубовом лесу. Прежнего города болши. Стены рублены в две стены с поперечными стены огороднями[3]. Вышина городу стенам с обламами 3 сажен без трех чети[4] аршина. Ширина городовым стенам меж стен пол 2 сажени[5]. В стенах срублено вверх с

[2] В материалах дела сказано, что землянцы Г. Корчагин, Ф. Горбунов и Л. Шамордин были выбраны «грацкими» и уездными людьми в качестве «городничих» «для досмотру… городового строения» и «были они у городового дела в наряде с начала и до отделки…». См.: Описание крепостных укреплений города Землянска 1678 г. Публикация, предисловие и комментарии Г.Н. Мокшина и А.В. Перегудова // Из истории Воронежского края: Сборник статей. – Воронеж, 2016. – Вып. 23. – С. 215.

[3] *Огородня (городня)* – часть (звено) крепостной стены; состояла из отдельного, замкнутого сруба, обычно засыпанного землей.

[4] Четь – четверть (в аршине было четыре чети).

[5] Пол 2 сажени – 1,5 сажени (3,2 м).

обламы по 23 и по 24 венца, в том числе обламов 3 венца[6]. Городовые стены и башни покрыты дубовым тесом. По городу во всех стенах построен мост[7]. С обламов, со всякой огородни – подкота[8] и во всех стенах коты[9] устроены потайные под кровлею. По стенам к верхнему бою построены лесницы в дубовом лесу. Городовых стен мерою окроме башен 262 сажени. В том числе в стенах 240 огороден. Около всего города и башен по основанию 310 сажен. В стенах 9 башен, двои – проезжие ворота, 7 глухих башен. Около города ров в ширину 3, в глубину пол 3 сажени[10]. В городе колодез с водою прежней, вычищен струб[11] дубовой.

Крепостей около города. Едучи к городу к Московской башни, с правой стороны города идет речка Землянка и обошла город з дву сторон. С третей левой стороны города идет речка Вислой Колодезь и ниже города и посаду те обе речки сошлись вместе. Вислой Колодез устьем впал в речку Землянку. С четвертой московской стороны города крепости около посадов от речки Землянки до речки Вислова Колодезя построен вал в новой замет[12] в дубовом лесу с приступки и бойницы, з по бойнице насыпан землею. Вышина валу 4 аршин. Толщина – сажен с четью. А по мере валу 504 сажени. В том валу построены 3 ворота проезжие старые прежнего города. Около валу выкопан ров» [10, с. 214-215].

На основе данного документа можно сделать следующие выводы. Во-первых, в 1678 г. вместо стоячего острога с обламами, когда дубовые бревна устанавливались в вертикальном положении и укреплялись тарасами[13], была использована конструкция из двух стен, в которых дубовые бревна укладывались горизонтально и соединялись между собой поперечными стенками[14]. Во-вторых, общая протяженность крепостных стен увеличилась до 262 саж., а вместе с башнями до 310 саж. И, наконец, была построена еще одна (девятая) башня.

Описание Землянска 1678 г. дает точную локализацию главной Московской башни. Она однозначно располагалась с северной стороны крепости (на месте провала в крепостной стене, указанного на рис. 1). Раннее исследователи пытались определить ее положение по описанию крепости 1667 г. Но эта попытка была не очень удачной, т.к. Московская башня «смотрела» не на Москву, а на Воронеж (см. рис. 2) [3, с. 189].

[6] Венец – один ряд сруба, обычно толщиной в 5-6 вершков (22-26 см).

[7] Мост – межэтажное перекрытие.

[8] Подкота (подкатки) – очевидно специальные стропила под котами (см. ниже).

[9] Коты (катки) – дубовые бревна, которые укладывались под двухскатной кровлей обламов и сбрасывались на неприятеля во время осады.

[10] Пол 3 сажени – 2,5 сажени (5,3 м).

[11] Струб – сруб.

[12] Замет – небольшая деревянная крепость с бревенчатой прясловой оградой из горизонтальных пластин, закрепленных в пазах столбов.

[13] Тарасы – дубовые бревенчатые срубы, соединенные между собой и частично засыпанные землей. Сочетание стоячего острога с тарасами, на которых устраивались обламы, является переходной конструкцией от тыновой к рубленой (венчатой). В XVII в. на Белгородской черте это был самый распространенный способ возведения крепостных стен.

[14] Рубленые стены были прочнее острожных, но для их сооружения требовалось значительно больше леса и времени. Поэтому на Белгородской черте данный способ строительства стен использовался сравнительно редко. Примером стоячего острога служит крепость города Острогожска, а «рубленого» в две стены города – Коротояк. См.: Каримов Г.А. Крепости Коротояк и Острогожск в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). Воронеж, 1981. С. 23, 35.

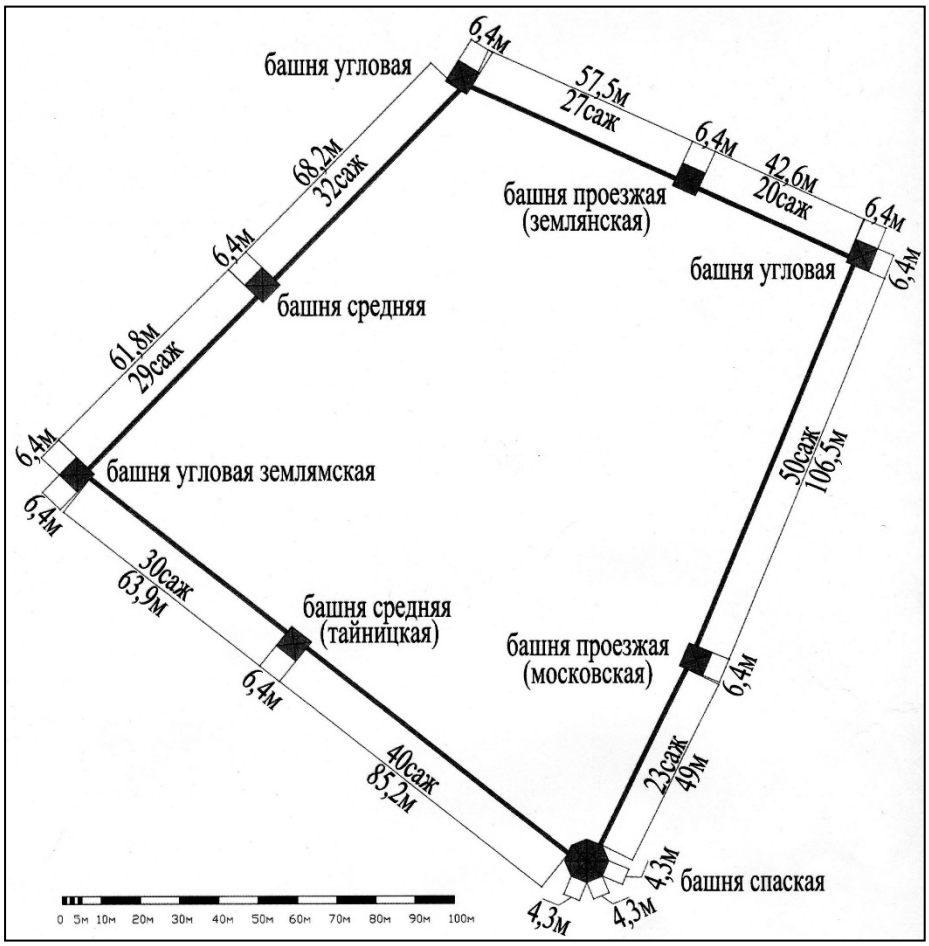

Рис. 2. Реконструкция первой Землянской крепости М. Дьякова, Е. Черных, Л. Кригер

Более подробная информация о землянских башнях содержится в Росписном списке г. Землянска 1745 г., хранящимся в РГАДА [12, кн. 300, л. 177-178]. «По городу меж стен девять башен, в том числе две проезжих, а именно: Башня проезжея с московской стороны, рублена на восемь углов, в ней шесть мостов с лесницы, из ней пять боев, вышка на ней кораульная <…>; против той башни отводной рукав рубленой[15] <…>; Башня ноугольная старая, прежнего города, на ней прирублена вышка кораульная, в ней три моста, из ней четыре боя, снизу по нижней мост, рублена в две стены <…>; Башня середнея четвероугольная дву сажень и с двемя аршыны, из ней три боя; Башня ноугольная дву сажень и дву аршын, в ней два моста, из ней три боя; Башня середнея проезжея, четвероугольная дву сажень и дву аршын, в ней два моста, из ней три боя; Башня наугольная четвероугольная полутретья саженя, в ней два моста, из ней три боя; Башня середняя четвероугольная мерою полутретья саженя, в ней два моста, из ней три боя; Башня четвероугольная мерою полутретья саженя, в ней два моста, из ней три боя; Башня середнея четвероугольная мерою по-

[15] Отводной рукав – предкрепостное укрепление у въездных ворот, служившее для предотвращения их быстрого захвата.

лутретья сажени, в ней два моста, из ней три боя». Как видно, в 1678 г. проезжая Московская башня была полностью перестроена и стала самой большой (дозорной). Как и Московская башня в Острогожске, она находилась среди стен и, видимо, поэтому ее высота была увеличена минимум до 40 м [3, с. 159]. Кроме того, перед ней были устроены дополнительные укрепления. Бывшая Спасская башня, скорее всего, тоже была основательно перестроена. По описанию 1745 г. в ней было не два, а три моста. И из восьмиугольной она, видимо, стала четырехугольной.

В заключение сопоставим очертания старой и новой Землянской крепости, чтобы определить направления, в которых она была расширена. Для этого нам надо попытаться вписать старую крепость в новую, т.к. ее периметр увеличился почти на 60 саж. (ок. 125 м). Мы можем смело утверждать, что положение Московской и Спасской (Наугольной) башен осталось неизменным, как и всей северной городской стены, перед которой находилась торговая площадь Землянска. Только между Наугольной и Московской башнями (на самом длинном, 50-саж. прясле первой крепостной стены) была построена еще одна Средняя башня. Далее нужно уточнить общую длину стен и башен старой крепости. По описанию 1667 г. протяженность стен составляла 251 саж. Но из цитированной выше статьи Загоровского известно, что построенная до наступления зимы 1661/62 годов городская стена была длиной всего 219 саж. [4, с. 40]. В описании крепости 1669 г. прямо говорится, что «по мере около города 251 сажен» [11, д. 642, л. 288], а в описании Г.Н. Корсакова 1678 г. уточняется: «по мере около всего города и с башнями и стены 251 сажен» [9, с. 268-269]. Поэтому пока мы будем считать, что башни не выступали из-за крепостных стен.

К сожалению, у нас отсутствуют сведения о величине внутренних углов старой крепости. Поэтому мы можем представить ее геометрию только исходя из косвенных данных. На рис. 1 восточная стена Землянской крепости идет вниз под углом почти в 90º. Возможно, что так было и раньше, потому что Спасская башня была восьмиугольной. И если угол между северной и восточной стенами действительно не менялся, то логично предположить, что это старая линия крепости, продленная в 1678 г. примерно на 8 саж. (без учета Средней башни). Южная сторона крепости, как видно из того же рисунка, расположена вдоль речного обрыва. Поэтому велика вероятность, что старая стена проходила параллельно ей, но на те же 8 саж. дальше от края. Соответственно Наугольная башня должна была находиться на 20 саж. восточнее новой Наугольной и соединять южную и западную стены примерно под углом в 240º. Заметим, что из восьми башен старой крепости пять поменяли свое расположение. Остались на своих местах лишь те, что находились на северной стене. В этой связи становится понятно, почему исчезли Землянская проезжая и Тайницкая (Средняя) башни, а вторые проездные ворота появились на новой линии южной стены. Таким образом, в 1678 г. границы Землянской крепости, скорее всего, были расширены на юг (параллельно речному обрыву) и на юго-запад (рис. 3).

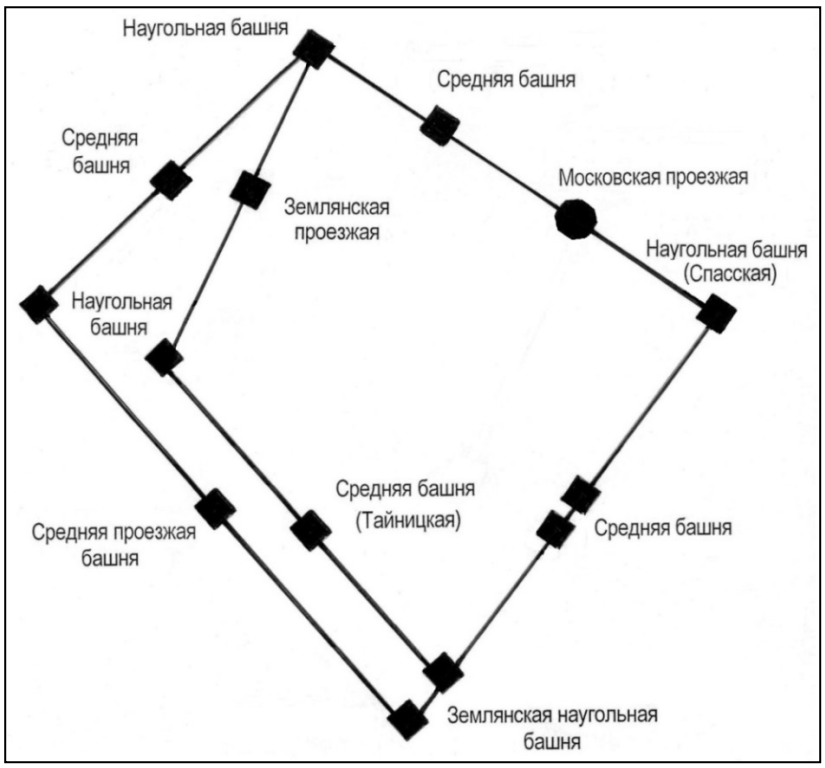

Рис. 3. Реконструкция первой Землянской крепости Г.Н. Мокшина

Остается добавить, что в отношении устройства и размеров второй Землянской крепости также существует еще много невыясненных вопросов. Нам точно известно, что протяженность ее стен (без башен) вплоть до конца 1780-х гг. оставалась равной 262 саж. А вот высота стен между 1678 и 1745 годами уменьшилась с 3 саж. до 2,3 саж. (примерно на 1,3 м). Зато ширина, судя по описанию 1745 г., наоборот, увеличилась с 1,5 до 2,5 саж. Очевидно, что после 1678 г. постепенно ветшавшую крепость перестраивали. Только когда и сколько раз – нам пока неизвестно.

Список литературы

1. Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: Типография губернского правления, 1800. – 229 с.
2. Греков Б.Д. Избранные труды: В 5 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 3. – 526 с.
3. Дьяков М.Ю., Кригер Л.В. Крепости земли воронежской. – Воронеж: Кварта, 2013. – 295 с.
4. Загоровский В.П. Возникновение города Землянска и заселение Землянского уезда в XVII веке // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1977. – Вып. 6. – С. 36-49.
5. Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – 136 с.
6. Мокшин Г.Н. Летопись города Землянска (1661–1923). – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2012. – 303 с.
7. Описание Воронежского наместничества 1785 г. / Отв. ред. В.П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. – 147 с.
8. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М.: Синодальная типография, 1914. – Кн. 19. – 86 с.

9. Опись городов 1678 года // Дополнения к актам, собранным и изданным археографической комиссией. – СПб.: Типография Второго Отделения Его собственной Е. И. В. Канцелярии, 1875. – Т. 9. – 357 с.
10. Перегудов А.В., Мокшин Г.Н. Описание крепостных укреплений города Землянска 1678 г. // Из истории Воронежского края. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2016. – С. 214-216.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12.
12. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1.
13. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168.[16]
14. Русановы. Из века в век: В 2 т. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 1996. – Т. 1. – 435 с.
15. Укрепления г. Землянска и расчет землянских служилых людей в 1666 г. // Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края / сост. В. П. Загоровский. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976. – 192 с.

List of references

1. Bolhovitinov E.A. Istoricheskoe, geograficheskoe i ehkonomicheskoe opisanie Voronezhskoj gubernii. – Voronezh: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1800. – 229 s.
2. Grekov B.D. Izbrannye trudy: V 5 t. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. T. 3. – 526 s.
3. D'yakov M.YU., Kriger L.V. Kreposti zemli voronezhskoj. – Voronezh: Kvarta, 2013. – 295 s.
4. Zagorovskij V.P. Vozniknovenie goroda Zemlyanska i zaselenie Zemlyanskogo uezda v XVII veke // Iz istorii Voronezhskogo kraya. – Voronezh, 1977. – Vyp. 6. – S. 36-49.
5. Zagorovskij V.P. Istoricheskaya toponimika Voronezhskogo kraya. – Voronezh: Izd-vo Vo-ronezh. un-ta, 1973. – 136 s.
6. Mokshin G.N. Letopis' goroda Zemlyanska (1661–1923). – Voronezh: Central'no-CHernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012. – 303 s.
7. Opisanie Voronezhskogo namestnichestva 1785 g. / Otv. red. V.P. Zagorovskij. – Voronezh: Izd-vo VGU, 1982. – 147 s.
8. Opisanie dokumentov i bumag, hranyashchihsya v Moskovskom arhive Ministerstva yusticii. – M.: Sinodal'naya tipografiya, 1914. – Kn. 19. – 86 s.
9. Opis' gorodov 1678 goda // Dopolneniya k aktam, sobrannym i izdannym arheograficheskoj komissiej. – SPb.: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Ego sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1875. – T. 9. – 357 s.
10. Peregudov A.V., Mokshin G.N. Opisanie krepostnyh ukreplenij goroda Zemlyanska 1678 g. // Iz istorii Voronezhskogo kraya. – Voronezh: Central'no-CHernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2016. – S. 214-216.
11. RGADA. F. 210. Op. 12.
12. RGADA. F. 286. Op. 1.
13. RGIA. F. 1293. Op. 168.
14. Rusanovy. Iz veka v vek: V 2 t. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. T. 1. – 435 s.
15. Ukrepleniya g. Zemlyanska i raschet zemlyanskih sluzhilyh lyudej v 1666 g. // Voronezhskij kraj s drevnejshih vremen do konca XVII veka. Dokumenty i materialy po istorii kraya / sost. V. P. Zagorovskij. – Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1976. – 192 s.

Список сокращений

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив

[16] Воронежская губерния. Геометрический план уездного гор. Землянска, с показанием нынешнего строения и улиц, а также вновь прожекта. 1785. Документ предоставлен автору Л.В. Кригер и М.Ю. Дьяковым.

В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНОВ

УДК 9.908

1916 ГОД: НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
(на примере Лебедянского уезда Тамбовской губернии)

Ю.П. Первицкий
Заведующий историческим отделом
муниципального бюджетного учреждения
«Лебедянский краеведческий музей им. П. Н. Черменского»

В статье рассматриваются наиболее важные новые явления, проявившиеся в различных сферах жизни Лебедянского уезда Тамбовской губернии в 1916 году. В том числе: исполнение земством и городским самоуправлением несвойственных им функций, а в ряде случаев и замещение органов государственной власти и управления; развитие потребительской и производственной кооперации; создание народных домов – центров культурно-просветительской работы среди населения; обострение отношений между помещиками и крестьянами; повсеместное нарушение сухого закона. Также показано значение данных явлений в контексте перспектив развития территории.

Ключевые слова: земство, городское самоуправление, потребительская и производственная кооперация, народные дома, помещики, крестьяне, сухой закон.

1916: NEW PHENOMENA IN THE LIFE OF RUSSIAN PROVINCE
(on example of Lebedyan County of Tambov province)

Y.P. Pervitskiy
History department head of municipal budgetary institution
"Lebedyan local history museum named after P. N. Chermenskiy"

This article deals with the most important new phenomena which appeared in various spheres of life in the Lebedyan County of Tambov province in 1916. Among them: the implementation by the zemstvo and municipal government non-core functions, and in some cases the substitution of the bodies of state power and administration; the development of consumer and production cooperation; the creation of common people's homes – the centers of cultural and educational work among the population; the worsening of relations between landowners and peasants; the widespread violation of Prohibition. More than that, the importance of these phenomena in the context of the perspectives the territory development is shown.

Keywords: zemstvo, municipal government, consumer and production cooperation, common people's homes, landlords, peasants, Prohibition.

Российская провинция периода Первой мировой войны, в том числе ее отдельные регионы, губернии и даже уезды, занимает все большее место в исторических исследованиях. Вместе с тем появление ростков нового, закладка фундамента послевоенного будущего отдельных территорий часто остаются за пределами научных интересов исследователей [2; 4].

Актуальность темы связана с необходимостью анализа разнообразных и достаточно противоречивых явлений, которые проявились в российской провинции в предреволюционный год на фоне разраставшегося многостороннего кризиса. Необходимо установить степень их влияния на дальнейшее развитие как отдельных регионов, так и всей страны. В настоящей работе автор выделил наиболее важное из того нового, что появилось в различных сферах жизни Лебедянского уезда в 1916 году, показав его значение в контексте перспектив развития территории. Источниковая база исследования включает архивные материалы, губернскую прессу и воспоминания современников.

Лебедянский уезд являлся северо-западной окраиной Тамбовской губернии, своего рода провинцией в провинции [14]. Новый 1916 год в тихой Лебедяни встретили с надеждой на то, что для русского оружия он станет победным, противник будет разбит и капитулирует. Наряду с этим в повседневную жизнь города и уезда все отчетливей вторгалась война. И не только с газетных страниц, которые пестрели репортажами с фронтов, списками убитых, раненых и награжденных.

В городе все больше становилось людей, одетых в военную форму. В 1915 году из Ливен Орловской губернии в Лебедянь стали передислоцировать 213-й запасной пехотный полк. К осени 1916 года здесь находилось уже три с половиной тысячи солдат и офицеров [13, с. 15-16]. Нижние чины размещались в наскоро построенных бараках военного городка на Ярмарочной площади. Именно сюда прибывали мобилизованные, из которых по ускоренной программе готовили солдат. Целыми днями со стороны казарм слышались команды, ругань фельдфебелей и прапорщиков, солдатские песни новобранцев. После завершения обучения формировались маршевые пехотные роты, которые получали оружие, патроны, амуницию из местного арсенала и под звуки духового оркестра убывали с железнодорожной станции на фронт [1, с. 21].

Прапорщиков местного гарнизона в новой форме можно было встретить в биллиардных, «турецком» кафе на Дворянской улице, а по вечерам в городском саду. Для привлечения молодых людей в школы прапорщиков в кинотеатре Е.И. Яковлева устраивались встречи с офицерами-фронтовиками, которые демонстрировали рукопашный бой, различные приемы защиты и нападения с оружием [1, с. 23, 26].

Здесь же проходили благотворительные мероприятия, самодеятельные спектакли и концерты в пользу раненых и беженцев, а также чтения с показом иллюстраций через «волшебный фонарь» о событиях Великой войны. И, разумеется, демонстрировали порядком порванные ленты кинофильмов под игру тапера [1, с. 23, 24].

Все же иногда казалось, что жизнь в городе шла так, как в старое доброе время до войны – по улицам сонно разъезжали водовозы, хозяйки неторопливо направлялись на рынок, к ба-

зару проезжали возы с загорелыми крестьянами, у своих лавок стояли в ожидании покупателей купцы. Но в устоявшийся десятилетиями уклад напористо входило что-то новое и часто тревожное [1, с. 25].

Приезжавшие с фронта рассказывали не только о победах и подвигах, но и о нехватке оружия, боеприпасов, братании с немцами. Они ругали командование, говорили о предательстве в окружении царя. По городу поползли слухи о Григории Распутине и царице-немке. Ее же обвиняли в шпионаже в пользу Германии. И все с ненавистью говорили о тех, кто наживался на войне [1, с. 25].

Лавки города пустели, а лебедянский рынок тем временем становился более насыщенным и многолюдным. Там предлагались всевозможные вещи, особенно много было поношенной одежды. Причем, вместо купли-продажи все чаще стал использоваться обмен [1, с. 26]. Среди приехавших на рынок крестьян из окрестных сел выделялись одетые в шинели и папахи инвалиды без руки или ноги [1, с. 26].

Продолжавшаяся война создала в Лебедянском уезде, как и по всей стране, достаточно трудные условия для жизни населения. Главной проблемой стал рост цен и исчезновение из свободной продажи некоторых продуктов питания и товаров [6, с. 8]. Цены по сравнению с довоенными к марту 1916 года увеличились в полтора-два раза. Так, стоимость одного пуда пшеничной муки первого сорта поднялась с 1 руб. 85 коп. до 3 руб. 60 коп. или на 94,6 %; пуда белого хлеба второго сорта – с 2 руб. 35 коп. до 3 руб. 60 коп. или на 53, 2 %; пуда пшена – с 1 руб. 37 коп. до 2 руб. 40 коп. или на 75, 1 %; пуда керосина – с 1 руб. 85 коп. до 2 руб. 40 коп., или на 29,7 %; пуда мяса второго сорта – с 6 руб. до 11 руб. 20 коп. или на 86,6 %; десятка яиц – с 16 коп. до 30 коп. или на 87,5 %; пуда сахара-рафинада – с 5 руб. 80 коп. до 9 руб. 60 коп. или на 65,5%; фунта сливочного масла – с 40 коп. до 80 коп. или на 100 %; фунта масла растительного – с 17 коп. до 24 коп. или на 41,1 %; пуда гречневой крупы – с 1 руб. 85 коп. до 4 руб. 00 коп. или на 116,2 % [6, с. 8].

Принимаемые правительством и местными властями разнообразные административные меры по стабилизации цен не давали ожидаемых результатов [6, с. 9: 26, Д. 627. Л. 15-16, 34-35, 61, 83]. Наоборот, темпы удорожания продовольствия и товаров повседневного спроса в 1916 году увеличились, а снабжение населения ухудшилось [1, с. 26].

Вместе с тем введение карточной системы в уезде в середине года признавалось нежелательным. Продовольственное совещание, состоявшееся 11 июля, констатировало, что на местном рынке полностью отсутствовал сахар-рафинад и испытывался недостаток дров и соли. Поэтому при помощи карточек было решено распределять только сахар, что и стали делать с середины августа [20].

Из сложившейся ситуации с ценами и снабжением единственным реальным выходом явилось создание потребительских кооперативов. Будучи крупными поставщиками продовольствия и товаров, продавая их по заготовительной цене или с небольшой наценкой в специально созданных лавках, они составляли реальную конкуренцию торговцам и способствовали

сдерживанию роста цен и наполнению местного рынка.

Потребительская кооперация в Лебедянском уезде стала формироваться в конце 1915 года, а 2 апреля 1916 года в городе начало действовать общество потребителей, состоявшее из 50 членов. Среди его организаторов находились предводитель уездного дворянства А. М. Бехтеев и председатель земской управы Н. С. Емельянов [3]. Уже к середине года городское общество насчитывало 375 человек, а в ряде крупных сел уезда к этому времени по примеру города сформировались 13 потребительских обществ [3].

Все кооперативные лавки в селах получали товары из городской, ставшей, таким образом, центральным складом товаров для потребителей уезда. За полтора месяца с момента создания городской потребительской лавки ее оборот составил 50 тыс. руб., а чистая прибыль – 810 руб. Само Лебедянское общество вступило в Московский союз обществ потребителей, что способствовало получению крупных партий необходимых товаров на льготных условиях [3].

Главную роль в создании и поддержке потребительской кооперации в уезде сыграло земство. Оно стало инициатором учреждения городского общества потребителей и потребительских кооперативов в крупных селах. Земство добилось ссуды в 50 тыс. руб. для городского общества [26. Д. 588. Л. 279-279 об.], ассигновало ему 3000 руб. в виде паевого взноса и внесло по 500 руб. паевые взносы за ряд сельских потребительских обществ [6, с. 8-9]. Оно также приняло решение пригласить в уезд инструктора потребительского дела [26. Д. 589. Л. 9-9 об.].

Существенную роль в поддержке местной потребкооперации играли и губернские власти. При содействии уполномоченного Особого совещания по продовольственному делу в Тамбовской губернии за три осенних месяца 1916 года для Лебедянского общества потребителей в уезд прибыло 23170 пудов 15 фунтов (более 379 т) сахара, 12650 пудов (более 207 т) соли, 7000 пудов (более 114 т) муки, 4000 пудов (более 65 т) ржи [26. Д. 588. Л. 279 об.].

В конце года в уезде насчитывалось 20 потребительских обществ, и в декабре 11 из них объединились в Лебедянское союзное товарищество потребительских обществ с целью организации совместных заготовок [24].

Благодаря активной деятельности потребительских кооперативов местным властям удалось несколько облегчить тяготы войны для многих лебедянцев, а сама потребкооперация стала тем новым и весьма перспективным явлением, которое вошло в повседневную жизнь населения города и уезда, сохранив свое значение в дальнейшем [12].

Так, после Февральской революции по инициативе председателя комитета общественной безопасности Д.И. Нацкого в городе открылась кооперативная столовая, в которой по умеренным ценам предлагались завтраки, обеды и ужины, чай, кофе, молоко. В буфете можно было купить фруктовые воды, квас, бутерброды, фрукты. Планировалось после войны отпускать из этой столовой обеды на дом, организовывать заготовку овощей, фруктов и молочных продуктов по заявкам лебедянцев [18, с. 286].

Война породила и нехватку рабочих рук на селе – из 45873 мужчин трудо-

способного возраста, проживавших в уезде, в армию была призвана почти половина – 20540 человек [13, с.12]. Поэтому в помощь селянам земство стало создавать прокатные пункты сельскохозяйственных орудий и машин при сельских кредитных обществах. В 1916 году в уезде было организовано 5 новых прокатных пунктов, и всего их стало 20 [26. Д. 588. Л. 370-370 об.]. Они предоставляли плуги, сеялки, веялки, жатки семьям воинов в ряде случаев бесплатно, а остальные жители сел и деревень могли воспользоваться ими за умеренную плату.

Земские агрономы способствовали формированию рабочих артелей вокруг прокатных пунктов. Созданные объединения включали членов кредитных и потребительских кооперативов села, женщин и подростков. Совместная работа и разделение труда в некоторой степени позволяли решать проблему своевременного проведения полевых работ, использовать современные сельскохозяйственные орудия труда и машины, повысить культуру производства [5].

Первенцем производственной кооперации стало объединение в селе Куймань. В мае 1916 года при содействии земского агронома здесь создали сельскохозяйственное общество во главе с местным дьяконом Б.А. Пономаревым [8].

Новым в деятельности Лебедянского уездного земства и городской думы в условиях возрастания их роли в решении хозяйственных и социальных проблем в годы войны стало исполнение несвойственных им функций, а в ряде случаев и замещение органов государственной власти и управления. Тем более, что правительство старалось переложить на плечи местного самоуправления решение разнообразных проблем, вызванных войной. В том числе, Лебедянское земство и городская дума занимались проведением реквизиций зерна и скота, размещением и снабжением военнослужащих, беженцев и военнопленных, организацией выплат семьям воинов, содержанием лазаретов [26. Д. 588. Л. 23, 181 об., 204: 15].

Так, важнейшим из вопросов уездного земского собрания 28 апреля стала организация реквизиции крупного рогатого скота для снабжения армии. Гласные приняли решение изъять на основе разнарядки 312 голов у помещиков и 408 у крестьян, выплатив им компенсации, что и было выполнено в срок к 15 мая [6, с. 5-9].

Несмотря на справедливую в ряде случаев критику работы органов самоуправления, они достаточно успешно справлялись с поставленными задачами. Пытаясь сохранить социальную ориентированность бюджета, насколько это позволяли условия военного времени, земство и городская дума Лебедяни старались работать на перспективу и заложить основы для послевоенного развития территории. В 1916 году гласные приняли решение ходатайствовать о проведении железнодорожной линии Астапово (ныне поселок Лев Толстой) – Грязи через восточные районы уезда [32]. Был рассмотрен вопрос о строительстве линий телефонной связи к соседним городам – Козлову, Липецку и Ельцу [26. Д. 588. Л. 173]. По предложению земства продолжилось создание отделений государственной почты в крупных селах уезда взамен земской [6, с. 10-12]. Городская дума 11 сентября обсуждала

вопрос о бурении второй артезианской скважины [26, Д. 627. Л. 108.]. В то же время из-за недостатка средств земство отложило на 1917-1918 гг. строительство инфекционного барака для больницы в селе Трубетчино [16].

В связи с ростом количества школ в сельской местности земство также приняло решение ходатайствовать о введении должности второго инспектора народных училищ с местопребыванием в селе Доброе, а с 1 января 1917 года при уездном земстве был организован школьный отдел [31].

В Лебедянской мужской гимназии удалось восстановить подготовительный класс. При этом условились, что помещение для обучения предоставит город, а городская дума при участии земства возьмет на себя расходы по содержанию класса [7]. Кроме того, в соответствии с решением городской думы в Лебедяни в 1916 году впервые был организован детский сад для детей от 5 до 8 лет на летнее время [26. Д. 627. Л. 24-24 об.].

Учитывая огромный опыт земств, приобретенный в годы войны, а также их авторитет среди населения, после Февральской революции Временное правительство стремилось сделать органы местного самоуправления своей опорой в провинции, проведя их демократизацию и распространив земства на волости. Смена власти в Лебедянском уезде в начале марта 1917 года прошла без потрясений, ее преемственность была сохранена – первым уездным комиссаром Временного правительства назначили председателя уездной земской управы Н.С. Емельянова [33].

Большие надежды губернские власти и местное самоуправление в просветительской работе с населением связывали с организацией Народных домов. Предполагалось, что в них будут проводить свободное время, найдут разумное развлечение и крестьянин, и рабочий. «Народный дом – это место, где русская деревня, неорганизованная, невежественная, нередко пьяная, с грубыми нравами получит общественное воспитание, получит умственное, нравственное и художественное развитие», – писал «Тамбовский земский вестник» [17], по-господски оценивая деревенскую культуру.

Курсы для подростков, театр, музей, библиотека, читальня, культурно-просветительский кружок, сельскохозяйственное общество, чайная, потребительское и кредитное общества должны были разместиться под одной крышей Народного дома. Исходя из важности данного дела, Тамбовское губернское земство признало необходимым выделить 100000 руб. на их организацию [11]. Кроме того, к финансированию проекта стали активно привлекаться потребительские и кредитные кооперативы, частные лица. Основной проблемой в его реализации стало отсутствие подходящих помещений и специалистов [23].

В 1916 году создание народных домов только начиналось, поэтому видимых для населения результатов до Февральской революции достичь не удалось. Некоторые наработки и заделы использовались в Лебедянском уезде большевиками после Октябрьской революции в идеологической работе с населением через созданную сеть культурно-просветительских кружков на селе; были предприняты попытки создать на их базе краеведческие музеи в городе и крупных селах [19].

Население города в 1916 году значительно увеличилось, причем не только за счет передислоцированного 213-го запасного пехотного полка, солдаты и офицеры которого с начала марта и на протяжении всего 1917 года оказывали огромное влияние на социально-политическую обстановку в городе [13, с. 15- 16]. Продолжали прибывать беженцы, в основном из Гродненской губернии, что привело к дефициту жилья и проблемам с их трудоустройством [1, с. 1-16]. Кроме того, весной на сельскохозяйственных работах в уезде, преимущественно в помещичьих хозяйствах, трудилось более 800 военнопленных [9], а для проведения уборки урожая земство просило прислать их 1000 человек [15].

В 1916 году в уезде было отмечено обострение взаимоотношений крестьян с помещиками, которые из традиционно напряженных в отдельных случаях стали перерастать в открытое противостояние. В октябре к директору департамента полиции обратился помещик села Шовское В.А. Дурасов [28, с. 182-183]. В письме он жаловался, что местные крестьяне недавно сожгли у него двухэтажный деревянный амбар, в котором хранился инвентарь стоимостью в несколько десятков тысяч рублей. Крестьянские лошади постоянно паслись в садах помещика, а барский лес воровали возами. И сам он получал анонимные письма с угрозами смерти в случае приезда в имение. Поэтому помещик просил принять безотлагательные меры и прислать в имение стражников для обеспечения охраны имущества и его личной безопасности [28, с. 182-183].

Такую картину взаимоотношений с окрестными крестьянами нарисовал помещик. Но по сведениям ежемесячных отчетов Лебедянского уездного исправника в канцелярию тамбовского губернатора за 1916 год отмечалось, что на территории уезда все спокойно, никаких разбоев в сельской местности нет [25. Д. 9655-9664].

Настроения на селе тем временем стали подогреваться еще и слухами о передаче после войны помещичьих земель крестьянам, причем утверждалось, что получить ее они должны безвозмездно и в первую очередь те, кто воевал. В условиях напряженных взаимоотношений помещиков с местным населением лебедянские землевладельцы для охраны своей собственности и решения проблем крупных собственников создали в 1917 году уездный «Союз землевладельцев» [27].

Но он не смог ничего поделать с ростом бунтарских настроений жителей села и тем более предотвратить события осени 1917 года, когда начались погромы барских усадеб и расхищение имущества собственников [10].

Новой большой проблемой стало повсеместное нарушение принятого в стране с началом мобилизации, а затем продленного на все время войны «сухого закона». Общее снижение потребления алкоголя на душу населения в первые два года войны оказалось значительным. Официальная статистика, подводя итоги «трезвого двухлетия», отмечала снижение на 40 % количества преступлений на почве употребления спиртного и уменьшение пожаров в Тамбовской губернии по сравнению с 1913 годом. Также отмечалось некоторое увеличение производительности труда на предприятиях и значительный рост вкладов в сберегательных кассах [22].

Но изжить пагубную привычку не удавалось, а сам закон вызывал, по меньшей мере, раздражение в различных слоях населения, особенно у крестьян, стимулировал потребление суррогатов и производство самодельных спиртных напитков. Весьма популярным в сельской местности в 1916 году стало новое слово «самогон». Так называли спиртосодержащий напиток, процесс выгонки которого осуществлялся при помощи примитивного устройства в домашних условиях [21]. Все попытки властей добиться неукоснительного соблюдения «сухого закона» оказывались малорезультативными, хотя виновным в изготовлении спиртных напитков в домашних условиях грозил арест и тюремное заключение на срок до 3 месяцев или штраф до 3000 рублей [29; 30].

Таким образом, в хозяйственной и социальной жизни Лебедянского уезда, в просвещении и культуре, в области совершенствования самоуправления несмотря на развивающиеся кризисные явления, которые при этом не являлись катастрофичными, были сделаны более или менее удачные попытки нововведений и преобразований, благодаря которым закладывался фундамент послевоенного развития края. Проводимые мероприятия осуществлялись в русле государственной политики реформирования различных сфер жизни и управления в стране. Некоторыми из таких наработок и заделов новые местные органы власти Лебедянского уезда воспользовались после Февральской революции и позднее, уже при большевиках.

Список литературы

1. Алексеев П.Д. Воспоминания. Машинописный текст. – Лебедянь, конец 1970-х – начало 1980-х гг. – 202 с. // Муниципальное бюджетное учреждение «Лебедянский краеведческий музей им. П.Н. Черменского». Фонд П.Д. Алексеева.

2. Алехина Е.В. Деятельность Тамбовского земства в годы Первой мировой войны. 1914 – 1918 гг.: дис. … канд. ист. наук. – Тамбов, ГОУ ВПО ТГУ, 2005. – 197 с.

3. Ансельм. Новый кооператив (Лебедянь) // Тамбовский земский вестник. –1916. – № 1.

4. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.

5. Вольные дружины // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 4.

6. Журналы Лебедянского уездного земского собрания. Чрезвычайные сессии 30 января, 27 марта и 28 апреля 1916 года. – Тамбов: Типография губернского правления, 1916. – 56 с.

7. Иванов Ник. К организации родительских комитетов // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 45.

8. Из Куймани (Лебедянский уезд) // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 51.

9. К полевым работам в Тамбовской губ. // Тамбовский край. – 1916. – № 83.

10. Как это было? // Путь Октября (г. Лебедянь, Липецкая обл.). – 1967. – № 7.

11. Кирсанов И. Внешкольное образование // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 4.

12. Кооперативный день. Однодневная газета. – Лебедянь, 7. 07. 1923.

13. Кривошеин Н.В. Город Лебедянь и его уезд в 1917 – 1921 гг. – М.: Пресс-Бук, 2016. – 472 с.

14. Лебедянский уезд: территория – 2939 кв. верст (1913 г.), население – 182248 чел. (1917 г.), 244 села и деревни, три монастыря, сахарный завод графини О. А. Толстой, 9 медицинских участков (1914 г.), 114 земских и 51 церковно-приходская школы (1913 г.). Город Лебедянь: население – 7482 жителя (1913 г.), элеватор, железная дорога, три больших ярмарки, земская больница, мужская гимназия (с 1909 г.), женская гимназия (с 1910 г.).

15. Лебедянь. Чрезвычайное земское собрание // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 13.

16. Лебедянь. Чрезвычайное земское собрание // Тамбовский край. – 1916. – № 119.
17. Медынский Е. Народные дома // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 9.
18. Нацкий Д.И. Мой жизненный путь. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. – 518 с.
19. Первицкий Ю.П. Когда же был создан музей в Лебедяни? // Он же. Не зря мы ворошим былое… – Липецк: Гравис, 2014. – 251 с.
20. Продовольственное совещание (из Лебедяни) // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 14.
21. Самогон (из Кирсановского уезда) // Тамбовский земский вестник. – 1916. –№ 45.
22. Смирнов А. Двухлетие трезвости // Тамбовский земский вестник. – 1916. –№ 16.
23. Смирнов А. Кооперативы как очаги просвещения // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 83.
24. Сочувствующий. Кооперативное союзное товарищество (из города Лебедяни) // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 121.
25. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1.
26. ГАТО. Ф. 24. Оп. 1.
27. Устав Лебедянского союза землевладельцев. – Лебедянь, 1917. – 7 с. // Лебедянский краеведческий музей. им. П.Н. Черменского. Папка «Художник А. А. Зарецкий».
28. Хрестоматия по истории Липецкого края. – Липецк, ГУ РОТ «Липецкая газета», 2004. – 376 с.
29. Хроника. Борьба с пьянством // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 5.
30. Хроника. Пьяная статистика // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 6.
31. Хроника. В школьном мире // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 133.
32. Чрезвычайное Лебедянское уездное земское собрание // Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 84.
33. 1917-1918. Хроника революционных событий Тамбовской губернии / Составители: П. Крошицкий, С. Соколов. – Тамбов: Типография «Пролетарский светоч», 1927. – 72 с.

List of references

1. Alekseev P.D. Vospominaniya. Mashinopisnyj tekst. – Lebedyan', konec 1970-h – nachalo 1980-h gg. – 202 s // Municipal'noe budgetnoe uchregdenie «Lebedyanskij kraevedcheskij muzej im. P.N. Chermenskogo». Fond P.D. Alekseeva.
2. Alyokhina E.V. Deyatel'nost' Tambovskogo zemstva v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914 – 1918 gg.: dis. … k. i. n. – Tambov, GOU VPO TGU, 2005. – 197 s.
3. Ansel'm. Novyj kooperativ (Lebedyan') // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. –№ 1.
4. Belova I.B. Pervaya mirovaya vojna i rossijskaya provinciya. 1914 – fevral' 1917 g. – M.: AIRO-XXI, 2011. – 228 s.
5. Vol'nye druginy // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 4.
6. Jurnaly Lebedyanskogo uezdnogo zemskogo sobraniya. Chrezvychainye sessii 30 yanvarya, 27 marta i 28 aprelya 1916 goda. – Tambov, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1916. – 56 s.
7. Ivanov. Nik. K organizacii roditel'skikh komitetov **//** Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 45.
8. Iz Kujmani (Lebedyanskij uezd) // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 51.
9. K polevym rabotam v Tambovskoj gub. // Tambovskij kraj. – 1916. – № 83.
10. Kak eto bylo? // Put' Oktyabrya (g. Lebedyan', Lipetskaya obl.). – 1967. – № 7.
11. Kirsanov I. Vneshkol'noe obrazovanie // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. –№ 4.
12. Kooperativnyj den'. Odnodnevnaya gazeta. – Lebedyan'. 7. 07. 1923.
13. Krivoshein N. Gorod Lebedyan' i ego uezd v 1917 – 1921 gg. – M.: Press – Buk, 2016. – 472 s.
14. Lebedyanskij uezd: territoriya – 2939 kv. vyorst (1913 g.), naselenie – 182248 tchel. (1917 g.), 244 sela i derevni, tri monastyrya, sakharnyj zavod grafini O.A. Tolstoj, 9 medicinskikh uchastkov (1914 g.), 114 zemskih i 51 cerkovno-prikhodskaya shkoly (1913 g.). Gorod Lebedyan': naselenie – 7482 gitelya (1913 g.), elevator, geleznaya doroga, tri bol'shih yarmarki, zemskaya bol'nica, mugskaya gimnaziya (s 1909 g.), genskaya gimnaziya (s 1910 g.).
15. Lebedyan'. **Chrezvychajnoe zemskoe sobranie** // Tambovskij zemskij vestnik.
– 1916. – №13.

16. Lebedyan'. **Chrezvychajnoe zemskoe sobranie** // Tambovskij kraj. – 1916. – № 119.
17. Medynskij E. Narodnye doma // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 9.
18. Nackij D.I. Moj giznennyj put'. – M. Gos. publ. ist. b-ka. Rossii, 2004. – 518 s.
19. Pervickij Y.P. Kogda ge byl sozdan muzei v Lebedyani? // On ge. Ne zrya my voroshim byloe… – Lipetsk: Gravis, 2014. S. 238 – 251.
20. Prodovol'stvennoe soveschanie (iz Lebedyani) // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 14.
21. Samogon (iz Kirsanovskogo uezda) // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 45.
22. Smirnov A. Dvuhletie trezvosti // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 16.
23. Smirnov A. Kooperativy kak ochagi prosvescheniya // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 83.
24. Sochuvstvujuschij. Kooperativnoe souznoe tovarischestvo (iz goroda Lebedyani) // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 121.
25. Gosudarstvennyj arkhiv Tambovskoj oblasti (GATO). F. 4. Op. 1.
26. GATO. F. 24. Op. 1.
27. Ustav Lebedyanskogo souza zemlevladel'cev. – Lebedyan', 1917. – 7 s. // Lebedyanskiy kraevedcheskiy muzey im. P.N. Chermenskogo. Papka «A. A. Zareckij».
28. Khrestomatiya po istorii Lipeckogo kraya. – Lipeck: GU ROT «Lipeckaya gazeta», 2004. – 376 s.
29. Khronika. Bor'ba s p'yanstvom // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 5.
30. Khronika. P'yanaya statistika // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 6.
31. Khronika. V shkol'nom mire // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 133.
32. Chrezvychajnoe Lebedyanskoe zemskoe sobranie // Tambovskij zemskij vestnik. – 1916. – № 84.
33. 1917 – 1918. Khronika revolucionnyh sobytij Tambovskoj gubernii / Sostaviteli: P. Kroshickij, S. Sokolov. – Tambov: Tipografiya «Proletarskij svetoch», 1927. – 72 s.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.422

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ НА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.В. Шмарион
Д-р соц. наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Статья посвящена социологическому анализу влияния жилищно-коммунальных услуг на условия здорового образа жизни населения муниципальных образований. Показана возможность и необходимость использования для оценки качества услуг наряду с традиционными интервальными оценками случайных величин такие показатели как асимметрия, эксцесс, которые позволяют получить более полную характеристику конкретной услуги ЖКХ.

Ключевые слова: жилищно-коммунальные услуги, здоровый образ жизни, асимметрия, эксцесс.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF HOUSING CONDITIONS ON THE HEALTHY MEANS OF THE LIFE OF THE POPULATION OF THE MUNICIPAL FORMATION

YU.V. Shmarion
Dr. Sci (Sociology), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

The article is dedicated to the sociological analysis of the influence of housing and utilities services on the conditions of healthy lifestyle of the population of municipal formations. The article also shows the possibility and need for the use for evaluating the quality of services together with the traditional interval estimations of random variables, such indices as asymmetry, excess, which make it possible to obtain a more complete characteristic of concrete service ZhKKh.

The keywords: housing and utilities services, healthy lifestyle, asymmetry, excess.

Жилищные условия оказывают большое влияние на состояние здоровья населения. Недостаточная благоустроенность жилища, неудовлетворительные условия быта не только не соответствуют представлениям о ЗОЖ, но и могут являться причинами ряда заболеваний (туберкулез, ринит и др.), конфликтов и нервно-психических расстройств. Основную часть времени человек проводит в быту, находясь при этом в жилье и на природе. Поэтому

комфортность и благоустроенность жилья имеют большое значение для восстановления работоспособности после трудового дня, поддержания здоровья на должном уровне, повышения культурного и образовательного уровня и т.п. Особенно неблагоприятное влияние оказывает низкая температура жилья, запылённость, загазованность. Отрицательно сказывается на здоровье низкая механизация бытовых условий (домашнего труда). Вследствие этого граждане и прежде всего женщины затрачивают большое количество времени, сил и здоровья на выполнение домашней работы. Уменьшается или совсем не остаётся времени для отдыха, повышения образовательного уровня, занятий физической культурой, для выполнения других элементов здорового образа жизни [5].

Проблемы обеспечения эффективного функционирования системы жилищно-коммунального хозяйства являются важной составляющей деятельности органов местного самоуправления и региональных властей, так как снабжение теплом, газом, водой, электроэнергией и т.п. должно находиться в совместном ведении нижнего (муниципального) и следующего (регионального) уровня управления. Благоустроенное жилье и комфортная среда обитания человека – это не только важнейшее условие воспроизводства и качества рабочей силы и человеческого потенциала в целом, но и условие и предпосылка социальной активности человека, полноты выражения его интеллектуальных, духовных и физических сил. Поэтому проблемы взаимодействия системы ЖКХ и жителя конкретного поселения требуют системного рассмотрения, что может быть достигнуто посредством изучения общественного мнения различных социальных групп, которые занимают основные позиции в разрешении проблем ЖКХ. Активное использование в муниципальной практике социального управления оперативных данных общественного мнения об условиях жизнедеятельности населения – это один из ведущих факторов эффективности региональной и муниципальной социальной политики и одновременно мощный стимул инновационной, деловой и общественно-политической активности населения. Изучение общественного мнения и предоставление данных о нем всем заинтересованным социальным группам местного сообщества создают необходимое условие для конструктивного социального партнерства органов региональной власти, местного самоуправления, общественных и предпринимательских структур, научных и образовательных организаций и граждан для разработки согласованных решений по совершенствованию функционирования системы ЖКХ и их внедрению, а также эффективной борьбы с безразличием, отсутствием хозяйского отношения каждого гражданина к своему домовому хозяйству, распространение которых в современном обществе приобрело достаточно большие масштабы.

Критерии социальной оценки состояния жилищно-коммунального хозяйства зависят от степени удовлетворения требований населения. Такая оценка осуществляется при помощи социологических опросов жителей, однако до настоящего времени ЖКХ не является популярным объектом специального социологического изучения. Понятие "уровень удовлетво-

ренности жилищно-коммунальным обслуживанием" является обобщающей характеристикой восприятия происходящих изменений. Он включает в себя не только успешность работы управляющей компании, но и всю совокупность внешних условий: состояние жилищного фонда, реформирование всей жилищной сферы (политика квартплаты, изменение запросов жильцов, связанных с приватизацией жилья и др.) [1].

Оценку качества услуг ЖКХ целесообразно осуществлять количественными методами сбора информации, а с помощью качественных методов выяснять причины отклонения качества услуг от желаемого уровня услуг, удовлетворяющих потребителя. При этом величина оценки услуги будет отражать, насколько удовлетворены личные ожидания потребителя, и зависеть от влияния на человека системной совокупности субъективных и объективных факторов, которая в конечном итоге сформирует не только удовлетворенность качеством услуги, но и определит, насколько эта услуга соответствует своему назначению в полном объеме.

При этом к каждому конкретному виду услуг ЖКХ потребитель предъявляет свои определенные требования. Среди них можно выделить как общие, так и специфические требования. К общим требованиям услуг ЖКХ можно отнести своевременность оказания услуги (время начала и окончания услуги и бесперебойность этой услуги), доступность услуги (показатель, характеризующий удобство обслуживания и оперативность предоставления услуг потребителю), безопасность оказания услуги (показатель качества результата и процесса оказания услуги, характеризующий степень опасности и недопустимых изменений для жизни, здоровья, имущества граждан и окружающей среды), приемлемость для домашних хозяйств тарифов услуг ЖКХ. Интегральным показателем общих требований к конкретной услуге ЖКХ может выступать обобщенный показатель – качество услуг данного вида, который аккумулирует в себе системную оценку, характеризующую общие требования во взаимодействии.

Количественная информация о качестве конкретной услуги, раскрывающая сущность этой услуги для потребителя и характеризующая соответствие конкретной услуги ЖКХ ожиданиям и удовлетворенности потребителей уровнем обслуживания, может быть получена посредством изучения общественного мнения местного сообщества с помощью социологического опроса [2].

Общественное мнение – это специфическое проявление общественного сознания, сложное духовное образование, выражающееся в оценках и характеризующее явное или скрытое отношение социальных групп, общностей и общества в целом к актуальным проблемам действительности. Общественное мнение представляет собой сложное духовное образование и включает в себя ряд компонентов, которые, несомненно, важны для анализа количественных и качественных характеристик качества услуг ЖКХ.

В настоящее время исследователи выделяют следующие компоненты общественного мнения:

1. Объект и субъект общественного мнения. Объектом общественного мнения являются общественно значи-

мые факты социальной действительности (конкретные явления, темы, проблемы и т.п.), по которым высказываются суждения и точки зрения , по поводу чего складывается общественное мнение [4, с. 24]. Объект общественного мнения необходимо изучать, обращая внимание на анализ общей способности суждения общественного мнения отражать действительность, выделяя при этом те критерии, в силу которых явления жизни становятся объектом общественного мнения [3, с. 87].

2. Когнитивный (познавательный) компонент – знание субъекта об объекте.

3. Оценочный компонент – это ценностный элемент общественного мнения, результат взаимодействия рационального и эмоционального, выражающий определенное эмоциональное отношение к тем или иным актуальным общественным проблемам. Содержание общественного мнения – это те оценки и суждения, которые разделяются большинством. Соотношение истинного и ложного в общественном мнении должно учитываться при определении его практической значимости.

4. Волевой (поведенческий) компонент – это активное начало общественного мнения, проявление позиции по отношению к объекту, готовность действовать определенным образом в связи с имеющимся отношением к проблеме [4, с. 26].

Для использования результатов общественного мнения в оценке качества услуг ЖКХ необходимо отметить тот факт, что общественное мнение появляется тогда, когда возникающая проблема в сфере ЖКХ приобретает практическое значение и затрагивает интересы потребителей услуг ЖКХ. Это является необходимым, но недостаточным условием формирования общественного мнения о качестве услуг ЖКХ. Кроме того, в местном сообществе должны быть различия в суждениях и оценках этой сферы услуг. Поэтому для получения информации об общественном мнении мы должны обратиться к тем представителям местного сообщества, которые обладают необходимым уровнем компетенции в конкретном изучаемом вопросе ЖКХ, что позволит правильно оценить генеральную и выборочную совокупность при проведении социологического исследования. И, в конечном счете, получить репрезентативные эмпирические данные.

В исследовании влияния жилищных условий на здоровый образ жизни человека мы опирались на социологию общественного мнения, а полученные оценки интегральных качеств различных услуг ЖКХ анализировали с использованием аппарата математической статистики, что позволило декомпозировать полученную обобщенную информацию на составляющие, отражающие основные требования, предъявляемые к качеству услуг отдельных видов услуг ЖКХ.

В таблице представлены оценки граждан Чаплыгинского района их жилищных условий по пятибалльной шкале в виде, упорядоченном по среднему значению соответствующего вида услуг.

Таблица
Оценка качеств жилищных условий гражданами Чаплыгинского района

	Вид жилищно-коммунальных услуг	S	ΔS	σ	D	A	ΔA	Э	ΔЭ
1	Газоснабжение	4,486	0,037	0,964	0,928	-2,171	0,094	4,359	0,188
2	Отопление	4,351	0,047	1,057	1,116	-1,731	0,108	2,340	0,216
3	Электроснабжение	4,108	0,045	1,174	1,379	-1,281	0,093	0,754	0,185
4	Горячее водоснабжение	4,090	0,058	1,220	1,489	-1,184	0,117	0,338	0,233
5	Водоотведение	3,927	0,062	1,322	1,747	-1,021	0,115	-0,164	0,230
6	Холодное водоснабжение	3,899	0,052	1,309	1,713	-1,018	0,097	-0,122	0,194
7	Вывоз мусора	3,508	0,060	1,417	2,008	-0,512	0,104	-1,018	0,208
8	Содержание и ремонт жилья	3,300	0,072	1,495	2,236	-0,326	0,117	-1,292	0,233

S – математическое ожидание исследуемой величины (среднее значение);

ΔS – стандартное отклонение математического ожидания исследуемой величины;

σ – среднее квадратическое отклонение исследуемой величины;

D – дисперсия исследуемой величины;

A – асимметрия, третий центральный момент случайной величины, служит для характеристики асимметрии ("скошенности") распределения. Если A<0 , то среднее значение смещено в сторону максимальных значений исследуемой величины, если A>0, то среднее значение смещено в сторону минимальных значениий исследуемой величины [5, с. 97];

ΔA – стандартное отклонение асимметрии исследуемой величины;

Э – эксцесс, четвертый центральный момент случайной величины, служит для характеристики так называемой "крутости", т.е. островершинности (Э>0) или плосковершинности распределения (Э<0), для нормального распределения; четвертый центральный момент случайной величины равен нулю (Э=0) [5, с.98],

ΔЭ – стандартное отклонение асимметрии исследуемой величины,

Для корректного статистического анализа эмпирических данных необходимо помнить, что математическое ожидание, мода, медиана, начальные и центральные моменты случайной величины и в частности дисперсия, среднее квадратическое отклонение, ассиметрия, эксцесс представляют собой наиболее употребительные числовые характеристики случайных величин. Во многих задачах практики полная характеристика случайной величины – закон распределения – или не нужен, или не может быть получена. В этих случаях ограничиваются приблизительным описанием случайной величины с помощью числовых характеристик, каждая из которых выражает какое-либо свойство распределения [5, с. 98].

Из таблицы следует, что, по мнению граждан, на хорошем уровне налажено обслуживание населения газом (S=4.49), отоплением (S=4,35), электроэнергией (S=4,108), горячей водой (S=4,090), о чем свидетельствуют:

- положительные значения эксцессов у соответствующих видов услуг – от максимального у газоснабжения Э=4,359 (этот вид услуг ЖКХ большинство потребителей услуг оценивают как услугу, удовлетворяющую требованием бесперебойности, безопасности и доступности), до минимального положительного значения Э=0,338 – у горячего водоснабжения (этот вид услуг, несмотря на достаточно высокое среднее значение качества S=4,090, предоставляется, для определенной части населения с перебоями, с нарушениями своевременности подачи тепла в дома, что может инициировать заболевания наиболее уязвимой части населения в холодное время года);
- наибольшие отрицательные значения асимметрии отмечается от А=-2,171 у услуги ЖКХ, связанной с газоснабжением (этот вид услуг имеет минимальное количество отрицательных оценок потребителей, так как скошенность распределения этой случайной величины направлено в сторону максимальных оценок качества газоснабжения) до А=-1,184 – горячее водоснабжение (для этого вида услуг асимметрия примерно в два раза меньше, чем для газоснабжения, что свидетельствует о том, что для горячего водоснабжения характерно достаточно большое количество как высоких, так низких оценок качества этой услуги).

Следовательно, для объективной оценки деятельности соответствующих коммунальных служб по данным опроса граждан с использованием интервальной шкалы достаточно знать средний уровень оценки (должно быть максимально возможное среднее), уровень отрицательной асимметрии (максимальный отрицательный уровень свидетельствует о минимальном количестве низких оценок гражданами работы этой службы) и значение эксцесса (максимальное положительное значение свидетельствует о минимальном разбросе мнений о работе данной службы).

Самые низкие оценки получили службы, которые обеспечивают содержание и ремонт жилья (S=3.3, Э=-1,292, А=-0,326), вывоз мусора (S=3.508, Э=-1,018, А=-0,512), холодное водоснабжение (S=3.899, Э=-0,122, А=-1,018) и водоотведение (S=3.927, Э=-1,021, А=-0,164), и которые, в целом, отвечают за создание в поселении необходимых санитарно-гигиенических условий в каждом до-

ме, в отдельной квартире и на площадях и улицах поселения.

Как следует из таблицы, почти половина услуг ЖКХ в Чаплыгинском районе оценивается жителями на уровне немного больше, чем три балла с небольшим.

Анализ отношения населения к уровню существующих тарифов на услуги ЖКХ показал, что большинство граждан Чаплыгинского района (72,2%), считают что тарифы ЖКХ являются слишком высокими и только для 26,0% населения такие тарифы ЖКХ являются приемлемыми, и как горькую шутку можно рассматривать мнение 1,8% населения по поводу низких значений тарифов ЖКХ (см. рис.).

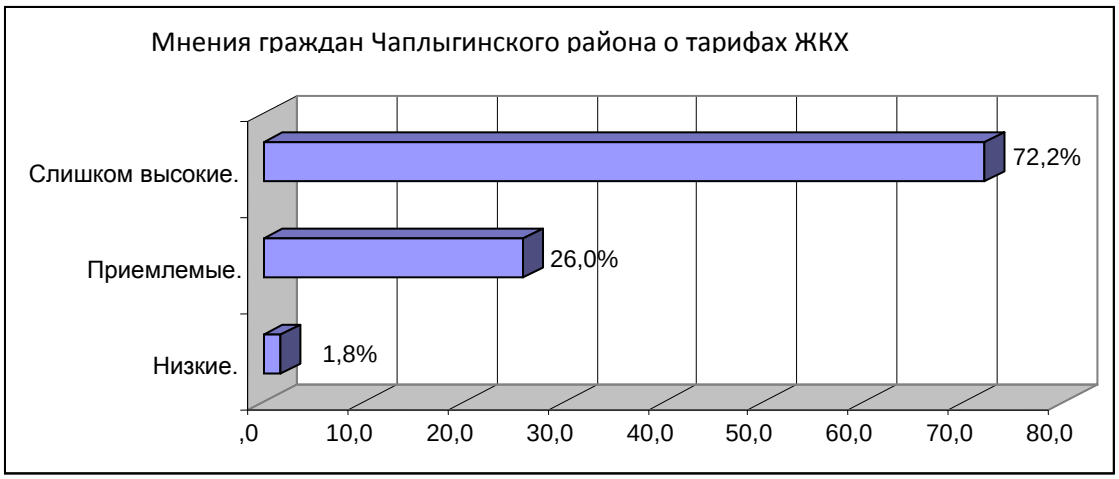

Рис. Мнения граждан Чаплыгинского района о тарифах ЖКХ

Таким образом, на базе теории среднего уровня – социологии общественного мнения – разработан подход к количественной оценке качества различных видов услуг ЖКХ.

Для корректного статистического анализа эмпирических данных общественного мнения об услугах ЖКХ и разработки на базе этих результатов конкретных управляющих воздействий доказаны возможность и необходимость применения помимо традиционных интервальных оценок случайных величин, также показателей асимметрии, эксцесса, которые позволяют получить более полную характеристику конкретной услуги ЖКХ. Полученные количественные интервальные статистические характеристики могут быть использованы:

- для комплексной оценки качества услуг ЖКХ;
- объективного информирования населения о качестве услуг ЖКХ;
- разработки управленческих решений производителем услуг;
- оценки органами муниципального управления деятельности управляющих компаний.

Список литературы

1. Вахрушев С.Н. Проблемы удовлетворенности населения качеством услуг на предприятиях в сфере ЖКХ // Молодой ученый. – 2016. – №12. – С. 1166-1168.
2. Музафаров А.А. Применение маркетинговых исследований на рынке общественных благ и жилищно-коммунальных услуг муниципального образования // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 18. – С. 34–40.
3. Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. – М.: Политиздат, 1967. – 267 с.
4. Морозова Т.И., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Социология общественного мнения. – Белгород: ИПК НИУ "БелГУ", 2011. – 96 с.
5. Венцель Е.С. Теория вероятностей. – М.: Наука, 1969. – 576 с.
6. Шмарион Ю.В., Благинин В.С., Дуспаев Б.Т., Кузьмина Е.Е. Здоровый образ жизни населения муниципального образования: социологический анализ (на примере Чаплыгинского муниципального района Липецкой области). – Липецк: ЛГПУ, 2013.– 203 с.

List of references

1. Vahrushev S.N. Problemy udovletvorennosti naseleniya kachestvom uslug na predpriyati-yah v sfere ZHKH // Molodoj uchenyj. – 2016. – №12. – S. 1166-1168.
2. Muzafarov A.A. Primenenie marketingovyh issledovanij na rynke obshchestvennyh blag i zhilishchno-kommunal'nyh uslug municipal'nogo obrazovaniya // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2014. – № 18. – S. 34–40.
3. Grushin B.A. Mnenie o mire i mir mnenij. – M.: Politizdat, 1967. – 267 s.
4. Morozova T.I., Reutova M.N., SHavyrina I.V. Sociologiya obshchestvennogo mneniya. – Belgorod: IPK NIU "BelGU", 2011. – 96 s.
5. Vencel' E.S. Teoriya veroyatnostej. – M.: Nauka, 1969. – 576 s.
6. SHmarion YU.V., Blaginin V.S., Duspaev B.T., Kuz'mina E.E. Zdorovyj obraz zhizni naseleniya municipal'nogo obrazovaniya: sociologicheskij analiz (na primere CHaplyginskogo municipal'nogo rajona Lipeckoj oblasti). – Lipeck: LGPU, 2013. – 203 s.

1. Редакция принимает материалы, соответствующие тематике журнала, отвечающие требованиям самостоятельного научного исследования (актуальность, научная новизна, достоверность сведений). Предоставляемые материалы не должны быть опубликованы ранее в других изданиях.

2. Статьи для рассмотрения возможности их публикации в журнале присылаются на адрес электронной почты: gicr-lspu@yandex.ru Редакция обязательно подтверждает получение рукописи в течение трех дней. Присылаемый материал регистрируется в редакции с указанием даты поступления, Ф.И.О. автора или авторов, места работы, контактов, названия материала.

3. К рассмотрению принимаются тексты объемом до 0,5 авторского листа (20 000 знаков с пробелами), оформленные в соответствии с предъявляемыми редакцией требованиями.

4. Автор/авторы направляют в редакцию следующие файлы:

• Файл со статьей. Название: Иванов_статья.

• Информация об авторе/авторах **(на русском и английском языках)**. Название: Иванов_справка.

Информация об авторах включает в себя: ФИО, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, сфера научных интересов, контакты (телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес с указанием индекса, название статьи).

• Аспиранты и соискатели направляют в редакцию отсканированный отзыв научного руководителя с заверенной подписью. Название: Иванов_отзыв. В отзыве обязательно наличие фразы о том, что статья рекомендована к публикации.

5. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором. **Материалы, не соответствующие выдвигаемым реакцией критериям, редакционной коллегией не рассматриваются.**

6. **Технические параметры:** текст набирается в программе Word: размер шрифта – 14, гарнитура – Times New Roman, межстрочный интервал – 1,5, поля – 2 см со всех сторон. Объем статьи – до 0,5 а.л. (20 000 знаков с пробелами). Абзацный отступ – 1 см.

7. **УДК** – выравнивание по левому краю.

8. **Заглавие статьи** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, заглавные буквы, полужирный шрифт. Названия работ должны

быть информативными, краткими и отражать суть тематического содержания материала.

9. **Инициалы и фамилия автора** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, строчные буквы, полужирный шрифт.

10. **Аннотация** – на русском и английском языках, курсив, объем – до 10 строк. В тексте аннотации раскрывается не научная проблема, а содержание статьи – актуальность, предмет, объект, методы, научная новизна.

11. **Ключевые слова** – на русском и английском языках, 5-7 слов и словосочетаний.

12. **Список литературы** оформляется в алфавитном порядке. Каждый пункт должен включать в себя: фамилию и инициалы автора/авторов, заглавие работы, место издания, издательство, год издания, количество страниц для книг, диапазон страниц – для статей в журналах и сборниках. **Список литературы в обязательном порядке приводится также в соответствии с правилами транслитерации.**

13. **Ссылка** в тексте статьи включает в себя указание в квадратных скобках на номер цитируемой работы из списка литературы, а также через запятую – страницы. Пример: [5, с. 321], [1, с. 12; 8, с. 12-14].

14. **Таблицы** в тексте имеют сквозную нумеруются и заголовок, в тексте на таблицу дается ссылка, например: (см. табл. 5).

15. **Иллюстрации** следует представлять отдельным файлом и сопровождать подписями. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации, например: (см. рис. 2).

16. **Формулы** должны быть набраны в редакторе формул программы Word. Перенос формул допускаются на знаках «плюс» и «минус», реже – на знаке «умножение». Эти знаки повторяются в начале и в конце переноса. Формулы следует нумеровать (нумерация сквозная по всей работе арабскими цифрами). Номер формулы заключают в круглые скобки у правого края страницы.

Богуславский Михаил Викторович – заведующий Центром истории педагогики и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», главный редактор журнала «Гуманитарные исследования Центральной России», доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования (г. Москва).

Елисеев Владимир Константинович – заведующий кафедрой педагогики, психологии и специального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк).

Звезда Людмила Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Коротких Ольга Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Лазарева Мария Васильевна – заведующая кафедрой дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк).

Меркулова Татьяна Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Мокшин Геннадий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Неборский Егор Валентинович – доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Удмуртского государственного университета, кандидат педагогических наук (г. Ижевск).

Олейниченко Александр Владимирович – руководитель аналитического отдела компании UMG (г. Киев).

Попова Галина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Первицкий Юрий Петрович – заведующий историческим отделом муниципального бюджетного учреждения «Лебедянский краеведческий музей им. П.Н. Черменского» (г. Лебедянь).

Рощупкин Алексей Юрьевич – аспирант Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (г. Елец).

Тарасенко Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Тигрова Ирина Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Федина Нина Владимировна – и.о. ректора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доцент, кандидат педагогических наук (г. Липецк).

Филиппова Елена Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Шмарион Юрий Васильевич – профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк).

Шопина Людмила Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкальной подготовки и социокультурных проектов ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).

Mikhail V. Boguslavskiy – editor in chief, head of the Centre history of pedagogy and education of the Institute of the education development strategy of RAE, Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of RAE (Moscow, Russia).

Vladimir K. Eliseev – Dr. Sci (Psychology), professor, head of pedagogy, psychology and special education chair, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Lyudmila M. Zvezda – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Olga V. Korotkikh – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Maria V. Lazareva – Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Tatyana K. Merkulova – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Gennady N. Mokshin – Dr. Sci (History), professor, chair of Russian History, Voronezh State University (Voronezh).

Egor V. Neborskiy – Ph.D. (Pedagogy), docent, Chair of pedagogy and pedagogical psychology, Udmurt State University (Izhevsk).

Alexander V. Oleynichenko – the head of the analytical department of the company UMG (Kiev).

Galina A. Popova – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Yuriy P. Pervitsky – History department head of municipal budgetary institution "Lebedyan local history museum named after P. N. Chermenskiy" (Lebedyan).

Alexey Yu. Roshchupkin – graduate student, Bunin Yelets State University (Yelets).

Tatyana V. Tarasenko – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Irina V. Tigrova – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Nina V. Fedina – Ph.D. (Pedagogy), acting rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk).

Elena V. Filippova – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Yuri V. Shmarion – Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Lyudmila P. Shopina – Ph.D. (Pedagogy), docent, chair of Music Training and Socio-Cultural Projects, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk).

Редактор-корректор – В.И. Буланова

Дизайн, графика – С.А. Бондарчук

Художественное и графическое редактирование,
компьютерная верстка – О.Е. Булхова

Перевод – О.А. Журавлева

Территория распространения – Российская Федерация.

Подписано в печать 19.06.2017 г.
Дата выхода в свет 30.06.2017 г.
Формат 70 × 108 1/16.
7,9 п. л.
Тираж 100 экз.
Заказ № 1313.
Свободная цена

Редакция журнала «Гуманитарные исследования Центральной России».
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.
http://lspu-lipetsk.ru/giceros

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Editor-corrector V.I. Bulanova

Translation O.A. Zhuravleva

Design, graphics S.A. Bondarchuk

Art and graphical editing, desktop publishing O.Ye. Bulkhova

Distributed in Russian Federation.

Signed to print 19.06.2017.
Date of publishing 30.06.2017.
Sheet size 70 × 108 1/16.
7,9 printed sheets.
Number of copies 100.
Order no. 1313.
Free price

Editorial office: 42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Printshop: 42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia